

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Вилль Бертольд

ГИБЕЛЬ ЛИНКОРА **«БИСМАРК»**

НЕМЕЦКИЙ ФЛАГМАН
ПРОТИВ БРИТАНСКИХ ВМС

1940–1941

Annotation

Вилль Бертхольд рассказывает о сражении германского линкора «Бисмарк» с британскими ВМС. Английское адмиралтейство мобилизовало для перехвата немецкого линкора все силы, и ценой собственных потерь после долгого преследования мощный боевой корабль был уничтожен. Автор дает подробные технические характеристики «Бисмарка» и его вооружения, рассказывает, каким курсом следовал корабль, как противнику удалось его обнаружить, какие решения принимало штабное командование и как распределялись обязанности рядовых членов экипажа.

- [Вилль Бертхольд](#)
 - [Вступление](#)
 -
-

**Вилль Бертхольд
Гибель линкора «Бисмарк».
Немецкий флагман против
британских ВМС. 1940-1941**

Вступление

Когда линкор «Бисмарк» обнаружили в прибрежных водах близ Бергена, весть о его выходе в море быстро достигла британского адмиралтейства. Немецкую эскадру перехватили в Датском проливе. В первом жестоком морском сражении британский линейный крейсер «Худ», гордость Королевского флота, погиб от взрыва, а новейший линкор «Принс оф Уэйлс» получил серьезные повреждения. После этого катастрофического морского боя уничтожение германского линкора стало настоящей потребностью Королевского флота.

В этой книге рассказывается с позиции экипажа линкора «Бисмарк» об охоте за кораблем и его гибели. Цель книги – воспроизведение ужасной картины морского поражения.

Бертольд повествует об этом величественном и впечатляющем событии так, как оно воспринималось людьми. Он описывает малодушие и храбрость, проявлявшиеся экипажем этого корабля по мере приближения неизбежного конца. Он воспроизводит мысли моряков о родном доме, сопровождавшие их до самой смерти. Он показывает бессмысленность всех войн.

Яркое живописание крупного морского сражения побежденным противником лишь немногих оставит бесстрастными и бесчувственными.

* * *

Проводная связь жужжала часами. Когда унесся вдаль первый шлейф вечерней дымки, на борт корабля

вступил высоченный и стройный адмирал. Теперь все поняли, что положение серьезно. Все предвещало войну. Войну на море. В Атлантике, где господствовали англичане. Отныне все увольнения отменялись. Возлюбленные на берегу, офицерские жены, матери молодых матросов сегодня проведут время в напрасном ожидании.

Поход начинался с тушенки. Сходни еще связывали флагман «Бисмарк» с землей, которую 2287 человек его экипажа больше никогда не увидят. Неделей позже эти люди будут разорваны на куски взрывами снарядов, торпед, авиабомб или потонут среди пятен горящего мазута в бурлящем море.

Но ни один из тех, кто жадно поглощал свою тушенку, не думал об этом. Кто будет думать о смерти, когда еще находится в порту?

На корабле люди играли в карты. Слушали радио. Обменивались незатейливыми шутками и сообщаясь смеялись над ними. Другие вели себя менее легкомысленно, писали письма матерям, возлюбленным, женам. Их не покидало беспокойство, но и уверенность тоже. Уверенность передавалась от одного к другому. К ней взывали. Она считалась приказом. Она была естественной во время нахождения на борту самого современного боевого корабля в мире. Ее излучали 380-миллиметровые орудия, отливающие холодным блеском стали, турбины мощностью 175 000 лошадиных сил, 190 000 снарядов, хранящихся в бронированных погребах боеприпасов гигантского корабля.

Матросы знали, что снарядам противника пришлось бы сначала преодолеть непробиваемые плиты из хромоникелевой стали, которые не имел ни один корабль в мире, кроме «Бисмарка». Они знали, что их корабль непотопляем, что в последние месяцы испытаний и доводки на Балтике сотни и тысячи раз

отрабатывались каждое действие, каждый маневр, каждая непредвиденная ситуация.

Линкору «Бисмарк» водоизмещением 45 000 тонн опасаться было нечего – нечего, кроме того, что должно было случиться...

Четыре члена экипажа еще отсутствовали – младший лейтенант Петерс и три матроса гидрографической службы. Их задача состояла в проверке свободных от мин фарватеров, совсем недавно нанесенных на морские карты корабля. Они справились с заданием к полудню. Поскольку на флагмане ждали их возвращения значительно позднее, они решили использовать несколько часов свободного времени наилучшим образом.

Младший лейтенант и матросы остановили грузовик и отправились в кузове из Готенхафена в Данциг, где водились дорогие напитки и дешевые девицы. Они ехали по дорогам, окаймленным темно-зелеными каштановыми и цветущими вишневыми деревьями. Однако весны моряки не замечали. Их не интересовала красота майского дня. Им хотелось в последний раз отведать берега или того, что моряки подразумевают под берегом.

Грузовик остановился перед гостиницей. Они дали шоферу несколько сигарет и поспешили с ним распрощаться.

– Будьте здесь к 19.00, – приказал младший лейтенант. – Иначе вам не поздоровится.

– Есть, герр младший лейтенант, – ответили трое матросов и со смехом удалились.

Только типичный для корабля шум, низкий, непрерывный гул и жужжание вспомогательных механизмов выдавали, что «Бисмарк» будет вскоре отбуксирован от причала. Экипаж больше не замечал монотонного гудения. В последние несколько часов его

усилили 300 отпускниками. Так называли штабную команду из 82 человек командующего флотом адмирала Лютьенса и экипажи пяти самолетов морской авиации, которые обычно отсутствовали, пока обстановка не осложнилась.

Флагман «Бисмарк» представлял собой плавучий город, населенный соседями, которые знали друг друга, и незнакомцами, которые никогда не встречались и проходили мимо друг друга без единого слова. Это был город с площадями и улицами, парикмахерскими, прачечными, обувными и пошивочными мастерскими. Когда корабль вступал в бой, парикмахеры, сапожники, портные, официанты и повара подчинялись морской дисциплине и действовали в качестве санитаров. Вышестоящим начальникам отдавали честь лишь раз в день.

Естественно, в этом плавучем городе длиной 350 метров и шириной 35 метров не было ни одной женщины. Они появлялись лишь в виде фотографий, изображавших женщин с застывшей улыбкой или со строгими серьезными лицами. Это были либо респектабельные женщины в наглухо застегнутой верхней одежде, либо полуголые звезды, которых наклеивали на рундуках между койками или на стальных переборках. Такие фото составляли собственность всего экипажа и являлись первой темой обсуждения.

Командующий флотом приказал пятерым офицерам прибыть в штурманскую рубку. На его вытянутом лице было угрюмое выражение, волосы тщательно расчесаны на две стороны. Он говорил на безупречном немецком языке, свободном от местных наречий, и смотрел на своих офицеров, среди которых находился и командир корабля, капитан Линдеман, без тени симпатии.

– Господа, – начал он, – через два часа мы выходим в море. Для маскировки нашего отбытия этой ночью здесь

станет на якорь наш однотипный корабль «Тирпиц». Завтра утром мы будем в норвежских водах. Быстро заправимся в Бергене и затем объединимся с крейсером «Принц Эйген», который будет с нами взаимодействовать. Наша задача состоит в уничтожении торговых судов неприятеля в Атлантике. Согласно приказам Верховного командования флота, следует, насколько возможно, избегать столкновений с боевыми кораблями противника.

Адмирал на мгновение оторвал взгляд от стола. Его лицо сохраняло угрюмое выражение. Белоснежный воротничок был чуточку шире нормы. Между краями воротничка висел Рыцарский крест.

– Можно предположить, что противник засечет выход «Бисмарка» в море еще в то время, когда мы будем находиться в Норвегии. Из Бергена мы выйдем в составе ложного конвоя, но затем будем двигаться самостоятельно вместе с крейсером «Принц Эйген». Все наличные германские подводные лодки сосредоточены в предполагаемой зоне боевых действий, активизируется также и люфтваффе. Суда снабжения находятся в намеченных мною точках. Есть вопросы?

– Никак нет, герр адмирал, – ответил капитан Линдеман.

– Хорошо... Не сомневаюсь, что противник хорошо осведомлен относительно огневой мощи и радиуса действий «Бисмарка». Они бросят против нас все возможное. Либо мы вернемся с победой, либо не вернемся вовсе.

Коротким кивком адмирал отпустил офицеров. Он пронзал их взглядом, словно офицеры были сделаны из стекла. Он не отвечал их вкусам. Но они были слишком привязаны к традициям германского флота, чтобы сознаться себе в этом.

Остальные члены экипажа чувствовали себя более свободно. Они, не задумываясь, дали командующему

флотом Гюнтеру Лютьенсу прозвище Черный дьявол.

Младший лейтенант Петерс вернулся на место сбора первым. Это был офицер невысокого роста, худощавый и бледный. Лишь четверть часа назад он простился с матерью. Он не говорил ей о выходе «Бисмарка» в море, но она знала, чувствовала это и поэтому плакала. Петерса раздражали ее слезы. Он сердился, потому что слезы заставляли его переживать. Офицер резко отбросил мысли о старой женщине, обругал трех своих опаздывающих матросов и решил, что у него еще осталось время, чтобы выпить.

Вторым появился матрос Пфайфер, парень едва достигший 18-летнего возраста. Он предпочел школе войну. По крайней мере, в данное время.

– Хорошо провел время?

– Да, герр лейтенант.

– Где остальные?

– Не знаю, я был не с ними.

– Почему?

– Мне не хотелось идти с ними. Всегда одно и то же. Вы бы тоже с ними не пошли, герр лейтенант.

– Если эти двое не придут, мы погибли.

Младший лейтенант уже жалел о поездке в Данциг. Рядом с ним на скамье лежали морские карты, в которых крайне нуждался штурман корабля. Петерс вспомнил о своей матери и посмотрел на ручные часы.

В это время появились двое старшин. Мегринг говорил осипшим голосом:

– Теперь нам придется поторопиться на корабль.

Не много лучше его выглядел Хинрихс. Его лицо побагровело, он мучился отрыжкой.

– Черт вас подери, – произнес Петерс.

– Очень хорошо, мой адмирал, – отозвался Мегринг. – Черт займется нами позднее. Сейчас же нам надо идти. Нас ждет машина.

Увидев машину, младший лейтенант оторопел. Это был черный фургон с серебряной пальмовой ветвью впереди. Старшины «организовали» для поездки в обратном направлении катафалк.

– Весьма символично, – заметил Пфайфер.

– Заткнись! – воскликнул Хинрихс. – Катафалки приносят удачу.

Четверо моряков стояли сгорбившись среди искусственной хвои и полинявших траурных лент. Держались за поручни гробов. Необычная обстановка мгновенно пресекла всякие разговоры.

На каждой колдобине дороги они падали друг на друга чертыхаясь и смеясь. Мегринг достал из-под кителя бутылку спиртного, вытащил из горлышка пробку и протянул Петерсу.

– Взбодрись, – сказал он. – Пить лучше, чем тонуть.

Бутылка пошла от одного к другому. Петерс, плохо переносивший спиртное, почувствовал, как алкоголь ударил ему в голову. Мегринг горланил песню. Пфайфер пил неохотно, с кислым лицом.

– Куда мы приехали? – спросил Хинрихс.

– Не твое дело.

– Лично я думаю, что шофер подъехал к церкви, – предположил старшина. – Надеюсь, вы и за нас помолитесь.

Бутылка снова пошла по кругу.

– Вам хотелось бы знать, куда мы приехали? – спросил Мегринг.

– Мы и так знаем, – отозвался Петерс. – Конечно же в публичный дом.

– Подходящее место для моряка.

Мегринг икнул и продолжил:

– Мы постарались и для вас.

Теперь бутылку почти опустошили. Пфайфер, преодолев свое отвращение к дешевому ликеру, вылакал его до конца. Петерс почти опьянел. Оба

старшины давно пересекли границу между трезвостью и опьянением.

– Хотелось бы знать, зачем вы двое приехали в Данциг, – снова заговорил Мегринг. – Лично я приехал к рыжей. Кажется, это была она. Ничего особенного. Стоит десять марок. Потом я выбрал, знаете ли, добросердечную блондинку. Скажу вам, горячая женщина. Так всегда, блондинки дают то, чего ждешь от рыжих. Что с тобой?

Он двинул локтем в бок Хинрихса. Но Хинрихс не реагировал, он пел свою песню.

– Через минуту его развезет.

– Не расслабляйтесь, – предупредил Петерс. – Мы на месте.

– Сам не расслабляйся, младший лейтенант. Именно ты явишься с докладом.

Катафалк добрался до места назначения, проехал вдоль набережной и остановился. В туманной дымке видимость не превышала 30, может, 40 метров.

– Так, где наша лодка? – спросил Мегринг. Он расплатился с шофером несколькими сигаретами. – Приятель, – сказал ему Мегринг, – если ты снова так поведешь машину, то крышка гроба вылетит из кузова.

Младший лейтенант крепко держал под мышкой свернутые морские карты. Свежий воздух чуть не сбил его с ног. Машина развернулась и уехала.

– Я пьян? – спросил Петерс. – Корабль ушел!

Линкора «Бисмарк» у причала не было. Младшему лейтенанту и его подчиненным понадобилось полчаса для осознания этого факта. Больше нельзя было медлить. Катер доставил их на флагман. По выносному трапу поднялись на борт корабля. Хинрихс наступил на руку Пфайфера. Тот выругался. Из-под кителя Мегринга выпала полная бутылка ликера.

– Черт, – произнес он.

Первым выбрался на палубу Петерс. В пяти метрах стоял капитан-лейтенант Вернер Нобис. Петерс, подойдя к нему, отдал честь.

– Младший лейтенант Петерс с тремя членами экипажа прибыл на корабль из службы гидрографического наблюдения, – отрапортовал он.

– Пьяны? – спросил Нобис.

– Никак нет, герр капитан.

Мегринг, Хинрихс и Пфайфер быстро скрылись с глаз командира.

– Не знаю, уезжаю я или приезжаю! – воскликнул Мегринг. – Теперь и спиртное тоже ушло на запад... Удачи ему... Сейчас же я собираюсь развлечь парней байками.

Через полчаса «Бисмарк» снялся с якоря и направился в море, держа курс на Скагеррак через Большой Бельт. Теперь работали основные двигатели. Вибрация ощущалась лишь на мостике А и ниже. Дали приказ к отбою. Вахтенных на нижних палубах послали спать и беречь силы для предстоящего боя. Но для большинства молодых матросов это был первый боевой поход, они ждали, что что-то случится в любое время.

Матросы чувствовали себя превосходно. Почти все они были добровольцами, молодыми людьми, которые пока ничего не приобрели и не потеряли от войны. В 1941 году война, казалось, предвещала победу Германии... Флагман рассекал морские волны гордо и уверенно. Он шел со скоростью 28 узлов, которая могла быть увеличена в случае крайней необходимости до 31 узла. Осадка корабля при полной загрузке составляла 10 метров, а водоизмещение – 45 000 тонн. Его высота от ватерлинии до верхушки мачты равнялась почти 22 метрам. Наружная обшивка корпуса корабля имела дополнительный, защитный слой из хромоникелиевой

стали. Ни одна британская торпеда не имела достаточной мощности, чтобы пробить эту стену.

Сражения с противником ожидали 89 орудий всех калибров. Четыре орудийные башни имели спаренные стволы калибра 380 мм каждый, заряжавшиеся с помощью гидравлических механизмов. Дело не в калибре, корабли германского флота тоже вели огонь из таких же орудий в Первую мировую войну. Новизна заключалась в том, что орудия этого линкора наводились на цель в кромешной темноте радаром с погрешностью в несколько метров.

Посты наблюдения и корректировки огня имелись на марсах, впереди и на корме, а также в боевых рубках. Половина личного состава этого подразделения, около 60 человек, спала в общих кубриках, каждый из которых располагался как можно ближе к постам наблюдения. Офицеры спали в двухместных каютах. Только командир корабля, командующий флотом и командиры подразделений пользовались одноместными каютами.

В помещениях под палубами царили чистота, тишина и порядок, какие бывают в госпитале. Корабль обогревался теплом от котлов. Температура регулировалась автоматически. «Бисмарк» строили пять лет, он обошелся в 30 миллионов фунтов стерлингов. В течение месяцев испытаний не обнаружилось серьезных конструктивных дефектов. Не было их отмечено, когда корабль вышел в боевой поход. И когда его потопили...

На палубе, занятой командой машинного отделения 2-го полудивизиона, никто не спал. Люди несли вахту в течение двух часов. Если не будет воздушной тревоги, другие шесть часов они будут свободны. Сегодня ничего не произошло. Мессмера застали за курением и приказали в качестве наказания дежурить на верхней палубе. Лейтенант отдал приказ громовым голосом.

Мессмер пробежал 100 метров, нырнул в люк и исчез. Офицер не был знаком с Мессмером, а Мессмер не знал офицера. На свете не было более подходящего места, чтобы спрятаться, чем линкор «Бисмарк».

Хенгсту приказали явиться к капитан-лейтенанту Билку. Он потратил три часа на поиски офицерской столовой и опросил двадцать своих сослуживцев, но ни один из них не мог объяснить, где она находится. Хенгст попытался связаться со столовой по телефону, но ему сказали, что все линии заняты официальными переговорами. К тому времени, когда он нашел капитан-лейтенанта, тот забыл, что ему было нужно, и Хенгст был вынужден уйти, выслушав выговор в свой адрес.

Бюргер мучился болью в животе. Терпел два часа и затем пришел в лазарет. У него обнаружили острый аппендицит, и, прежде чем матрос смог понять, что случилось, его положили на операционный стол уже под анестезией. Под наркозом он извергал проклятия, потому что боялся проспать первый бой. Операция прошла без осложнений.

Затем Лаухс сообщил, что видел, как один из штатских стюардов стащил ящик бренди. Внезапно всех обуяла жажда. Вспомнили, что унтер-офицер Линденберг был на гражданке слесарем. Сговорились, чтобы он сделал отмычку. Только штатские стюарды запирали свои буфеты. Отмычка сработала великолепно. Однако бренди не могли обнаружить до шестого ящика. Потом бесшумно пробрались назад на свою палубу и закрыли переборку. Приятелей унтер-офицера Линденберга нельзя было удержать от участия в выпивке. Но по крайней мере, им не нужно было опасаться унтер-офицеров...

В проходе выставили наблюдателей, сменявших друг друга через определенные промежутки времени. После того как выпили первые две бутылки, о

наблюдателе забыли. Он вошел в каюту, энергично протестуя. Наблюдение отменили. С этого момента больше ни о чем не заботились. По опыту знали, что офицеры в это время редко появлялись в общей столовой, а унтер-офицеров можно было подкупить выпивкой. За исключением немногих мерзавцев. Но они обитали в других отсеках корабля.

Так начался первый боевой поход для личного состава машинного отделения 2-го полудивизиона. Матросы братались с пьяными унтер-офицерами. Во время боя или попойки унтер-офицеры могли быть великолепными парнями. Прошло несколько месяцев с тех пор, как зеленых юнцов с «Бисмарка» отшлифовывали на казарменном плацу.

Снова и снова они пили за старшего матроса Линка. У того через семь дней была намечена свадьба. Поскольку матросы не знали, останется ли бренди к тому времени или время для выпивки, они гуляли на свадьбе заранее по доверенности.

– Как ее зовут? – поинтересовался Линденберг.

– Эльза.

– Покажи фото.

Линк охотно протянул снимок.

– У нее приятное личико, – констатировал унтер-офицер тоном знатока.

– За свадьбу! – хором заорали матросы.

Чертовски забавная вещь, эта война. Словно вы находитесь в спальном вагоне. Официант, еще одну порцию бренди, пожалуйста. Старое корыто отлично обогревается. Напитки наилучшего качества, первоклассная еда. Превосходные унтер-офицеры, которые пьют, как рыбы. Отличная команда из офицеров, которые всегда спят, когда не несут вахту. Суперкорабль, о морской болезни вы даже не вспомните. Во всяком случае, не сейчас... Пили за все по очереди. В конце концов, за войну на море.

– Сколько лет вы на флоте? – спросил кто-то Линденберга.

– Три года.

– Где получили Железный крест?

– На минном тральщике.

– За что?

– Нам выдали два Железных креста. Затем корыто пошло ко дну. Из двух оставшихся в живых одним был я.

– Как потонул корабль?

– Наскочил на мину. Как раз килем. Случайно я оказался на корме.

– А другие как?

– Они не были на корме... Взбодритесь, унывать не стоит. Мины нам не страшны.

– Где еще служили?

– На судне снабжения, – ответил Линденберг.

Сразу же влияние алкоголя улетучилось. Линденберг выглядел бледным и осунувшимся. Его настроение передалось другим. Их воодушевление пропало.

– Это скверная вещь для войны на море. Вы ждете, что подойдет какое-нибудь большое корыто, вроде «Бисмарка». Но оно не подходит. Вместо этого подлетают томми на своих самолетах и кроют вас от души. Правда, у вас есть несколько зениток, но летчики могут сбросить свои бомбы с такой высоты, что вы их не достанете. Если бомба попадет в корабль, он полыхает огнем. Первокласная кремация... Унывать не надо, вас много. Вы не на танкере... Удача – с вами. Вы здесь как сыр в масле катаетесь.

Не похоже, чтобы унтер-офицер хотел пить дальше. Он встал, попрощался и вышел. Другие тоже бросили пить.

Линк давно уполз на свое место в кубрике. Закрыв глаза. Он видел перед собой Эльзу. Девушку, которую любил. Стройную, белокурую Эльзу с детскими глазами,

которая через семь дней, в 10.30 утра, будет стоять одна в отделе регистрации. Она станет вдовой, прежде чем будет женой.

Однако она этого не знала. Линк тоже не знал.

Дым разъедал ему глаза до слез. На столе стояла бутылка бренди, которая больше никого не интересовала. Линк слез с койки и приставил горлышко бутылки к губам. Если он снова опустит голову на подушку, то проспит три часа кряду.

Он не представлял, какая его постигнет судьба. Никто на «Бисмарке» не знал, не подозревал и не предчувствовал, что его ждет впереди. Будущее флагмана германского флота не могли предвосхитить самые мрачные прогнозы.

Голову старшего матроса Герберта Линка просто разнесло снарядом. Ему выпала сравнительно легкая участь.

Когда над наступающим днем 20 мая 1941 года поднялась холодная утренняя дымка, линкор в окружении эсминцев и минных тральщиков, а также под охраной самолета прибыл в строго назначенное место. Капитан Линдемман, крепкий жилистый офицер, которого команда обожала, все еще командовал кораблем. Он не должен передавать командование адмиралу Лютенсу, пока «Бисмарк» не соединится с «Принцем Эйгеном».

Теперь встречи с самолетами и подводными лодками противника были вполне вероятны. Однако ничего не происходило. Ничего не случилось и через несколько часов, когда флагман вошел в норвежские воды.

Переход «Бисмарка» готовился с беспрецедентной тщательностью. Главнокомандующий Северной группой войск перебросил к Бергену несколько пехотных частей и сосредоточил их в районе порта. Вдоль побережья

крейсировали ложные конвои. Для проведения операции задействовали самолеты ВВС. Свободные от мин фарватеры «Агата» и «Доротея» непрерывно проверяли 2, 5 и 7-я флотилии тральщиков. Цепь передовых постов ВМС в Норвегии протянулась до ледового барьера. Германские самолеты наблюдения постоянно кружили в воздухе.

Все эти меры имели целью ввести противника в заблуждение. Он не должен был знать, собирается ли «Бисмарк» оказать поддержку немецкому вторжению в Исландию, или сопровождать гигантский конвой, или прорваться в Атлантику более или менее самостоятельно, для охоты за торговыми судами.

Британские агенты в Норвегии передавали в Лондон информацию, исходя из того, что они видели. Они не знали о том, что немецкая служба безопасности перехватывала все их сообщения. Люди Канариса несколько месяцев контролировали основную сеть британских агентов в Норвегии и внедряли в нее своих агентов. Но они откладывали разгром этой организации до того дня, когда «Бисмарк» впервые вышел в море навстречу врагу.

Флагман германского флота прибыл в Берген около полудня, имея над собой ярко-голубое небо, а под собой – спокойное море. Свободные от вахты члены экипажа вышли на палубу, чтобы погреться на солнце. На берегу собрались немецкие солдаты, помахивая руками кораблю в знак приветствия. Один из них взобрался в лодку, подгреб к «Бисмарку» и крикнул тем, кто находились на верхней палубе:

– Сигареты есть?

Матросы смеялись и бросали предприимчивому гребцу целые пачки сигарет.

Капрал махнул им рукой, засмеялся и крикнул:

– В будущей войне я пойду служить во флот!

На берегу привлекали внимание другие достопримечательности. Две высокие норвежские блондинки прогуливались вдоль пирса, сопровождаемые жадными взглядами солдат. Они то и дело останавливались и смеялись над воздыхателями.

– Чудный корабль. Как он называется? – спросила одна из девушек сержанта.

– Не знаю, – сказал он в ответ, – но корабль действительно красив.

Девушки не знали, что сегодня за ними наблюдали глаза тех, кого ни в малейшей степени не интересовало их женское обаяние, – служба безопасности, которая фиксировала все, что они делали. Не предполагали, что люди, следившие за ними, точно знали, куда они направляются. Не имели представления о том, что место их назначения уже окружено и что преследователи ждут лишь еще одного сигнала по радио, чтобы их арестовать.

Девушки шли к Аме, к Арне Свенроду, который, с одной стороны, выступал снабженцем германского флота сушеной треской, а с другой стороны – отбивал азбукой Морзе секретные телеграммы в Лондон. Они сообщили Свенроду все, что видели. Он извлек мало пользы из их сообщения. Англичане слали срочные запросы относительно вооружения корабля, его тоннажа и радиуса действия. На базе ВМС Скапа-Флоу они еще сомневались, был ли это «Бисмарк». По расчетам британского адмиралтейства, «Бисмарк» должен быть готов к боевым действиям лишь через два месяца.

Англичане не знали, что срок испытаний корабля был сокращен.

Арне пошел в порт сам. Прежде всего под предлогом обсуждения поставок сушеной трески. Он сообщил портовым властям о поступлении нового груза товара. Затем прошелся вдоль пляжа. Как один из

многих горожан, которых привлекала хорошая погода и разбирало любопытство. Он заметил четыре орудийные башни. Наметанным глазом он определил более или менее точно тоннаж корабля. Свенрод пришел к заключению, что корабль, на котором грелись под солнцем матросы, может быть либо «Бисмарк», либо «Тирпиц». Он заметил, что корабль пополняет запасы и готовится к выходу в море.

Внезапно Свенрод заторопился. Он вернулся в свой офис, быстро оставил его, вошел в потайную комнату флигеля, вытащил из стенки коробку, снял клеенку и сел за телеграфный ключ.

Его позывных уже ждали. Свенрод радовал: «Германский линкор, возможно „Бисмарк“ или „Тирпиц“, водоизмещение 42 000 тонн, четыре орудийные башни с 380-миллиметровыми спаренными стволами, пять самолетов морской авиации. Готов к бою. Выход в море сегодня. Вероятно вторжение на территорию Исландии».

Он передал много другой информации. Правдивой и ложной. Поскольку многие из подчинявшихся ему агентов, которым он доверял, были двойниками. Арне сидел за телеграфным ключом с мрачным выражением лица. У него было двое детей и довольно миловидная жена. Его бизнес процветал. Но он пренебрег всем. Им владела лишь одна мысль, одна цель и одно чувство – ненависть.

Он выслушал ответ на свою радиограмму, пользуясь обычным приемником в офисе. В комнате было очень душно, но Арне Свенрод не смел открыть окно.

Теперь, когда он шел к своему офису, его судьба была решена. Лишь в 100 метрах от него сотрудники секретной службы прослушали его радиограмму. Ее немедленно расшифровали. Начальник секретной службы Штейнбринк кивнул:

– Правильно, это то самое.

Все стало ясно. Служба безопасности нанесла удар. Арне Свенрода задержали при входе в холл. К нему подошли двое в штатском.

– Руки вверх! – скомандовали они.

Он не подчинился и стал шарить в кармане, тогда последовал выстрел. Свенрод упал. Первый человек, погибший в операции «Бисмарк», был норвежцем.

Капитан-лейтенант Вернер Нобис готовился заступить на вахту. Как только линкор вышел в море, он занял свое место в штурманской рубке в качестве помощника штурмана корабля. Нобис был высоким, широкоплечим, молодым. Он выглядел как современный викинг, привыкший есть красную икру и целовать женщин. Сохранял аккуратный внешний вид и ауру терпимого, уверенного в себе человека, когда все другие достоинства на борту не котировались.

Капитан-лейтенант был одним из немногих моряков, которые не питали иллюзий относительно рейда в Атлантику. Он знал, что такое война на море. Его Железный крест хранился в рундуке. Он не надевал награду ни теперь, ни позднее, когда сражение закончилось. Нобис знал себе цену. Но ему пришлось пройти через испытания еще невиданные...

Нобис был свободен от патриотической лихорадки, овладевшей другими. Не принимал он также смерть с фатальной беспечностью, характерной для массы участников боев.

Его влекли к морю мотивы, весьма далекие от стремления участвовать в беспощадной войне. 16-летним парнем надел он морскую форму, очарованный безбрежностью океана, буйством ветра и волн, тысячами солнечных бликов и, кроме того, из-за страсти к приключениям.

Нобис поступил на службу в торговый флот, прошел без задержки все ее этапы и трудности, был принят на

борт роскошного французского лайнера «Иль-де-Франс» в качестве заместителя четвертого помощника капитана. Владельцам лайнера нравилось принимать в штат молодых офицеров разных национальностей, которые использовались на «социальной вахте». Вместо выполнения обычных заданий они играли на палубе в теннис со скучающими женами миллионеров и стимулировали любовь к жизни долларовых принцесс.

Вопрос о вахте на корабельном мостике никогда не возникал...

Стюард постучал в дверь каюты миссис Уэбстер, имевшей мужа, на предприятиях которого ежедневно забивались сотни голов скота. Нобис, освободившись от объятий женщины среднего возраста, отнюдь неохотно принял от стюарда телеграмму.

В ней сообщалось о его призыве на службу в германский флот.

Нобис простился с Гавром. В последний раз поговорил с друзьями, которые сейчас, должно быть, стали его врагами. Обменялся рукопожатием с высоким юношей Олли, похожим на него, словно брат. Они похлопали друг друга по спине, избегали смотреть в глаза друг другу и посмеивались над своей сдержанной сентиментальностью.

У Олли в кармане тоже имелась повестка о призыве на военную службу. На службу в Королевский флот...

Учебная подготовка прошла быстро. Через шесть месяцев Нобис снова служил на кораблях. Охотился за британскими грузовыми судами, вел огонь из зениток по британским самолетам, захватывал суда в качестве трофеев, проводил через пролив конвои, обезвреживал и ставил мины, топил и сам подвергался угрозе быть потопленным.

Затем появилась Дайна.

В неудачном месте и в неудачное время.

В звании лейтенанта Нобис командовал небольшим сторожевым кораблем, сновавшим вдоль испано-португальского побережья на удалении 3 морских миль. Поджидал австралийский баркас с грузом яиц, который долго не показывался. В результате на корабле Нобиса истощились запасы топлива и воды.

В поисках выхода из затруднения он связался с представителями нейтральной страны – Португалии. Поднял на корабле желтый карантинный флаг и вошел в бухту города Оporto. Португальцы обещали наполнить цистерны корабля горючим. Они сдержали обещание. Но корабль попал в ловушку и не мог двинуться ни назад, ни вперед. Потому что у пирса Оporto стоял пришвартованный британский корвет, который только что прошел ремонт. Тоже злоупотребив карантинным флагом...

Сойти на берег разрешили только Нобису. В дополнение к воде и горючему предоставили двадцать четыре часа свободного пребывания в городе. Затем ему следовало оставить порт и выйти в море. Его кораблик подстерег бы более мощный британский корвет и потопил бы первым же залпом. Если бы не случилось чуда...

Молодой офицер в подавленном состоянии бродил по улицам портового города, с которым связывал столь большие надежды в последние несколько часов. Он заглянул в таверну, где его подстерегали проститутки, лишившиеся работы из-за войны. Заказал для жриц любви выпивку и затем постарался от них отделаться. Потом и сам выпил за полное избавление от всех забот или избавление от них настолько, насколько позволяла ситуация.

Португальцы симпатизировали немцам. В знак особого расположения оркестровый дуэт снова и снова играл немецкую песню. Одно Небо знает, как они добыли музыку к ней.

Нобис мучительно искал выход из положения, сознавая, что его нет. На нем лежал тяжелый груз ответственности за корабль и двадцать одного члена экипажа. Двадцать один прекрасный парень, которые последуют за ним через все препятствия, а сейчас завидуют его отлучке с корабля. Капитан покидает тонущий корабль последним, но он стал первым, кто сошел на берег.

Но вот открылась дверь.

Сначала он увидел только ее. Блондинку, высокую и изящную. Она выглядела элегантно и уверенной в себе. Она настолько выделялась среди посетителей таверны, что без колебаний вошла в нее. Нобис запретил своим глазам смотреть на нее, но они не подчинялись ему. Потом он заметил мужчину. Беглым взглядом сбоку. Решил, что мужчина не португалец. Затем напрягся. Это был Олли, его приятель с «Иль-де-Франс». Англичанин Олли, который, как и сам Нобис, носил плохо пригнанный флотский китель и до смешного напоминал его.

В тот же миг Олли узнал его тоже.

Друзья медлили лишь секунду, затем смеясь подошли друг к другу. Их свел вместе невероятный случай.

Затем воцарилось неловкое молчание. Олли поднял свой стакан.

– Паршивое дело, – произнес он. – Не печалься. Ничего не случилось. Завтра мы будем палить друг в друга, сегодня же вместе выпьем.

Хорошо, что Олли не слышал командир его корабля.

– Твоя посуда у пирса? – спросил Нобис.

Олли кивнул:

– Чуть подальше твоя скорлупа?

Теперь Нобис кивнул в ответ.

Они рассмеялись, но веселья не ощущали. Понимали ситуацию, в которой оказались. Они были друзьями,

один – немец, другой – англичанин, которым приказали стать врагами и обязали демонстрировать сдержанность, присущую флотским офицерам.

Подругу Олли звали Дайна. Олли дружил с ее отцом. Вернер Нобис сел рядом с ней. Она носила тесно облегающее платье, которое, вероятно, сшила сама. Нобис не мог оторвать от нее взгляда. Девушка заметила это, но не сердилась и не смущалась. Раз или два он дотронулся до нее, как бы невзначай. Встреча заставила его забыть обо всем, но лишь на считанные минуты.

Они поднялись из-за столика и вышли. Дайна шла между ними. От бухты их разделяло расстояние всего в несколько сот метров. С моря дул прохладный бриз, покачивая два военных корабля, которые располагались друг против друга.

– Мне туда, – сказал Олли.

– Мне туда, – отозвался Вернер.

– Вы действительно друзья? – спросила Дайна.

– Да, – ответили оба разом.

– Тогда выход очень прост, – заметила Дайна. – Один из вас направляется на юг, другой – на север, а когда вы встретитесь снова, война уже кончится.

– Это невозможно, – возразил Нобис.

– Это невозможно, – отозвался Олли.

Он пожал руку Вернера, пряча взгляд.

– Я провожу Дайну домой.

Нобис кивнул.

– Хорошо, – сказал немец.

– Помни, куда ты идешь, – напутствовал англичанин.

Друзья даже не обернулись, чтобы бросить взгляд вслед друг другу. Они сжали зубы и прокляли войну. И все-таки до следующего дня они не представляли, что такое война.

Лейтенант Нобис думал о Дайне и своем корабле. Он не знал, что произойдет дальше, не знал, что приведет

свой корабль на родину целым и невредимым, и еще меньше знал, что снова увидит Дайну, полюбит ее и что война разлучит его с ней...

Капитан-лейтенант Нобис резко поднялся. Вошел младший лейтенант Петерс. Держась чуть напряженно, он доложил:

– Вас хочет видеть командующий флотом, герр капитан.

– Где?

– На мостике, герр капитан.

В это время флагман «Бисмарк» снялся с якоря. Нобис машинально взглянул на ручные часы: 5.02 пополудни. Линкор двигался навстречу врагу.

Он двигался навстречу величайшей победе германского флота.

Он двигался навстречу жесточайшему поражению германского флота...

«Бисмарк» медленно и спокойно тащился мимо Бергена из норвежского фиорда. За ним следовал тяжелый крейсер «Принц Эйген» водоизмещением 19 000 тонн с командой численностью 1400 человек, которые тоже готовились впервые вступить в бой с врагом. В открытом море сформировалась эскадра. Перед авангардом шли два тральщика. Пять эсминцев прикрывали фланги и тыл.

На мостике «Бисмарка» стоял адмирал Лютенс, человек, которого еще никогда не видели улыбающимся. Курс – 260 градусов. Высота гребня волны 2–3 метра. Сила ветра 4–5 метров в секунду. Видимость – 22 морские мили.

К вечеру опустился туман. Через четыре с половиной часа хода эскадра встретила конвой торговых судов. Адмирал потребовал опознавательного сигнала. Конвой его дал.

Это был немецкий ложный конвой из 12 судов под прикрытием легкого крейсера и двух эсминцев. Он

вышел в море лишь для маскировки операции «Бисмарк». Ему приказали следовать дальше.

Суда конвоя вернулись в порты приписки.

Теперь отпустили также и корабли прикрытия. Флагман «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Эйген» изменили курс. Когда капитан Линдеман узнал о новом курсе, он покачал головой. Верховное командование флота предполагало, что кораблям следует прорываться в Атлантику между Исландией и Фарерскими островами. Но командующий флотом адмирал Лютьенс располагал полной свободой действий. Почему он предпочел более опасный Датский пролив, Верховное командование так и не поняло.

Приказ «отбой» отменили. Команда на верхней палубе хранила свои спасательные жилеты и стальные шлемы всегда в пределах досягаемости. Напряжение охватило корабль с носа до кормы, от киля до верхушки мачты. Каждый, ощутивший внезапно вибрацию корабля, утешал себя, что все это естественно, и все же беспокоился. Тревожились как молодые матросы, впервые участвующие в боевом походе, так и бывалые офицеры, которые не выдавали своих чувств ни за что на свете. Каждый реагировал на обстановку по-своему. Некоторые становились вдвое болтливей, чем обычно, другие не говорили ничего. Одни говорили шепотом, другие кричали. Одни сидели все время в галюнах, другие стояли без движения.

Старшина Мегринг забыл свои истории о женщинах. Линк думал о невесте. Младший лейтенант Петерс шутил. Но у всех на душе было скверно. На тех, кто говорил тихо, кричали, что они говорят слишком громко.

Все вдруг ощутили присутствие врага, который мог атаковать под прикрытием ночной мглы и тумана как с воздуха, так и из-под воды. То, что в течение нескольких часов ничего не произошло, лишь усиливало

напряжение. Впередсмотрящие боролись с ночными привидениями. Они повсюду видели подлодки. Ухмыляющаяся фата-моргана посылала одну ложную команду за другой. Их отменяли, снова давали и отменяли вновь. Во время боевого похода ничто не вызывает беспорядка больше, чем бездействие... У младшего лейтенанта Петерса пропал аппетит. Но он предпринял максимум усилий, чтобы скрыть это. «Какого черта я пошел служить во флот?» – спрашивал он себя в мрачном расположении духа. Он отбросил салфетку и снова вернулся в штурманскую рубку. Капитан-лейтенант Нобис приветствовал его словами:

– Вы бледны, Петерс.

– Я всегда был бледен, герр капитан... даже когда был ребенком. – В тот же миг Петерс покраснел.

– Вы сейчас уже не бледны, – возразил Нобис с усмешкой.

– Мне не страшно, герр капитан.

Нобис похлопал его по спине:

– Никто не говорит, что вам страшно. Вы не знаете, как я себя чувствовал, когда оказался впервые в морском походе. Никому не говорите, но меня мучила морская болезнь дважды в день.

Теперь усмехнулся Петерс:

– Вам известно, как собирается действовать адмирал?

– Нет. Я не намерен в это вникать.

– Старик, должно быть, пойдет мимо Фарер.

– Я бы тоже шел этим курсом, – проворчал Нобис. Он склонился над картами, отодвинув компасы. – По мнению Лютьенса, англичане, видимо, полагают, что мы пойдем на этот раз другим курсом. Адмирал рассматривает два варианта. На то он и адмирал... Если англичане тоже рассматривают два варианта, все будет в порядке... Теперь я хочу отправиться на боковую на полчаса.

Нобис вышел из штурманской рубки, спустился с мостика, вдохнул свежего воздуха и прошел под крытую палубу.

В это время матрос Пфайфер выскочил из офицерского галюна. В суматохе, вызванной «боевой обстановкой», он попал не в свое отхожее место.

– Ты соображаешь, откуда идешь? – спросил его Нобис.

– Так точно, герр капитан.

– Что значит «так точно»? – рассмеялся Нобис. – В следующий раз, будь любезен, контролируй, куда идешь.

– Так точно, герр капитан.

Матрос оставался стоять на своем месте в нерешительности.

– Ты имеешь хотя бы малейшее представление, куда тебе нужно идти?

– Никак нет, герр капитан.

– Какой дивизион?

– Второй матросский.

– Идем со мной.

Нобис вошел в матросскую столовую. Старший по вахте скомандовал: «Смирно!» – и отдал честь.

Когда Нобис остановился среди рундуков, вдохнул спертый воздух, увидел изображения полуголых девиц, он сразу ощутил себя в домашней обстановке, забыл, что является офицером. Он почувствовал себя среди людей, с которыми делил судьбу. Вибрация пропала. Это заметил не только он, но и другие. Пропала на несколько минут. Только на несколько минут.

На откидной полке стояла полупустая бутылка бренди. Старший матрос собирался ее убрать.

– Оставь ее, – сказал Нобис. Он взял кружку и наполнил: – Прочь напасти, – выпил все залпом. Затем поднялся.

Он вдруг вспомнил, что служит на «Бисмарке» офицером. Что корабль движется ночью. С 2430 судьбами на борту, которые решатся в течение нескольких дней, решатся войной, источником всех убийств. С людьми на борту, которые надеялись, тревожились, дрожали от страха или хвастали смелостью. Вместе с чувством долга людей наполняли тревога и дрожь. Завершением их боевого похода могло быть одно – уничтожение. Уничтожение самих себя или противника. Победа или смерть. Но одна цель превосходила все остальные: выжить, если возможно.

А что же противник? Что делали англичане? О чем они думали? Что знали? Что они противопоставили самому современному из всех германских линкоров? Какое количество людей, техники, снарядов? Какова в их усилиях была доля отваги, какова доля удачи?

В адмиралтействе сходились нити событий. Нити, которые вначале не могли распутать. «Бисмарк» воспринимался как корабль-призрак. Вышел ли он в море? Или вместо него вышел однотипный корабль «Тирпиц»? Какая перед ним поставлена задача? Достоверны ли сообщения секретных агентов из Норвегии?

Однако самый важный вопрос для адмирала сэра Джона Тови состоял в том, покинула ли германская эскадра бухту. Только воздушная разведка могла ответить на этот вопрос определенно.

В тот день, 21 мая, погода оказалась настолько скверной, что все самолеты Королевских ВВС остались на земле. После продолжительных дебатов за закрытыми дверями англичане решили попытаться сделать невозможное. При помощи добровольцев, в частности капитана 3-го ранга Ротерхэма, одного из наиболее успешных специалистов по дальней разведке.

Опыт Ротерхэма показался адмиралтейству настолько ценным, что оно на продолжительное время отозвало его с фронта боевых действий. Ротерхэм сразу выразил готовность совершить облет района Бергена на устаревшем самолете морской авиации на высоте 65 метров с целью избежать обнаружения немецкими радиолокаторами. Его первым местом посадки был намечен небольшой островок в 15 морских милях от Бергена. Оттуда самолет должен был совершить свой разведывательный полет над фиордом.

Самолет стартовал без современного навигационного оборудования на борту, которое обычно используется для определения метеорологической обстановки. Он летел так низко, что экипаж боялся задеть скалы на побережье Норвегии.

Ротерхэм долетел до острова, где ему следовало сориентироваться, и оттуда взял курс прямо на фиорд.

Он летел на малой высоте в условиях плотной облачности и обнаружил, что залив пуст. Для полной уверенности он сделал над заливом несколько кругов, а затем вылетел к Бергену для осмотра городского порта.

Теперь самолет попал под обстрел германских зениток. Ротерхэм увернулся от огня в крутом пике и передал в Англию сенсационное радиосообщение: «Корабли противника покинули порт».

Отважный пилот переключился на внутренний телефон. Адмиралтейство готово было ждать. Для полной уверенности руководство адмиралтейства хотело переговорить с офицером до принятия контрмер. Каждый лишний час пребывания британских кораблей в порту много значил, поскольку это было важно для экономии топлива.

Позднее адмиралтейство получило от своего норвежского агента подтверждение известия о том, что линкор вышел в море. Куда он направлялся?

Ясно одно: германская эскадра во главе с линкором вышла из порта по крайней мере шесть часов назад.

Даже до выяснения планов германского флота адмиралтейство мобилизовало свои силы.

Тяжелые крейсера «Саффолк» и «Норфолк» направились патрулировать Датский пролив.

Линейный крейсер «Худ», крупнейший в мире боевой корабль (после «Бисмарка»), «Принс оф Уэйлс» и 6 эсминцев выдвинулись в район Гвалфиорда (Исландия).

Крейсера «Бирмингем» и «Манчестер» получили приказ патрулировать западное побережье Исландии.

У побережья Западной Шотландии находились крейсер «Аретуза» и 5 эсминцев.

К охоте за «Бисмарком» подключили также флагман адмирала сэра Джона Тови «Кинг Джордж V» в сопровождении авианосца «Викториес», 4 крейсеров и 7 эсминцев. Даже этим не ограничились.

У Бат-оф-Льюис (северный мыс острова Льюис из гряды Гибридных островов) крейсировал «Рипалс» с 3 эсминцами.

Вокруг Фарерских островов затаились в засаде 5 британских крейсеров.

Охотники стали сближаться с «Бисмарком». Зона операции составляла 1000 квадратных миль...

Призрачная тишина установилась повсюду на двадцать шесть часов и тридцать минут. Глаза людей из состава экипажей кораблей двадцать шесть часов и тридцать минут нервно бегали без всякой причины. Затем показалось, что время решающего боя пришло. Грянули первые залпы...

Незадолго до первой тревоги хирург капитан-лейтенант Тиле заметил, что матрос Хайнц Бюргер собирается исключительно быстро выздороветь после операции на аппендиците. Он лежал в лазарете на белоснежной кровати, но не ценил этого

обстоятельства. Постоянная вибрация корабля между анестезией и первой стадией выздоровления не производила на него никакого впечатления. Он выучился бояться позднее.

Незадолго до первой тревоги произошел первый жесткий спор между капитаном Линдеманом и адмиралом Лютенсом. Никто его не слышал, но, видимо, все догадывались, как ведут себя за стальными переборками боевой рубки адмирал и капитан. Насколько сильно расходились взгляды двух военачальников по тактическим вопросам, ужасающе ясно проявилось после потопления «Худа»... Дисциплинарная драма. Победа приказов над здравым смыслом. Теперь же было 7.10 пополудни. Вахтенные беспокоились – суетились. Смена вахты через пятьдесят минут.

Первоначальное напряжение, кажется, спало. Большая часть команды «Бисмарка» не представляла, где находится корабль. Машинное отделение оставалось прежним. У него были те же соседи, та же вышестоящая инстанция. Его команда выполняла ту же работу. К своему удивлению и радости, самые спокойные из молодых матросов убедились, что боевой поход протекает довольно монотонно.

Другие реагировали иначе. Несколько матросов из 3-го полудивизиона испытывали свои спасательные жилеты на водонепроницаемость. Один матрос поднял ведро морской воды на семнадцать пинт и для определения температуры держал в воде руку, пока не онемееет. Над ним все смеялись. Температура моря составляла 12 градусов Цельсия.

Капитан-лейтенант Нобис только что проверил эту температуру по термометру на лаге. До конца вахты оставался один час. Лучший способ убить эти шестьдесят минут, он знал по опыту, – лечь на боковую. Нобис вернулся в свою каюту. В четырех деревянных

стенах, тонких, как бумага, и стыдливо прикрывающих стальные переборки, он почувствовал себя как дома. Смешно! Быть дома на линкоре! Но где еще капитан-лейтенант Нобис мог быть дома?

Он вспомнил Дайну, с которой мог бы проводить сейчас время. В Португалии. В нейтральной стране. В мирной обстановке. Расстояние в мили не является препятствием для мыслей. На десять минут Вернер Нобис отправился в путешествие на волнах памяти. Он вынул письма и фотографии. Он забыл, где находился и где должен был находиться.

В тот день в Опорто, после того как он попрощался со своим британским другом Олли, не обернувшись для прощального взгляда, жизнь шла своим чередом. Жизнь, которую он послал к черту, поскольку она не давала ему выхода. Но, спасибо Господу, черт ее не принял.

Шел 1940 год, и война на море была еще вполне сносной, если не считать положение германского сторожевика G-69, которого поджидал британский корвет у португальской трехмильной зоны. Вернеру Нобису, тогда еще лейтенанту, пришлось еще раз сходить на берег, чтобы поблагодарить за помощь начальника порта.

Португальцы заставили его ждать. У них были основания для этого. Они не желали вооруженных инцидентов близ своих берегов. Чтобы покинуть порт, ему нужна была подпись. Она отсутствовала в течение нескольких часов.

– В данный момент нет свободного лоцмана, – сказали лейтенанту Нобису.

– Сколько продлится этот момент?

– Возможно, два часа.

С невеселыми думами Нобис бесцельно бродил по улицам города. Разумеется, в штатском. Так предписано правилами нейтральной державы. Ночь дала ему

возможность привыкнуть к мысли, что он будет расстрелян своим другом Олли. Потому что тот был англичанином. Результат остался бы таким же, если бы Олли был на месте Нобиса.

Неожиданно перед ним появилась она. Беспокойство за своих людей надолго вырвало ее из его размышлений. Она выглядела такой же свежей, молодой и элегантной Дайной.

Она смеялась. Он глядел ей в глаза, а думал о своих тревогах.

- Почему вы на меня так смотрите? - спросила она.
- Это противозаконно?
- Нет.

Вернер Нобис пошел с Дайной в кафе, сделал заказ, попросил у нее извинения и позвонил в лоцманскую контору. Естественно, лоцман еще не освободился. Ему следовало ждать, ждать и еще раз ждать. Не распускать нервы. Сидеть рядом с Дайной.

- Что вы делаете в Португалии? - спросил он ее.
- Живу, - был ее ответ.
- Как вы познакомились с Олли?
- Его папа друг моего папы. Они оба моряки. Умерли несколько лет назад. Почти в одно время. Я - англичанка, - добавила она резко.
- Жаль, - сказал Нобис.
- Почему?

Он не ответил.

- Я знаю, что именно вы имеете в виду, - продолжила разговор Дайна. - Я выросла в Англии. Моя мать португалка. Когда отец умер, я вернулась в эту страну. Я люблю ее. И я уяснила, что вполне можно ценить две страны, даже если они враждуют друг с другом. Вам это понятно?

- Да.
- Я плохая англичанка. Должно быть, и плохая португалка. Или немка тоже. Для меня Англия не

больше чем территория, которую я уважаю. У меня британский паспорт. Но это не имеет значения. Паспорта – формальность, имеют значение люди, а не бумаги.

Лицо Дайны порозовело. Ее глаза сверкали. Она говорила быстро и энергично. Она совершенно не обращала внимания на людей, уставившихся на их столик. Дайну вообще не интересовало, что подумают люди.

Нобис вглядывался в ее лицо. Он следил за ее глазами, не слушая слов. Она видела это, но никак не реагировала.

– Вам нравится война?

– Нет, конечно, – ответил он.

– Послушайте, – продолжила она, – мы двое могли бы играть сейчас в теннис или купаться в море. Можно было бы сходить на танцы или в театр. Вас это не раздражает?

– Вы говорите так, словно я несу персональную ответственность за войну.

Он встал из-за столика и еще раз позвонил в лоцманскую контору. Заранее знал, что получит отрицательный ответ. Но хотелось еще раз удостовериться в этом.

– Будет через час, – ответили ему.

В часе шестьдесят минут. В минуте шестьдесят секунд. А секунды текут медленнее, чем бьется сердце. Когда сидишь рядом с Дайной, сердце бьется чаще. Они встали и пошли к выходу. В неудачное время и в неудачном месте. Шли рядом так, будто принадлежали друг другу, на самом же деле они принадлежали войне.

Оба об этом думали, но Дайна воплощала мысли в слова:

– Что с вами происходит? Разве не безумие то, что вы и Олли собираетесь предпринять друг против друга? Что вы считаете своим долгом? Это ненужный долг. Ваш

долг состоит в том, чтобы жить, создать семью, иметь детей и шлепать их по рукам, когда они начинают играть с игрушечным ружьем.

– Я буду делать это, когда наступит время.

Дайна улыбнулась Нобису. На мгновение она взяла его за руку. Ее движение было естественным и инстинктивным, но в этот миг Вернер Нобис реально ощутил и полюбил ее. В этот миг он узнал, кем она была на самом деле, и понял, что ее образ будет преследовать его повсюду. Во время продолжительного и утомительного патрулирования, в жуткие холодные ночи, под градом снарядов и в тоскливые будни обороны отечества. Она будет занимать его воображение всю войну, темной ночью, в страхе и ужасе.

Через четверть часа они смотрели друг на друга в последний раз. По крайней мере, они так думали. И обстоятельства давали все основания думать именно так.

Дайна взглянула на Вернера Нобиса и улыбнулась. Страдальческой улыбкой. Он заметил это и на долю секунды испытал радость.

– Теперь я должен с вами проститься, – сказал он.

– Увы, – произнесла она мягко.

Ему хотелось высказать ей все, но он не смог произнести ни слова.

– Не буду читать завтрашних газет.

Она еще раз повернулась к нему, затем поспешила уйти. Люди, проходившие мимо в противоположных направлениях, замечали, что она плачет. С этого времени события ускорились. Нобис вернулся на свой шлюп. В пределах трехмильной зоны произойдет обычное движение по морю. Но дальше его будет поджидать Олли, имея на борту своего корабля орудия, которые не оставят Нобису ни одного шанса. Он стиснет зубы и будет выкрикивать экипажу команды. Война –

это война! Черт с ней! Если Олли все продумал, он решит, что Нобис попытается ускользнуть в северном направлении. Поэтому Нобису следует прорываться на юг. Но какой смысл? Британский корвет быстроходнее, чем его развалюха.

Нобис направился на юг – ему повстречался австралийский баркас с грузом яиц, который он поджидал ранее. Баркас захватили. По крайней мере, Нобис и его команда наелись сырыми яйцами.

Корвет не появлялся. Проходили минуты, часы, дни. Сторожевик уже давно двигался курсом на родину, сопровождая захваченное судно водоизмещением 15 000 тонн. Олли не проявлял никаких признаков своего присутствия.

Как выяснилось позднее, у Олли были свои заботы. Германская служба безопасности располагала наблюдательным пунктом и в Опорто. Оттуда сообщили о прибытии корвета в Испанию. Из Испании сообщение передали на юг Франции. Там поднялись в воздух немецкие бомбардировщики, чтобы атаковать британский корабль.

Первые бомбы прошли мимо. Вторая серия накрыла цель. На корабле возник пожар. Экипаж потушил его, но половина команды погибла.

Обычная ситуация в войне на море. Кому был нужен Олли? Ведь Олли – враг.

Нобис вошел в гавань Бордо с трофеем в 10 миллионов яиц. Его наградили и снова послали в море. Позднее он узнал, что Олли остался в живых. Через две недели и Нобис узнал, что такое бомбардировка. Что значило беспомощно дрейфовать среди огромных волн и с отчаянием вглядываться в пустынный горизонт.

Война на море быстро взяла его в свои беспощадные клещи. У Нобиса был шанс вздохнуть свободно. Он снова увиделся с Дайной. Он полюбил ее и упустил свой шанс. Посчитал разлуку своим долгом. К черту долг...

Вой сирены прервал воспоминания лейтенанта Вернера Нобиса, который между тем дослужился до капитан-лейтенанта.

На «Бисмарке» воздушная тревога!

– Все по местам!

– Долой с палуб – и к бою!

Затем из стволов орудийных башен полетели снаряды...

Выполняя приказ, британский крейсер «Саффолк» патрулировал эту морскую зону. Он располагал современным радиолокационным оборудованием. До обнаружения «Бисмарка» имели место две ложные тревоги. В первый раз тревогу вызвала дрейфующая льдина, во второй – «Норфолк», флагман эскадры. И льдину, и «Норфолк» приняли вначале за «Бисмарка», о чем сообщили в Лондон в адмиралтейство. На этом этапе случай сыграл роковую роль. Из-за ошибки с обнаружением «Бисмарка» крейсер «Худ» под командованием вице-адмирала Ланселота Холланда и «Принс оф Уэйлс», которые между тем вышли в море, изменили курс.

Случайно они выбрали верное направление.

Но вот «Бисмарк» появился на экране радара «Саффолка». Отправили новую радиограмму.

«Норфолк» тоже неожиданно вышел на противника из густого тумана. Попытка уйти от «Бисмарка», находившегося всего в 6 морских милях, удалась. Крейсер быстро скрылся в туманной дымке. Тем не менее наблюдатель с «Бисмарка» заметил его.

Через сорок секунд первый залп вздыбил вокруг крейсера морскую поверхность. На палубу попадали осколки. Германский флагман вел прицельный огонь. «Норфолк» при помощи обманных маневров растворился в тумане «на полном ходу».

В машинном отделении «Бисмарка» выстрелы воспринимались как глухие удары. Моряки стояли на своих местах с бледными, потными лицами.

– Это бьют наши орудия или их снаряды попадают в нас? – спросил Линк.

– Конечно, наши орудия, – отозвался унтер-офицер Линденберг.

– Откуда ты знаешь?

– Это не нужно знать. Просто надо сохранять оптимизм. Вот и все.

Линк сделал неопределенный жест:

– Следовательно, здесь, внизу, мы даже не заметим, когда наш корабль разлетится на куски?

– Все равно заметишь, когда полетишь вверх. Но к тому времени, когда заметишь, будет уже поздно.

– Мы здесь как мыши в ловушке, – досадовал Линк. – Если будет прямое попадание в машинное отделение... если его зальет, мы потонем, как крысы.

– Заткни свою ловушку! – воскликнул старший унтер-офицер Нагель. – Перестань всех нервировать. Ведь огонь прекратился. Ты когда-либо слышал, чтобы командир позволил затопить машинное отделение? Ты трусливый подонок!

Для матросов поединок в тумане закончился. О том, как он продолжится, было известно группе офицеров в боевой рубке и экрану радара «Бисмарка», который искал противника в тумане.

«Бисмарк» пытался спрятаться, но это удалось лишь на время. Снова и снова радар обнаруживал присутствие неподалеку корабля противника. У германского флагмана не было оснований опасаться врага. Опасения вызывали подкрепления, которые тот неизбежно вызовет.

Корабли часами следили друг за другом. «Норфолк» отошел подальше. «Саффолк» тоже держался на почтительном расстоянии, как собачонка, которая чует

большого зверя, но не смеет напасть на него. Но «Бисмарк» опознали и следуют теперь за ним все время по пятам.

Сражение в Северной Атлантике началось...

24 мая 1941 года в 5.05 утра после пребывания в морском походе 36 часов и 5 минут «Бисмарк» и «Принц Эйген» встретили в точке с координатами 60 градусов 5 минут северной широты и 38 градусов западной долготы мощную эскадру противника. Впередсмотрящий доложил:

– Крейсер, водоизмещением около 45 тысяч тонн. Четыре орудийные башни по два ствола каждая, калибр 38 миллиметров.

Несомненно, это был «Худ». С экипажем в 1400 человек. С радиолокационными станциями. Со счетверенными малокалиберными зенитными артиллерийскими установками. С броневыми плитами толщиной 30 сантиметров.

На «Бисмарке» установили, что кораблем сопровождения крейсера «Худ» был «Кинг Джордж V». Позднее выяснилось, что это была ошибка. На самом деле крейсер сопровождал «Принс оф Уэйлс», однотипный кораблю «Кинг Джордж V».

Две эскадры дали себе полчаса для боевого построения. «Худ» был покрупнее, «Бисмарк» – посовременнее. Корабли сблизилась на расстояние около 20 морских миль – на расстояние видимости друг друга.

«По местам!» – прозвучал приказ с обеих сторон. В одном случае на немецком, в другом – на английском языке. На обоих кораблях служили моряки, имевшие жен, детей и матерей. Моряки, которые на гражданке работали бухгалтерами, ремесленниками, пахарями. Война переместила их на стальные колоссы. Одна

команда из них победит, другая – погибнет. Это решит война.

Капитан Линдемман повернулся к своему рулевому и передал ему вполголоса распоряжения, полученные от адмирала Лютенса. Он был спокоен, хладнокровен и собран. На лице, так знакомом экипажу, застыла улыбка, которая не сходила ни на мгновение во время боя с «Худом». Сила характера и презрение к смерти этого человека проявились в последующие три дня.

Он стоял на юте, вцепившись в поручни хваткой медведя. Два или три члена экипажа, сами отмеченные печатью смерти, пытались затащить его в воду, что давало хоть какой-то шанс спастись. Но он не уступал. Впервые в своей жизни он кричал на своих людей. Он отказывался следовать за ними, поскольку был связан долгом. Капитан должен оставаться на своем корабле. Перед этой традицией естественный страх смерти капитана Линдеммана, который в свободное время был обыкновенным человеком, капитулировал. Все человеческие инстинкты самосохранения разом сошли перед лицом его отчаянной храбрости.

Он поднес правую руку к козырьку фуражки и погиб, как герой второсортного фильма.

Только это был не фильм, но грандиозная работа войны, делавшая людей излишними.

Этот момент, однако, еще не наступил.

В данный момент смерть была уготовлена противнику.

Гигантский корабль пронзил резкий назойливый сигнал тревоги. Моряки бросились к своим боевым местам. Нервы вибрировали в унисон ритму тысяч морских ботинок, трамбовавших стальные палубные плиты. Люки переборки бились в своих проемах. Кто-нибудь остановит этот проклятый сигнал тревоги? Он продолжал звучать, словно его не слышал бесконечно

длившиеся прежде минуты (на самом деле это были секунды) каждый человек на верхней, крытой, и нижней палубах.

Готовность к бою рапортовали из орудийных башен, машинного отделения и с палубы через передающую станцию нервному центру стального колосса, боевой рубке. Помощник доложил командиру, что корабль готов к бою. Рапорт передали адмиралу флота.

Руки поспешно надевали боевые пояса – сумки со свернутыми в них противогазами, молотками и спасательными жилетами.

«Бисмарк», флагман флота, двигался к месту боя. В стороне от него, чуть опережая, шел тяжелый крейсер «Принц Эйген». На этот раз встал вопрос о жизни или смерти, победе или поражении.

За легкой дымкой тумана скрывался противник – «Худ», гордость Королевского флота.

На «Бисмарке» молодые матросы тоже ожидали битвы с воспаленными нервами, сдавленными глотками и урчанием в животах. Здесь тоже были сыны – гордость, надежда и тревога своих родителей, парни, которых вовлекли в войну, хотя они ни в малейшей степени не несли ответственности за ее начало. Войну, которая не брала в расчет их жен, детей и будущее. На обоих кораблях моряки одинаково убеждали себя, что «Бисмарк» и «Худ» непотопляемы. К этому внутреннему монологу примешивался страх, от которого все отнекивались, хотя и испытывали его.

Сначала два стальных Левиафана сблизилась друг с другом на расстояние 15 морских миль. С этой дистанции они открыли артиллерийский огонь. В ходе сражения они сократили расстояние, разделявшее их, примерно до 5 миль. «Бисмарк» сопровождал «Принц Эйген», «Худ» – новый линкор «Принс оф Уэйлс», ошибочно принятый немцами за однопалубный корабль

«Кинг Джордж V». В пределах видимости находились также крейсера «Норфолк» и «Саффолк».

5.35 утра (по среднеевропейскому времени). Через несколько минут в Датском проливе в точке с координатами 60 градусов 5 минут северной широты и 38 градусов западной долготы разыгрался чрезвычайно впечатляющий морской бой.

Группой кораблей крейсера «Худ» командовал вице-адмирал Ланселот Е. Холланд, опытный командир с высокой репутацией, зарекомендовавшим служебным положением, долговременной службой и специальными знаниями. Англичане считали «Худ» национальным символом. Корабль был спущен на воду более двадцати лет назад, он считался плавучим чудом. Занимал ведущее место в военно-морских парадах. Где бы ни собирались продемонстрировать имперскую мощь, появлялся «Худ». Его изображения помещались в школьных учебниках, в витринах магазинов, на стенах тысяч частных домов. Хотя эксперты отметили в корабле после его спуска на воду некоторые недостатки, общественность и Королевский флот относились к «Худу» с большим почтением. Но это чрезмерное почтение стоило жизни 1416 морякам.

Адмирал Лютенс вел свои корабли все ближе и ближе к эскадре противника. Ему пришлось принять бой, который прежде, согласно его приказам, следовало избегать. Командующему германским флотом каждую минуту докладывали в срочном порядке о сокращении расстояния до противника. Наконец, в 5.52 утра поступило разрешение открыть огонь.

Сигнальные флажки поднялись к нок-рее «Бисмарка». «Принц Эйген» немедленно откликнулся залпами орудий. Затем открыл огонь и «Бисмарк». Снаряды с грохотом вылетали из жерл орудий. Каждую из четырех орудийных башен обслуживали 64 человека. 64 человека с бледными, потными лицами, смеющимися

глазами и сухими, потрескавшимися губами. Огромные 380-миллиметровые орудия заряжались автоматически. Паузы между залпами составляли двадцать две секунды. Снаряды с воем проносились в юго-восточном направлении.

– Накрывающим огнем – залп! – скомандовал в микрофон командир первой орудийной башни.

«Бисмарк» бил по «Худу». С каждой минутой его залпы ложились точнее. Фонтаны воды величиной с дом взлетали вверх все ближе и ближе к корпусу корабля.

Вице-адмирал Холланд допустил роковую ошибку. Он спутал «Принц Эйген», возглавивший эскадру, с «Бисмарком» и сконцентрировал сначала огонь на менее мощном корабле. Он занял неудобную позицию. Его корабли ринулись на врага в развернутом строю почти под углом в 90 градусов. Следовательно, «Худ» находился прямо перед лобовыми орудиями линкора «Принс оф Уэйлс». Ни один из кораблей не мог использовать кормовые орудийные башни. Корабли шли в бой, сократив свою огневую мощь наполовину.

Но их орудия били точно. Третий залп накрыл противника. Затем «Худ» получил первое прямое попадание в грот-мачту. С «Принца Эйгена». Занялось пламя и быстро распространилось дальше. Орудийная команда носилась по палубе под градом снарядов.

И все-таки «Худ» вел огонь не по той цели...

Повреждения на «Принс оф Уэйлс» были посерьезнее. Снаряды попадали в него один за другим. 380-миллиметровый снаряд снес мостик. Палуба корабля выглядела как скотобойня. В живых остались только капитан Лич и старшина-сигнальщик. По переговорной трубе, связывающей мостик со штурманской рубкой, поток густой липкой крови стекал на стол с картами. Но прямо за дверью в орудийной башне мощного взрыва даже не слышали. «Принс оф Уэйлс» продолжал вести огонь...

Как раз в то время, когда палубный самолет собирался стартовать для облета цели, он был выведен из строя следующим залпом. Обломки полетели за борт. «Что, черт возьми, случилось с „Худом“, – спрашивал себя командир „Принс оф Уэйлс“, – какого черта он не ведет огонь по „Бисмарку“?»

Технические неполадки в работе орудийных башен нарастали. Временно переставали действовать стволы, заклинивало поворотный механизм башен. Становилось очевидным, что корабль отправили в район боевых действий преждевременно, без достаточных испытаний. Заводские специалисты все еще находились на борту. Они принимали участие в бою, помогая ликвидировать постоянно возникающие поломки в механизмах орудийных башен.

Германский флагман тоже получил первые попадания снарядов. Сразу после этого «Норфолк», оставшийся вдали – корабль не принимал никакого участия в бою, – заметил, как с «Бисмарка» поднимаются клубы черного дыма. Снаряд противника разрушил прибор, регулирующий поступление сжатого воздуха в катапульту.

Наконец, «Худ», развернувшись, улучшил свою боевую позицию. Но было уже поздно.

Море полыхало огнем. Стальную громадину покрывали дым и пламя. Ствол каждого орудия изрыгал разрушительный заряд. Командир первой орудийной башни Шнайдер отдавал приказы хладнокровно и спокойно. Орудия стреляли с небольшим недолетом. Следующий залп борта или еще один после него должен был накрыть «Худ».

В лазарете лежал матрос Бюргер. Каждый раз, когда били орудия, он пытался выпрыгнуть из кровати, но сидевший рядом дежурный по лазарету унтер-офицер Цайгер заставлял его снова опускать голову на подушку.

– Что это, – спрашивал Бюргер, – бьют наши пушки или в нас попадают снаряды?

– Заткни свой рот, – отвечал унтер-офицер. – Скоро узнаешь, что происходит.

Хотя матрос не чувствовал боли, он держал обе руки на прооперированном месте.

Старший матрос Линк думал о венчании по доверенности и потел. Линденберг кричал, хотя все его хорошо слышали. В рундуке каталась из стороны в сторону бутылка бренди. Никто о ней и не думал.

Ни у кого не было вообще времени или настроения думать. Перед глазами моряков, у их рук находились холодная металлическая рукоятка, панель с мигающими сигнальными лампочками и громкоговоритель, по которому непрерывно передавались команды. Ни один из тех, кто манипулировал электричеством под палубами, словно он проводил испытания, а не вел бой насмерть с самым крупным в мире боевым кораблем, не мог видеть того, что происходит.

В следующую секунду это случилось. Невероятное, грандиозное, уникальное событие. Величайший миг в истории германского флота. Самое тяжелое поражение в истории британского флота. Удачный залп «Бисмарка», удачный залп, стоивший жизни личному составу корабля противника численностью 1416 человек.

Прогредел еще один залп из орудий немецкого линкора. Он должен поразить «Худ». Офицеры прильнули к биноклям, словно прикованные. Взрыва не наблюдали. В чем дело? Промех? Не могут же все снаряды не разрываться?

Есть!

Столб пламени высотой в сотни метров. Грохот. Корабль противника объят пламенем. 42 500 тонн металла взлетели вверх. За быстротой происходящего глаз едва мог уследить. Расплавленный металл шипел в

морских волнах. Горели плавающие пятна масла. Кругом клубы дыма, огонь, фрагменты железа...

«Худ» взорвался.

От экипажа не осталось и следа. С ним кончено. Одни мертвецы. Погибли за пару секунд. Были разорваны на куски. Поглочены войной.

Из 1416 человек осталось в живых только трое. Словно чудом, которому не было объяснения. Корабельный гардемарин В. Й. Дандэс, сигнальщик 2-го класса А. Е. Бригс, матрос Р. Е. Тилберн были спасены.

Как же случилась катастрофа? Залп «Бисмарка» угодил в ахиллесову пяту корабля противника – в погреб боеприпасов, недостаточно бронированный. Снаряды пробили стальные плиты и взорвались в погребе.

«Принс оф Уэйлс», уже получивший тяжелые повреждения, с ужасом наблюдал, как флагман погружается на дно. Ему ничего не оставалось, кроме как бежать с поля боя, поскольку два германских корабля немедленно перенесли огонь на него. «Принс оф Уэйлс» прекратил бой. Он поставил дымовую завесу и предпринял максимум возможного для ухода с места сражения. Британский корабль располагал небольшими шансами для этого. «Бисмарк» был быстрее.

Однако немецкий адмирал реагировал на ситуацию неординарно. Он не стал преследовать линкор «Принс оф Уэйлс». Капитан Линдемман энергично возражал. Безуспешно. Адмирал не изменил своему непостижимому решению.

Бой завершился. «Бисмарк» тоже имел повреждения. Сначала нужно было убедиться, нельзя ли исправить эти повреждения собственными средствами.

Немецкий флагман оставлял за собой пенистый след.

Когда команда «Бисмарка» узнала об уничтожении «Худа», стальной колосс захлестнула волна восторга, на несколько часов обычно строгая дисциплина была утрачена. Все бегали, кричали, вопили. Матросы обнимались, орали до хрипоты, тузили друг друга в ребра. Пфайфер сорвал с себя боевой пояс, бил им снова и снова по палубе, кричал:

– Парни, какой бой! Какой бой! Что я вам говорил? Я знал об этом с самого начала!

– Спокойней, моряк, – урезонивал его унтер-офицер.

Но Пфайфер перебежал к другой компании и повторял свое представление.

Одни пели, другие танцевали. Энтузиазм бил через край. Петтингер кувыркался на палубе. Майер бил кулаками по переборке. Линк четыре раза пытался прикурить сигарету, но его руки так сильно дрожали, что зажженная спичка тухла.

Все пересказывали друг другу о том, что случилось. Рассказ передавался из уст в уста, обрастая подробностями и приобретая все более и более драматические краски, – однако ни один из рассказчиков не видел потопления «Худа» собственными глазами. Лишь горстка моряков видела взрыв на «Худе» из боевой рубки и дальномеров. Только эти немногочисленные очевидцы да британская камера, заснявшая дьявольские секунды.

– Теперь домой! – кричал Мегринг. – Домой к мамам, детям и всему остальному. Выпуски новостей, благодарность Отечества, цветы, девушки, отпуск. Вы слышали, что я сказал: отпуск! Неделю вы будете любоваться собой на экранах. Эй вы, герои!

– Никто не собирается на тебя смотреть, – отвечал Хинрихс. – И это хорошо. Иначе экран разорвут на клочки.

Кто из участвовавших в подобных пикировках, вопивших и громыхавших, думал о гибели экипажа

«Худа»? О моряках, которые тоже были людьми, хотя носили другую военную форму, о моряках, которых одолевали те же самые тревоги, хотя они говорили на другом языке. Тревожились о своих матерях, женах, детях. Кто из возбужденных молодых людей на «Бисмарке», праздновавших победу со слезами на глазах, с хриплыми голосами и безудержным ликованием, хоть на минуту переставал думать, что завтра или, возможно, послезавтра их постигнет та же судьба?

Что они определенно будут умирать не за две-три секунды, но, возможно, в течение нескольких часов и дней?

Что они будут умирать десять, двадцать, сто раз, раненые или искалеченные, беспомощно плавая в море, слишком усталые, чтобы бороться с захлестывающими их гигантскими волнами...

На мостике победу встретили более спокойно. В 6.32 утра адмирал Лютенс отправил радиogramму следующего содержания: «Потопили линейный крейсер, вероятно „Худ“. Другой корабль, „Кинг Джордж V“ или „Риноун“, поврежден и уходит. Два тяжелых крейсера преследуют нас. *Командующий флотом*».

В 7.05. утра Лютенс послал еще одну телеграмму: «Потопили линкор в точке с приблизительными координатами 63 градуса 12 минут северной широты и 32 градуса 00 минут западной долготы. *Командующий флотом*».

Ровно через полчаса он доложил о состоянии «Бисмарка» северному командованию:

1. Машинное отделение IV вышло из строя.
2. Течь в кочегарке левого борта, но может быть устранена. В носовой части сильная течь.
3. Идти со скоростью более 18 узлов невозможно.

4. Засечены два радара противника.
 5. Намерены идти курсом на Сен-Назер.
- Потерь в личном составе нет.

Командующий флотом.

За упоением победой последовал отрезвляющий спад. Война на море продолжалась. Поскольку никто не знал, какое продолжение с данного момента примет операция «Бисмарк», то снова начали жужжать «провода». В экипаже шептались по поводу того, что состоялась серьезная перепалка между адмиралом Лютенсом и капитаном Линдеманом. Так оно и было. Два военачальника расходились в оценке ситуации. Это во многом способствовало гибели «Бисмарка»...

Через тридцать два часа после потопления линейного крейсера «Худ» транслировалась передача для раненых. Сестры Красного Креста, рабочие оружейных предприятий и все люди, причастные хоть в какой-то степени к концерту по заявкам, передаче, которая пользовалась популярностью у огромного числа слушателей, собрались в большом холле здания германского радио в Берлине. Все узнали голос Хайнца Гёдеке, когда он прокричал в микрофон:

– Сейчас к нам поступила заявка, особая заявка. Заявка от всей германской нации для отважного экипажа линкора «Бисмарк». Песня «Вернись».

В этот момент «Бисмарк» шел своим курсом, действуя в соответствии с командой «отбой». С включенным радио. Мелодия лилась из громкоговорителей в столовых для низших чинов, в офицерских каютах, даже в машинном отделении.

Капитан-лейтенант Вернер Нобис ушел с вахты на пять минут раньше. Его могли вызвать в любой момент. Но каждый миг надо использовать для отдыха. Для сна

он слишком устал. Он слушал концерт по заявкам в полудреме. При упоминании о «Бисмарке» офицер подскочил как наэлектризованный. И не только он. Внезапно шутки и похвальба смолкли на всем корабле. Возбуждение стихло, нетерпение умерилось. Каждый вдруг почувствовал, что радиопередача адресована ему лично, что к нему обращались из дома. Думали о своих матерях, любимых, отцах. Вынимали фотографии и письма. Капитан-лейтенант Нобис ничем не отличался от матроса Пфайфера. Некоторые из моряков смотрели на фотографии и читали письма стыдливо, другие не обращали внимания на то, что их обступили товарищи. Песня глубоко тронула всех. Однако никто из моряков не представлял себе, какое трагическое значение приобретет песня «Вернись» для «Бисмарка».

Всего через несколько дней. Когда придет конец. Когда будут рваться снаряды, а мачты срываться с места. Когда пожар охватит даже самый укромный уголок, песня будет звучать по громкоговорителю, словно пластинку поставила невидимая рука. «Вернись, я жду тебя, я жду тебя».

Но тогда возможности вернуться не останется, останется только смерть...

Мысли молодого капитан-лейтенанта вернулись в прошлое, к тому, что казалось бесконечным, снова к Португалии, к Дайне, к тому дню, когда он высадился в порту Бордо со своего маленького шлюпа во второй раз.

Первые два дня обстановка складывалась нормально. Море было спокойное и восхитительно голубое. Корабль Нобиса двигался, держась поближе к побережью. На третий день прозвучала первая воздушная тревога. Одиночный британский самолет пролетел низко над шлюпом несколько раз и обстрелял корабль из пулемета. Унтер-офицер был ранен в живот и через пять часов умер.

Несколько членов экипажа впервые в своей жизни видели убитого человека. Они с ужасом наблюдали, как тело унтер-офицера зашивали в саван из полотнищ германского флага. На борту имелось немало таких флагов.

Затем Нобис заметил торговое судно, погнался за ним и обстрелял его. Но оно оторвалось от преследования, двигаясь зигзагами. Оно имело более мощные двигатели.

Наконец, шлюп G-69 исчез навеки.

По нему нанесло бомбовый удар звено из четырех самолетов. Первая бомба разорвалась близ борта корабля. Вторая угодила в самый центр. Корабль переломился надвое. Половина экипажа погибла. Все выжившие получили ранения. Командиру, Вернеру Нобису, не было необходимости отдавать приказ команде покинуть корабль.

Нобис держался на воде вместе с несколькими членами экипажа, но вскоре течение увлекло их в разные стороны. Затем англичане обстреляли его из пулеметов. Пули свистели рядом с Нобисом. Все это напоминало игру ребят, швыряющих вдоль поверхности воды плоские каменные голыши с тем, чтобы они подпрыгивали. Но это были не каменные голыши, и швыряли их не дети.

Наконец, самолеты улетели. «Я был вынужден плыть», – мрачно вспоминал Нобис. Благодаря спасательному жилету для этого не требовалось усилий. Но приходилось поднимать голову, потому что в то время спасательные жилеты были несовершенны. «Я не должен сгинуть без следа», – думал про себя молодой офицер. Он потерял счет времени, затем почувствовал изнеможение. Течение относило его к побережью Португалии. Корабль потонул в 7–8 морских милях от него. Он боролся за жизнь с мрачной решимостью. Но положение становилось все более и

более безнадежным. Он уже несколько раз заглатывал морскую воду. Им уже овладевала дремота, которая заставляла забыть страх смерти. Затем его спасли. Португальское судно. Рыбаки. Они подняли его на палубу. Он был слишком слаб. Его положили рядом с рыбацкой сетью. Дали глотнуть бренди. От истощения он уснул. Когда пришел в себя, обнаружил, что лежит в госпитале на чистой простыне в постели. Ему улыбалась медсестра в темной форме и светлом фартуке. Она что-то говорила ему, но он не мог разобрать ни слова.

Осколок снаряда ранил его в левое предплечье. Только чудом он не истек кровью. Португальцы дали ему несколько дней на то, чтобы набраться сил. Затем пришел португальский морской офицер. Он говорил по-английски и был весьма вежлив.

– Вам повезло, – сказал португалец.

– Кого еще спасли?

Офицер пожал плечами в знак сожаления.

– Вы немец?

– Да.

– Боюсь, вас придется интернировать. Но не беспокойтесь. Вам будет у нас хорошо.

Нобис кивнул.

– Когда выздоровеете, отправитесь в лагерь... Правила вы знаете. Но если вы дадите слово, что не сбежите, вам позволят передвигаться свободно. У вас будет время подумать над этим. Желаю скорейшего выздоровления.

Нобис привык к аккуратной медсестре, охране за дверью, еде, запаху карболки. Его рана быстро заживала. Через несколько дней его выпишут.

Чтобы разогнать скуку, он занимался ловлей мух.

Затем случилось это. Когда дверь открылась, он даже не взглянул на нее.

Перед ним стояла Дайна. Бог знает, как она узнала, что он ранен и лежит в португальском госпитале.

Она улыбалась. Выглядела свежей и хорошенькой. Как всегда. Она присела на край его кровати, как будто встретиться здесь с немецким морским офицером было обычным делом.

– Вы поправляетесь, – сказала она. – Мне сообщил врач.

– Вот как, – откликнулся он.

– Трудно было?

– Зависит от того, как на это посмотреть.

– Хоть раз эта проклятая война сделала что-то хорошее, – заметила Дайна. – Наконец мы вместе. – Она поцеловала его. – Здесь спокойно, – продолжала она. – Солнце. И для вас есть работа. – Она улыбнулась счастливой улыбкой.

Он взглянул на Дайну и обо всем забыл. Пристально вглядывался в ее глаза и впервые перестал думать о 18 погибших членах экипажа своего корабля.

– Я все устроила, – сказала Дайна. – Вам нужно только подписать какую-то форму и вас освободят.

– Верно, Дайна, – ответил Нобис. Он заставил себя улыбнуться. Знал, что не будет подписывать форму. Но не мог сказать и не скажет об этом Дайне. Не в это время – время, предоставленное ему гибелью его корабля.

Он ощущал ее тепло, пожатие ее руки, ее губы. Он целовал ее – и даже когда делал это, уже думал о том, как бежать из страны, что считал еще своим долгом.

Долгом немецкого офицера. Долгом, который оказался сильнее Дайны.

Это было ровно шесть месяцев назад... и теперь капитан-лейтенант Нобис служил на «Бисмарке», чтобы выполнять долг, оторвавший его от Дайны. Он положил фотографии, письма в свой рундук и бросился на свою койку.

Как раз в то время, когда он засыпал, вошел вестовой. Первый штурман хотел обсудить с ним

достоверность сведений о числе убитых в ходе боя с «Худом».

«Худ взорвался», – лаконично доложил адмиралтейству в Лондон контр-адмирал Уэйк-Уокер с «Норфолка», который все еще преследовал «Бисмарка», держась на почтительном расстоянии. Уинстону Черчиллю пришлось сообщить эту ужасную весть палате общин. Это был черный день для всей Великобритании.

Соображения престижа, даже больше чем стратегия войны на море, требовали преследования «Бисмарка», навязывания ему сражения и уничтожения.

Какие меры собирался принять сэр Джон Тови, командующий британским флотом?

Когда он узнал о трагической гибели «Худа», эскадра во главе с флагманом «Кинг Джордж V» находилась в 550 морских милях от места трагедии. У командующего британским флотом не было сведений о получении «Бисмарком» повреждений, может быть и несерьезных. Неосведомленность стала следствием неблагоприятного стечения обстоятельств. Гидросамолет «Сандерленд Z/201», круживший над эскадрой «Бисмарка» некоторое время после сражения, радировал: «Утечка топлива».

Приемная станция, принявшая радиограмму, решила, что утечка имела место у «Сандерленда», и не передала сразу сообщение адмиралу Тови. Другие попытки воздушной разведки не удались из-за плохой видимости.

Адмирал Тови лишился точной информации. Ему пришлось сделать три допущения:

«Бисмарк» направляется к германским кораблям снабжения, уже поджидающим его в Атлантике, чтобы заправиться и приступить к нападениям на торговые суда.

«Бисмарк» получил повреждения и вынужден двигаться к побережью Франции.

«Бисмарк» направляется обратно на Балтику для участия в торжествах по случаю победы с целью укрепить боевой дух немцев.

Сэр Джон Тови считал бесспорным, что «Бисмарк» попытается прорваться в Атлантике к одному из портов на побережье Франции. Он принял меры, целиком исходя из этого допущения. Решение возлагало на адмирала большую ответственность. Оно было историческим...

Его беспокоил больше всего недостаток топлива. Королевский флот не имел судов снабжения. Боевые единицы действовали таким образом, что могли заправляться на многочисленных британских базах. В Атлантике, где не было баз, а операции длились несколько дней и требовали невероятных крейсерских маневров, корабельное топливо расходовалось быстро. Кроме того, адмирал должен был помнить о необходимости для кораблей отечественного флота возвращаться в порты после очередного боя с «Бисмарком».

Он собрал свои корабли в точке с координатами 60 градусов 20 минут северной широты и 13 градусов восточной долготы. К «Кинг Джорджу V» присоединились линкор «Рипалс» и авианосец «Викториес», экипажи самолетов которого только что прибыли на борт корабля и должны были взлетать с палубы авианосца для боя с противником, не имея опыта.

Подошли также крейсера «Галатhea», «Аврора», «Кения», «Гермиона» и 9 эсминцев.

С востока шел линкор «Родней» встретить адмиральский корабль в сопровождении 3 эсминцев.

С юга спешил линкор «Рамильи».

Отряд кораблей Средиземноморского флота под командованием адмирала Сомервила шел от Гибралтара. Отряд включал линкор «Риноун», авианосец «Арк Роял» и тяжелый крейсер «Шеффилд».

4-я флотилия эсминцев в составе «Казак», «Маори», «Зулу», «Сикх» и «Пиорун» располагалась в порту на юге Ирландии.

Эсминцы «Тартар», «Машона» и «Сомали» патрулировали район активности подводных лодок примерно в 400 морских милях от французского побережья.

Крейсеры «Эдинбург» и «Дорсетшир» отозвали от берегов Африки. Они преграждали путь на юг.

Эсминец «Юпитер» и крейсер «Коломбо» располагались в районе с координатами 41 градус 30 минут северной широты и 17 градусов 10 минут западной долготы. Таким образом, зона площадью 1000 квадратных морских миль была герметично закупорена. Сюда стянули все наличные боевые корабли. Вопреки всем законам тактики авианосцы шли без эскорта. Из-за охоты на «Бисмарка» конвои торговых и транспортных судов лишили крейсеров и эсминцев. В то время как адмирал Тови задействовал свой флот для преследования и решающего боя, он получил с «Норфолка» пугающую телеграмму: «Контакт утерян. „Бисмарк“ и „Принц Эйген“ исчезли».

Это означало, что германский флагман прорвался через кордон...

В это черное воскресенье 24 мая 1941 года Королевскому флоту чертовски не везло. Во-первых, в 5.56 утра его идол «Худ» разлетелся от взрыва на куски расплавленного металла... Затем, после целого дня напряжения всех сил и нервов с целью избежать именно этой вести, сэр Джон Тови получает телеграмму: «Контакт утерян».

Как это могло случиться? Каким образом германская эскадра испарилась, когда каждое ее движение находилось под наблюдением, прослеживалось и подлежало оповещению по инстанции в течение нескольких часов?

Дело в том, что к середине дня от голубого шелка небесного свода ничего не осталось. Его уничтожили шквалы снега и дождя. Небо заволокли тяжелые, грязно-серые облака, словно оно не хотело видеть безжалостную войну на море.

К этому времени командующий германским флотом адмирал Лютенс уже принял ошибочное решение.

Когда «Принс оф Уэйлс» вышел из боя, а командующий флотом молча и без всякой реакции наблюдал за его маневрами, к нему обратился капитан Линдемман:

– Предлагаю преследовать его, герр адмирал. На корабле противника пожар, видимо, он не сможет уйти.

– Нет, – ответил бесстрастно Лютенс.

Офицеры на мостике еще раз наблюдали инцидент, свидетельствовавший о радикальном расхождении во взглядах двух старших военачальников.

Капитан Линдемман продолжил:

– В таком случае нам следует изменить курс, герр адмирал, стать на ремонт либо дома, либо в одном из французских портов.

– Нет, – отрезал адмирал во второй раз. – Мы будем держаться данного курса.

Он и не пытался дать какие-либо пояснения. Резкий тон, ледяное выражение лица и привычка к безусловному подчинению тех, кто стояли ниже рангом... Он не терпел возражений даже тогда, когда стоял вопрос о судьбе тысяч людей.

Через несколько часов Лютенс продолжал держаться своего решения.

Он полагал, что «Норфолк» и «Саффолк» все еще преследуют «Бисмарк». Адмирал не знал, что из-за плохой погоды британские радары образца 1941 года могли определять местонахождение цели не более чем на дистанции 10 морских миль. Импульсы от сканеров достигали противника, но не располагали достаточной мощностью, чтобы вернуться к исходной станции.

Лютенс передал на корабль сопровождения «Принц Эйген» телеграмму следующего содержания: «Отрываемся от преследователей. „Бисмарк“ возьмет курс на юго-запад. „Принцу Эйгену“ держаться нынешнего курса еще три часа, заправиться от судна снабжения и продолжить борьбу с торговыми судами самостоятельно. Подтвердите полученные распоряжения».

В 6.20 утра «Бисмарк» поменял курс на юго-западное направление. «Принц Эйген» ушел прежним курсом. Отныне два германских корабля действовали самостоятельно.

Что касается британских крейсеров, то они скрылись в тумане. Перед сменой курса «Бисмарк» сделал несколько залпов в направлении «Саффолка» в надежде избавиться от него навсегда.

Англичане не знали тогда, что снова обнаружат «Бисмарк» и опять его потеряют.

Предоставленный самому себе во враждебной Атлантике, тяжелый крейсер «Принц Эйген» будет бороздить море без флагмана «Бисмарка». Из-за неполадок в двигателях крейсер ляжет в дрейф. Он устранил неполадки. Доберется до корабля снабжения, израсходовав последнюю каплю горючего. В отсутствие флагмана «Принц Эйген» пройдет незамеченным мимо патрулирующих кораблей противника и прибудет в Брест.

Но сначала он пережил ужасное испытание.

Это было 27 мая 1941 года. В 2.00 пополудни моральное состояние экипажа «Принца Эйгена» упало до предела. «Бисмарк» больше не слал радиogramм. Позывные западного морского командования остались без ответа.

Атлантика простиралась перед «Принцем Эйгеном» пустынным пространством. Но вот командир корабля получил ужасную весть...

В это время матрос Хайнц Трегер занимался бум для постановки дымовой завесы. Высокий и сильный, он был почти бледен, на грани срыва. Работал весьма неловко. Позади него стоял унтер-офицер Дегринг.

– Трегер, можешь идти с вахты, – сказал унтер-офицер.

– Нет, герр Дегринг, я не хочу. Я... я не могу идти сейчас. – Он неожиданно вспыхнул и завопил на пределе голосовых связок: – Разрешите мне остаться здесь. Я не могу уйти. Я сойду с ума. Я сойду с ума, если останусь один. Я прыгну за борт или застрелюсь. Пусть все идет к черту. Я больше не могу это терпеть. – Вдруг он осип. Задыхаясь, произнес: – Я боюсь... Я так боюсь, что больше не могу.

– Соберись с силами, Трегер. Я знаю, что это паршивое дело. Иди и ляг, отдохни.

– Не пойду! – крикнул Трегер.

– Еще не все кончено. Может, образуется... Что может случиться с «Бисмарком», по-твоему?

Все знали историю, приключившуюся с матросом Хайнцем Трегером. Все знали и Фрица Трегера. Братья походили друг на друга как две горошины, один был старше другого всего лишь на год. Их отец погиб во время Первой мировой войны. Вместе пошли учиться в школу, ходили на одну танцплощадку, целовали одних девушек. Вместе вызвались служить добровольцами на флоте, попали на один корабль, обменивались увольнительными, поскольку командиры не могли

отличить их один от другого. Вместе прекрасно отдыхали.

Их мать заболела. Но она стойко держалась. Когда сыновья бывали дома, она вела себя так, что ее здоровье не вызывало у них беспокойства. Только когда приближался срок их отъезда, она теряла самообладание. Все больше бледнела, худела, переставала отвечать на вопросы и спрашивать. Она содержала сыновей на смехотворную пенсию, вспомоществование отечества с Первой мировой войны – ее муж умер под Верденом. Его фотография еще висела над столом, а цветы под ним менялись каждый день.

А сыновья росли. Она хотела, чтобы они были такими же сильными, честными и способными, каким был их отец до того, как снаряд разнес ему голову.

Затем снова разразилась война. Сыновей оторвали от нее, как двадцать пять лет назад их отца. Они попрощались со смехом, хотя вовсе не чувствовали себя довольными. Но они были молоды и полны оптимизма, и, кроме того, они были вместе.

Оптимизм иссяк неделю назад. За час до того, как «Бисмарк» с эскадрой вышел в море, двух братьев вызвали в канцелярию. Это их не обрадовало. Они вместе ушли в самоволку. Однажды они уже сидели вместе в камере «Бисмарка» на воде и хлебе. Возможно, им предстояло провести еще раз некоторое время в кутузке.

Лейтенант оказался вполне дружелюбным.

– Так, вы опять проказничаете вдвоем?

– Никак нет, герр лейтенант, – ответили они оба одновременно.

– Мы больше не можем держать вас вместе на одном корабле. – Офицер мерил шагами пол помещения канцелярии. – Сочувствую. Ведь и мой брат служит на другом корабле.

Фриц Трегер встал по стойке «смирно» и процедил сквозь зубы:

– Существует правило, запрещающее братьям служить на одном корабле?

– Да, существует. И вот приказ о вашем переводе на другой корабль. Вы можете радоваться, вы поступаете служить на «Бисмарк».

Приказ есть приказ. Его не обсуждают. Быстро попрощались. Прежде чем осознали, что случилось, началась операция «Рейнское учение». Матрос Фриц Трегер оказался на борту «Бисмарка», а Хайнц Трегер – на «Принце Эйгене», где только что мрачную тишину сотрясло выворачивающее душу объявление по громкоговорителю.

Его слышала вся команда корабля. В машинном отделении, в башнях управления огнем орудий, в носовой башне, радиорубках, кают-компаниях, перевязочных пунктах, камбузе, столовых для матросов, офицерских столовых, кубриках для унтер-офицеров, в погребах боеприпасов, у электрораспределительных щитов, на носу и корме, в помещениях надстройки и ниже ватерлинии: «Бисмарк» утонул.

Все. С флагманом покончено. Он разорван на куски. Расчленен. Потоплен. После смертельной битвы, продолжавшейся несколько часов. После нескончаемой агонии. После агонизирующего конца.

Те, кто могли еще молиться, молились. Те, кто могли еще плакать, плакали. Те, кто не могли ничего, сидели в углу и тупо смотрели перед собой. В эти ужасные, мрачные, жуткие минуты они научились ненавидеть войну. Смерть убийце. Смерть надутому ничтожеству. Лживым, пустым фразам тех, которым, как правило, удастся пережить холокост...

Отчаянный, безумный вопль матроса Трегера предполагали даже те его сослуживцы, которые его не слышали. Матрос, потерявший брата, ожидавший

встречи с матерью, если ему доведется вернуться домой, бил кулаками по стальным переборкам, сбил до крови суставы, дико озирался во все стороны. Сослуживцы хватали, тащили, несли его в лазарет на крытой палубе.

Морфий освободил его на несколько часов от мрачных мыслей...

Когда матрос пришел в себя, тяжелый крейсер уже оставил позади обломки и направлялся к родным берегам.

Менее мощному спутнику «Бисмарка» удалось выскользнуть из дьявольского котла...

Утром того же дня эскадра адмирала Тови находилась на расстоянии 350 морских миль от места сражения.

Напряженность среди англичан нарастала. В адмиралтействе морской штаб с тревогой ожидал ответы на ключевые вопросы. Где «Бисмарк»? Каким он следует курсом? Возвращается ли он в Германию, идет ли во французский порт или продолжает крейсировать в Атлантике?

Сэр Джон Тови не мог дать определенный ответ ни на один из этих вопросов. В полдень он разделил свои силы надвое. Если «Бисмарк», как он ожидал, идет курсом 180 градусов, ближе всех к нему окажется авианосец «Викториес» с четырьмя крейсерами «Галатея», «Аврора», «Кения» и «Гермиона». Сам адмирал на флагмане «Кинг Джордж V», с «Рипалсом» и несколькими эсминцами перекрыли южное направление. Все остальные корабли оставались на предварительно предписанных позициях.

Вице-адмирал Джеймс Сомервил спешил на максимально возможной скорости от Гибралтара на север с отрядом кораблей Н на встречу с флотом метрополии.

Где «Бисмарк»?

Где он, черт возьми?

Где-то в тумане.

Снова и снова сэр Джон Тови высылал на разведку самолеты. Одной «Каталине» пришлось вскоре вернуться из-за неполадок в двигателе. Другие самолеты патрулировали в воздухе. Ничего не просматривалось. Снова и снова одни и те же обескураживающие донесения. Погода благоприятствовала «Бисмарку», и если бы он шел своим курсом, то избежал бы гибели.

В воздух поднялись новые самолеты. Они снова летели над морем, аккуратно поделенным на квадраты. И радировали отсутствие результатов.

За исключением «Каталины» из 240-й эскадрильи. В 2.32 пополудни этот самолет заметил немецкий флагман. До 4.40 он не упускал корабль из виду.

Англичане всполошились.

Авианосец «Викториес» приблизился к «Бисмарку» на 150 морских миль. Контакт установили. Но сколько времени удастся его поддерживать? Что им следует делать, если «Бисмарк» повернет ночью на северо-запад? Если флагман оторвется от преследователей благодаря превосходству в скорости? Надо замедлить его ход, сказал сэр Джон Тови. Нужно попытаться нанести удар. Удар с воздуха. Надо поднять самолеты с «Викториеса». Но там были недостаточно обученные экипажи. Следует ли ему рисковать? Он рискнул.

Незадолго до сумерек 9 самолетов «Свордфишей» и 2 самолета «Фулмарс» поднялись с палубы. Как только они стартовали, задул сильный ветер. Он вызвал новые шквалы дождя и низкую облачность.

В 11.30 по британскому летнему времени пилоты заметили корабль, который они приняли за «Бисмарк». Для маскировки сближения с целью пилоты поднялись над облаками.

Затем они спикировали сквозь облачный покров.

В последний момент они ужаснулись.

Корабль не мог быть «Бисмарком».

Атаке ошибочно подвергся «Модок», американский сторожевик береговой охраны.

«Норфолк» подавал сигналы непрерывно. Теперь немецкий флагман тоже обратил внимание на суматоху и готовился к воздушному налету. Он мог произойти в любой момент...

Незадолго до налета команда машинного отделения «Бисмарка» вернулась с вахты. Для еды имелась традиционная тушенка. Гороховый суп с видимыми кусочками бекона и невидимым бромом. Упоение победой сохранялось. «Худ» был темой номер один.

На сегодня он заменил женскую тему.

Пока молодые моряки жадно поглощали суп, они размышляли о своем испытании огнем, об их первом крупном сражении, поединке с «Худом» и этапах боя, который протекал следующим образом.

В 5.35 утра был отдан приказ:

– Зарядить орудия! – затем: – Поднять температуру пара в котлах! Полный вперед!

Корпус корабля задрожал – то ли от стрельбы собственных орудий, то ли от прямого попадания. Что происходило на палубе? Никто не знал. Приказы передавались через громкоговорители спокойным тоном.

– Правый борт – отсеки 1 и 3, левый борт – 2 и 4 приказы выполнили.

Затем пошли сообщения о дистанциях до цели дальномерщиков на мостике.

Со своей палубы старший механик управлял этим сонмом клапанов, приборов и двигателей. Пока шло сражение, он спокойно контролировал высокое давление, перегретый пар, вспомогательный пар,

конденсатор, испарители, турбины, котлы, механизм смазки, трюмные помпы и бойлер питьевой воды.

– Двигатель левого борта берет пар с середины, сообщите давление, – распорядился он.

Матросы выполняли его приказы быстро и проворно. «Как дела?» – спрашивали они друг друга с тревогой, отчаянием, хладнокровно и возбужденно, со страхом или бодростью.

О попадании вражеского снаряда сообщили с носовой части.

Сообщение опять же произносилось через громкоговоритель:

– В котельной левого борта течь. Котлы вне опасности.

Приступили к работе аварийные команды. Получил пробоину топливный танк. Корабль терял топливо.

– Отсек 3, задрать переборки, очистить отсек.

Команда отсека 3 ринулась спасаться за переборку. Четырехсоттонная масса воды обрушилась внутрь корабля и была укрощена.

– Будем отключать котел?

– Котлу не прекращать работы, – приказал старший механик.

Внезапно все закончилось. Напряжение спало. Наступило упоение победой. Общее облегчение выразилось в диком всплеске энтузиазма. Он передавался от одного к другому. Это происходило всего несколько часов назад, но матросам, молча поглощавшим тушенку, казалось, что прошло несколько дней. Еще до того, как они закончили трапезу, прозвучал еще один сигнал.

– Очистить палубы! Все по местам!

Самолеты летели на низкой высоте. По ним били все зенитные орудия корабля. Англичане сбрасывали торпеды, с ревом уносились и появлялись снова.

На них снова летела железная птица и сбрасывала свой смертоносный груз. Проклятье, почему зенитки не попадают в них? Перепились расчеты? Первая торпеда пронеслась с шипящим звуком мимо в 150 метрах от носа «Бисмарка». Вторая тоже. И третья. Сколько заходов делают эти убийцы? Они спятили? Слава богу, налет заканчивался.

Крепкие нервы в такой обстановке – редкая вещь. Вернер Нобис обладал ими. В то время как шипя неслись мимо торпеды, он сгреб в охапку юного лейтенанта, надувавшего свой спасательный жилет.

– Эй, ты! – кричал Нобис. – Ты с ума сошел? Какого черта ты слоняешься в такое время по палубе с этой штукой?

Лейтенант застыл в шоковом состоянии.

– Так положено по уставу, герр капитан.

– Брось эту проклятую штуку... Что подумают матросы, когда увидят, что ты с ней бегаешь?

«Бисмарк» лавировал между торпедами.

– Право на борт.

Рулевой Хансен нажимал на кнопки рулевого устройства с безошибочной уверенностью лунатика.

Снова возглас:

– След торпеды!

И снова «Бисмарк» увернулся от опасности. От пятой, а затем и шестой торпеды.

Внезапно еще одна из торпед устремилась прямо на корабль.

– Она ударит в нас прямо посередине, капитан! – вскричал Хансен.

Через несколько секунд весь корпус гигантского корабля ощутил чудовищную встряску. У борта поднялся столб воды. Броня из смеси никеля, хрома и стали выдержала. Босуна Хайнерса швырнуло на переборку. Он скончался от внутренних ушибов.

Это была первая смерть на «Бисмарке».

– В нас попала торпеда. Существенных повреждений нет, – доложил командир корабля адмиралу.

Наконец, умолкли зенитки. Британские самолеты удалились. Назад на палубу авианосца «Викториес». Его приводной радиомаяк вышел из строя. Капитан Бовел приказал включить все прожекторы. Яркие лучи пронзили ночную тьму. Затем поступил приказ погасить прожекторы из-за опасности навлечь на себя подводные лодки.

– Но мои самолеты... – возразил капитан.

Он оставил прожекторы включенными. Приказ повторили. Для выигрыша времени командир отправил длинную телеграмму азбукой Морзе. Приказ есть приказ. Но вот услышали звук приближавшегося самолета. Два «Фулмарса» были потеряны.

Прозвучал сигнал отбоя воздушной тревоги. Сразу вслед за ним корабль окутала темнота.

Нобис вернулся в свою каюту. Вместо него заступил на вахту Петерс. Нобис был недоволен собой из-за того, что накричал на юного лейтенанта. Он взял свою предпоследнюю бутылку бренди. Выпивка – кураж одинокого мужчины. А он был одинок. Выпивка сослужила ему добрую службу. Судьба Вернера Нобиса, говорил про себя капитан-лейтенант, в его собственных руках. По крайней мере, его присутствие на корабле нельзя целиком списать на войну.

Нобис мог бы быть и с Дайной сейчас...

В Португалии раны Вернера Нобиса, интернированного командира германского сторожевика, затянулись очень быстро. Фактически чересчур быстро. Через гораздо более значительное время он научился понимать, как много значат

белоснежные простыни и нежная рука любимой женщины. Но слишком поздно...

Дайна решила остаться с родственниками в Лиссабоне и навещала Нобиса каждый день. То, что они могли сказать друг другу, было высказано давно. Теперь они смотрели друг другу в глаза и ощущали прикосновение ладоней.

Их любовь была столь сильна, что говорить о ней не было нужды.

Пока еще не подошло время выписки из госпиталя, Нобис отдавался во власть эмоций – и Дайны. Что будет потом, его не интересовало. Он не хотел об этом думать. Кто думает о таких вещах, когда любит? И все же он точно знал, что случится в дальнейшем.

Каждое утро выходили газеты. Газеты нейтральной страны. Писали о победах. Победах Германии. И Вернер Нобис вообразил, что он является частичкой Германии, всегда победоносной.

Но ежедневно приходила Дайна...

Она спросила однажды:

– Что с нами будет?

– То, что мы сделаем сами, – ответил Нобис.

– А что мы собираемся сделать?

Он пожал плечами.

– Ты сегодня очень разговорчив, – заметила она.

Он усмехнулся.

– Через неделю тебя выпишут. Я говорила сегодня с врачом.

– Я мог бы выписаться еще неделю назад.

– Видимо, ты боишься свободы?

Вернер Нобис попытался отшутиться:

– Мы, немцы, не боимся никого, кроме Бога.

– Иногда ты до ужаса немец, – вздохнула Дайна. Она стала серьезной.

Только теперь Нобис сообразил, что ему всегда следовало говорить с Дайной на ее родном языке. На

английском...

Они присели на скамейку.

«Это не простая интрижка. Нечто другое. Гораздо большее. Смогу ли я ее забыть? Смогу ли с ней расстаться? Найду ли в себе силы уйти от нее? Но я должен это сделать, – сказал он себе в тот же миг. – Даже если она заплачет. Даже если это погубит меня. Даже если обрушится мир. Однажды эта проклятая война закончится. Однажды мы снова будем вместе. И не просто на час, пока сидим на скамье у госпиталя. Навсегда».

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– О нас, – ответил он.

– Что ты думаешь о нас?

– Все самое лучшее.

– Тогда все хорошо.

– Да, – ответил он.

– Не похоже, что ты радуешься этому.

– За счастье нужно бороться, никто не преподнесет тебе его на блюде.

– Ты достаточно повоевал, – сказала она. – Теперь хочешь быть со мной?

– Да. – Так отвечая, он знал, что лжет.

Дайна находилась рядом. Высокая, светловолосая, красивая. Женщина с лучистыми глазами и нежными руками. Женщина, знающая то, о чем говорит. О ней будешь мечтать даже тогда, когда уже овладел ею. Она находилась рядом. И не было существа более любимого, чем она, не было на свете никого более любимого лейтенантом Вернером Нобисом, чей корабль пошел ко дну.

Но кроме Дайны существовал еще долг. Долг немецкого лейтенанта. Всегда и везде существовали обязанности. Обязанности облакаются в разные формы, но, каковы бы ни были эти формы, обязанности остаются, по существу, одинаковыми. Они всегда

требуют одного и того же – патриотизма и готовности воевать.

Для принятия решения у Нобиса оставалось времени все меньше и меньше. Или он даст слово не скрываться и станет, при некоторых ограничениях, свободным человеком, или ничего не будет обещать. Тогда его интернируют.

Эти сомнения стали первым шагом к тому, чтобы скрыться.

«Возможно, – думал Нобис, – я не выберусь из лагеря вовсе. Возможно, другого шанса и не будет, возможно, все проблемы разрешатся сами по себе, возможно, смогу выполнить свой долг и все-таки сохранить Дайну».

Он с самого начала знал, что будет делать.

Но не осмеливался сказать об этом Дайне...

Сегодня нужно решиться. Боже, как вынести это? Когда Дайна отсутствовала хотя бы несколько часов, он не находил себе места. Как решиться сказать, что все произойдет не так, как она задумала? Это нужно сказать ей сегодня.

Затем она появилась в дверях. Улыбалась, как всегда. Полицейский, в обязанности которого входило сторожить Нобиса, узнал ее. Она постоянно приносила ему сигареты.

– Завтра все образуется, – сказала она, приветствуя Вернера. – Что с тобой? У тебя плохое настроение?

– Нет, – ответил он.

– Тогда в чем дело?

– Дайна, нам нужно быть благоразумными в высшей степени.

– Твои слова вовсе не звучат благоразумно, – попыталась она улыбнуться. Ей не хотелось признавать, что она вдруг испугалась. Испугалась за мужчину, которого любит.

- Не знаю, как объяснить. Ужасно. Но ты должна понять, Дайна. Я - немецкий офицер. У меня нет выбора.

- Поэтому ты хочешь попасть в лагерь?

- Да.

- Это значит, что ты попытаешься бежать при первой возможности?

Вернер Нобис не ответил.

- Не трусь, признайся!

Нобис кивнул, не глядя на нее.

- Другими словами, я для тебя ничего не значу. Другими словами, ты хочешь пожертвовать нашей любовью ради возвращения на эту безумную войну.

- Нет, Дайна. Совсем не так. Война однажды закончится.

- Я не собираюсь дожидаться этого, дорогой.

Она поднялась и взяла свою сумочку. Ее глаза сверкали. Волосы чуть растрепались. Это шло ей. Вспыхнув, она утратила спокойствие, свою улыбчивую самоуверенность, свое естественное самообладание. Сказался темперамент, унаследованный от матери.

- Даю тебе подумать до завтра, - произнесла она резко. - Или ты не идешь в лагерь...

- Или? - спросил Вернер, понизив голос.

- Или мы больше не увидимся.

Лишь сильное волнение мешало ей заплакать.

- Я - женщина, - продолжила она, - а женщина не может простить мужчину, оставляющего ее из-за какого-то вздора. Из-за проклятой войны. Ты увидишь, что это такое! Будь уверен. Ты вспомнишь обо мне и пожалеешь.

Внезапно ее гнев иссяк. Теперь она выглядела всего лишь девушкой, старающейся не расплакаться.

- Если ты дорожишь мною, пиши, - сказала она. - Если нет, то не надо.

Она ушла, прежде чем Нобис Вернер смог ответить...

Он увидел ее еще раз, лишь однажды. Среди ночи час или два перехватывающего дыхание восторга, за которым последовали несколько ужасных минут.

Его имя называли по громкоговорителю. Вызывали в штурманскую рубку. Капитан-лейтенант Вернер Нобис взглянул на часы. Петерс, должно быть, чертовски устал, самое время его сменить. Кто на этом корабле не устал до такой степени?

Нобис как штурман прекрасно представлял себе положение «Бисмарка». «Почему нам не воспользоваться им, – думал он, – это наш единственный шанс. Если ничего не предпринять, нас настигнут».

Кромешная тьма ночи. Дождь льет как из ведра. Усиливается волнение моря. «Бисмарк» все еще идет курсом на юг. За ним по-прежнему гонятся, наблюдают, охотятся. Сорок часов без сна – вместо него таблетки бензедрина. Опасность торпедной атаки субмарины. Зигзагообразный курс. Расстояние до преследователей увеличилось. Противник все еще просматривается на экране радара.

Благодаря первоклассному радиоэлектронному оборудованию «Саффолк» сохраняет контакт с «Бисмарком» и не отстает.

Линкор часто теряется на несколько минут с тем, чтобы вновь засветиться на экране, теряется и появляется.

На британском корабле к этому ритму начинают привыкать.

Внезапно контакт исчезает. Капитан Эллис сознает, что «Бисмарк» снова пропал – возможно, навсегда.

Именно этого опасался капитан Эллис, когда готовил свое донесение, и именно этого опасался сэр

Джон Тови, когда ознакомился с ним.

Не завершилась ли провалом величайшая охота Королевского флота?

Пока англичане предавались отчаянию, адмирал Лютенс оставался в полном неведении относительно благоприятной возможности, которую судьба подарила ему во второй раз. Он находился в боевой рубке. Вокруг сжималось кольцо из невидимых врагов. Когда ночь приподнимет свой полог, когда наступит бледно-золотистое утро, «Бисмарк» попадет в клещи между флотом метрополии и приближающимся средиземноморским флотом.

Превосходство противника станет подавляющим.

Это чревато гибелью...

Адмирал Лютенс не заметил своего шанса. Если бы он пошел полным ходом в противоположном направлении, то мог бы выбраться из западни под покровом темноты и благодаря погоде. «Бисмарк» был бы спасен, а 2402 моряка вернулись бы домой. Их матери, жены, возлюбленные не лили бы слезы.

Но немецкий адмирал слишком рано утратил веру в спасение. Отказался от борьбы. В этой с виду безнадежной ситуации его одолели видения героической гибели. Он воображал себя неким морским царем Леонидом.

Вместе с тем адмирала нельзя порицать за неспособность увидеть свой шанс. Но его ошибка на следующий день была непростительна – он лишил экипаж корабля мужества.

На палубе, занимаемой матросами 2-го полудивизиона, возобновилось обсуждение темы номер один. Пребывание в море начинало надоедать. Женщины никогда не надоедали. Нигде в мире нет столько женщин, сколько в воображении моряков. И те воображаемые женщины не настолько развратны или благородны, как их изображают. Мечты-желания

озвучивались. Бойцы могут говорить и тогда, когда имеют мало шансов заставить себя слушать.

Брак старшего матроса Линка по доверенности, предстоявший через два дня, был неувядаемой темой разговоров.

– Если наш Старик почешется, – сказал ему Лаухс, – ты попадешь как раз на брачную ночь.

– Ему уже невтерпех, – вмешался в разговор Мессмер.

Все рассмеялись – не знали, что их время для смеха почти иссякло.

– Вы идиоты! – воскликнул Линк.

– Сейчас он снова начнет беситься, – сказал Бербер.

– Ты не можешь оставить его в покое, – заступился унтер-офицер Линденберг. – Неужели ты вылакал весь запас бренди?

– Человек предполагает – жажда располагает, – ответил Лаухс. – Не осталось ни капли.

– До чего же мерзка эта война, – пожаловался Мессмер. – Воюем день напролет, а в итоге нечего выпить.

– Сколько ты воюешь?.. Если собственным кишечником, то, может быть, много.

– Гороховый суп – для бедняка пианино, – откликнулся Бербер.

– Я уже слышал это.

Через двадцать минут им нужно было заступать на вахту. Эти двадцать минут они хотели посвятить любованию рыженькими, блондинками и брюнетками, безжизненные изображения которых висели над их рундуками.

Затем заговорил громкоговоритель. Бесстрастным и громким голосом. Голосом, который приковывал к себе внимание.

– Говорит командующий флотом, – прозвучал голос. – Матросы, мы одержали блестящую победу. То,

что этот день почти совпал с моим днем рождения, счастливое совпадение. Мы нанесли врагу жестокий удар. Уничтожили крупнейший британский линкор. Так же мы поступим со всеми врагами Великой Германии.

Враг стремится отомстить. Нам придется биться с врагом, превосходящим нас по мощи в десять или двадцать раз. Мы встретим его с такой же отвагой, с какой уничтожали «Худ»...

Друзья, битва за свободу народа Великой Германии не позволяет думать о личной судьбе. Если мы погибнем, то подумаем перед этим о своем доме, немецком народе и нашем фюрере.

Нам нужно умереть, чтобы жила Германия. В этот час нельзя думать о собственной судьбе. Не важно, погибнем мы или нет. Важно то, что мы потопим один-два корабля противника.

Голос оставался холодным и бесстрастным. Он не выражал ни тени волнения. Молодые моряки слушали его на своих боевых местах, в кубриках, в машинном отделении или лазарете, с ужасом глядя на громкоговоритель.

– С этого времени действует один пароль, – продолжал адмирал. – Свобода или смерть.

Голос замолк так же внезапно, как начал говорить.

Обращение по громкоговорителю отбило охоту у молодых моряков из 2-го матросского полудивизиона продолжать разговор. Несколько секунд думали о своих домах, о завтрашнем дне. На несколько секунд ими овладел страх, дикий, необузданный страх. Каждый думал о себе и глядел на соседа. Во рту пересохло, лоб покрылся испариной.

Пфайфер встал и застегнул свой боевой пояс.

– Пошло все к черту! – воскликнул он.

Никто ему не ответил.

Сэр Джон Тови никогда не забудет этого часа. Возникла острая нужда в топливе. Он послал «Рипалс» на заправку. Боевые корабли снимались с конвоев, чтобы принять участие в преследовании «Бисмарка». Снова и снова британский адмирал получал одни и те же телеграммы: «У нас топливо на исходе».

После выступления адмирала экипаж «Бисмарка» приуныл. Внезапно на корабле стало слишком тесно, слишком жарко, слишком душно. Матросы снова стали прислушиваться к каждому звуку.

Под палубами не существовало ни дня, ни ночи. Под палубами непрерывно горел электрический свет. Когда раздавался грохот, невозможно было сказать, то ли огонь открыли свои орудия, то ли в корабль попал вражеский снаряд. Моряки под палубами ощущали себя в изоляции. Но вдруг они почувствовали, что противник наблюдает за ними. Они воображали, что слышат, как противник наводит на них свои орудия. Они могли видеть, как самолет стартует с палубы. Замечали вражеские подлодки. Каждый прислушивался к тому, что говорил сосед. Возможно, моряку везло, его сосед был оптимистом, тогда с ним можно было поговорить о доме.

Каждое отделение корабля кишело слухами. Хотя никто не знал ничего определенного, всем хотелось что-то знать. Офицеров осаждали вопросами. Но они знали немногим больше, чем рядовые. Они лишь были более оптимистичны и вселяли уверенность в матросов, даже если сами находились в совершенно ином настроении.

Это называется – вести за собой...

Бауэр 2-й первым вышел из оцепенения.

– Где мы сейчас, черт возьми? – закричал он на все машинное отделение.

– Сказать тебе, приятель? – рявкнул на него Пфайфер. – В Атлантике.

– Но что-то должно случиться.

– Сходи наверх и скажи это адмиралу.

В машинное отделение вошел унтер-офицер, механик Хинрихс. Его немедленно атаковали вопросами.

– Успокойтесь, парни, – сказал он. – В конце концов, вы на боевом корабле, а не на роскошном лайнере.

– Но что происходит?

– Ничего не происходит.

– Какие поблизости корабли противника? – спросил Пфайфер.

– Разве я Господь Бог?

– Но нам нужно что-то знать.

– Может, Старик позволит вам посмотреть в бинокль. Сходить к нему?

Никто не засмеялся. Сейчас на шутки не реагировали. От гордости за знаменитый «Бисмарк», уверенности, что на «Бисмарке» ничего не может с тобой случиться, что строители корабля продумали все, ничего не осталось. Ничего не осталось от уверенности, что торпеды противника должны отскакивать, как снежки. Что вражеский самолет будет сбит до того, как откроет огонь. Что вражеские корабли ниже качеством...

В «Бисмарк» попал снаряд. «Ущерб незначительный», – сказали рядовым. Но сознается ли командование, если ущерб будет серьезным?

И отчего же масляный след? Почему так медленно идем? «Бисмарк» способен увеличить ход на 6 узлов. На сколько времени хватит топлива? Что случилось с судами снабжения? Может, томми уже рассчитались с ними?

– Я больше не могу это терпеть! – воскликнул Эбингер, худенький, маленький матрос, который

раньше выглядел как само спокойствие. – Не могу.

– Пошел к черту! – заорал Хинрихс.

– Оставь его в покое! – произнес Пфайфер агрессивным рыком. – Иначе тебе придется иметь дело со мной.

– Вы отличные сослуживцы.

– Возвращайся на свое место. У нас и без тебя хватает баламутов.

– Я не могу больше это терпеть! – закричал Эбингер во второй раз. Его худощавое мальчишеское лицо выглядело потемневшим и старым. Он был на грани срыва. Возраст – семнадцать лет и четыре месяца. Восемь месяцев флотской службы. Доброволец. Единственный сын своих родителей. Верный долгу до самой смерти, говорили позднее...

Но Эбингер перед смертью переживал агонию страха. Каждый час, каждую минуту, при каждом вздохе. Он тупо и апатично сидел в углу, размышляя, как избавиться от этого проклятого корабля.

В разгар боя командир отделения Юнак приказал ему чистить поручни в машинном отделении просто для того, чтобы занять его, чтобы его страх не передавался другим.

У других нервы были покрепче. Но они тоже становились Эбингерами, когда вставал вопрос о жизни или смерти. Они тоже не отрывали взглядов от часов, считая минуты до рассвета, прислушиваясь к шумам. Они тоже моргали ресницами. У них тоже губы потрескались, а горло пересохло.

Жуткое ощущение царило на «Бисмарке», оно овладело экипажем и парализовало его. Ощущение, что германский флагман движется к ужасному концу...

В этот день, 25 мая 1941 года, ощущалось колоссальное, невыносимое напряжение, хотя не было сделано ни единого выстрела. Судьба играла в опасные

игры с обеими сторонами – и с немцами, и с англичанами.

Сначала «Бисмарк», не зная об этом, заставил своих преследователей поволноваться. Затем, опять же не сознавая, корабль дал себя обнаружить из-за радиосвязи. Англичанам стало известно место нахождения корабля, но они допустили ошибку в вычислении координат. Почти семь часов корабли сэра Джона Тови двигались в неверном направлении, дав германскому флагману передышку. «Бисмарк» избежал западни в последний раз...

В 4 утра офицеры с мостика корабля «Кинг Джордж V» решили разбудить адмирала сэра Джона Тови, который удалился на несколько часов отдохнуть.

Тови был невысоким, вальяжным офицером, который обычно заражал окружающих оптимизмом. Но когда он стоял в штурманской рубке – только через сутки после того, как произошла трагедия с «Худом», – обдумывая неприятную весть об исчезновении «Бисмарка», признаков оптимизма в нем не наблюдалось.

Сэр Джон Тови считал, что германский флагман располагал тремя возможностями:

«Бисмарк» мог направиться на юг на встречу с судном снабжения.

Он мог двигаться курсом на базу на атлантическом побережье Франции или, возможно, Западной Африки.

Он мог вернуться в Германию, чтобы встать на ремонт.

Адмирал не мог оставить без внимания ни одну из возможностей. Он был уверен, что «Бисмарк» получил прямое попадание, но также знал, что любое полученное кораблем повреждение окажется недостаточным для снижения его оперативной

эффективности. После атак британских торпедоносцев корабль еще двигался со скоростью более чем 20 узлов. Что мог сделать самолет, имеющий на вооружении 18-дюймовые торпеды, кораблю, броне которого предназначалось выдержать удар 21-дюймовой торпеды, выпущенной с подводной лодки?

«Нам нужно вести поиски немецкого флагмана на всех четырех направлениях, – невесело думал сэр Джон Тови. – Нужно бдительно следить за северо-западной зоной, в направлении Гренландии, и взять под наблюдение зону вокруг Азорских и Канарских островов на юго-западе. Следует создать барьер с юго-востока до линии восток – юг – восток, чтобы предупредить прорыв „Бисмарка“ в Брест, Сен-Назер, Феррол или Дакар. Наконец, существует опасность возвращения германского флагмана в Германию через северо-восточную зону».

Чтобы лишить противника всех шансов, сэру Джону Тови понадобился бы весь флот империи. Ему приходилось выбирать что-то одно. Он сделал выбор в пользу решения, предотвращающего наибольшую опасность для Великобритании. Он решил исключить прорыв «Бисмарка» через кордон, а также его встречу с судном снабжения где-нибудь между южным, западным и северо-западным направлениями.

Капитан Эллис на «Саффолке» поспешил на запад и затем лег на прежний курс. «Норфолк» придерживался курса 285 градусов. Контр-адмирал Уэйк-Уокер присоединил серьезно поврежденный «Принс оф Уэйлс» к эскадре сэра Джона Тови. Северо-западный сектор патрулировался авианосцем «Викториес».

Рано утром «Рипалс» возвращался к Ньюфаундленду для заправки. «Родней» мчался всю ночь в юго-западном направлении на максимальной скорости хода. Из-за сильного волнения моря за ним не поспевали эсминцы «Сомали», «Машона» и «Тартар». Они отстали

от лидера. «Лондон» отрядили на поиски немецких танкеров вокруг Канарских островов. «Рамильи» находился в 400 морских милях к югу от последнего местонахождения «Бисмарка». Крейсер «Эдинбург» – в 300 морских милях на юго-восток от «Рамильи».

Отряд кораблей Н, шедший с юга, находился еще примерно в 1300 морских милях от оперативной зоны.

В общем, положение англичан было незавидным. Запасы топлива сокращались. Корабли уже получили приказ прекратить движение полным ходом в целях экономии топлива. Охота на «Бисмарк» не могла продолжаться слишком долго. Еще день-два, и от нее пришлось бы отказаться.

Но случилось чудо. Причем так неожиданно и невероятно, что англичане поначалу в него не поверили.

«Бисмарк» отправил радиогрануу.

Это позволило англичанам определить местоположение германского флагмана и вычислить направление его движения...

Адмирал Лютенс отказывался сделать перерыв в исполнении своего долга. Он стоял на адмиральском мостике «Бисмарка», неподвижный и усталый.

Он оставался там, где должен был принять смерть.

Но немецкий адмирал не думал о ней, иначе он поступил бы по-другому, иначе он бы спас «Бисмарк» и сохранил бы жизнь 2402 членам экипажа. Он спас бы всех, кроме Босуна Хайнерса, которого взрывная волна от разорвавшейся торпеды швырнула о металлическую переборку и лишила жизни.

Адмирал Лютенс полагал, что за «Бисмарком» еще гонится враг. Это заблуждение привело его к наиболее серьезной ошибке. Рано утром 25 мая он установил радиосвязь с западным командованием германского флота. Он был растерян, не сознавая этого. Адмирал радировал: «Радар противника дальностью действия

минимум в 35 000 метров серьезно затрудняет операции в Атлантике. Наши корабли сосредоточены в Датском проливе. Противник прослеживает наше местонахождение. От него невозможно оторваться, несмотря на благоприятные погодные условия. Дозаправка возможна лишь при условии отрыва от противника за счет превосходства в скорости... Наш расход боеприпасов в бою с „Худом“ составляет 93 снаряда. „Принцу Эйгену“ удалось уйти, потому что „Бисмарк“ атаковал крейсера и линкор, укрывавшийся в тумане. Наш радар часто выходит из строя, особенно в момент, когда орудия ведут огонь. Командующий флотом».

В 8.45 утра западное командование германского флота во Франции дало ответ. Лютенс вновь получил реальную возможность уйти от противника, поскольку инстанция на земле разобралась в том, что адмирал не мог осознать, а именно: противник потерял «Бисмарк». Радиограмма гласила: «Последнее донесение о контакте в 2.13 от K3G. Заканчивается тактическим сигналом в три цифры, но прямого сообщения о местонахождении корабля не содержит. Наше общее впечатление – контакт утерян. Периодически передаются оперативные радиосигналы на Бермуды и Галифакс, но не в направлении Гибралтара и отряда кораблей Н, находящегося предположительно в Атлантике. Западное командование».

Тем не менее адмирал держался прежнего курса.
Гибельного курса...

Матросы пали духом. От одного страх передавался другому. Казалось, они отправились в этот морской поход так давно. Сколько же еще он будет продолжаться? Кончится ли когда-нибудь это бушующее море? Что еще можно сделать?

Они хотели вернуться домой. Они выполнили долг, потопили «Худ». «Бисмарк» нуждался в ремонте. Повреждения несерьезны. После их устранения новый выход в море. Это естественно, но нынешнюю операцию пора кончать. Теперь лишь один пароль: курс на Германию или Францию. Францию тоже можно считать домом, раз она оккупирована.

Многие перестали есть. Пища стала безвкусной. Притом что в других родах войск завидовали морякам, которых хорошо кормили. Им не давали протухшей пищи. В супе плавали большие куски мяса. Но ни у кого не было желания вылавливать их. Все потеряли аппетит. Живот и горло сводило судорогой.

Лаухс вошел в кубрик в большом волнении.

– Все в порядке, парни, – крикнул он, – через четыре часа мы доберемся до побережья.

– Отчего ты так думаешь?

– Мне сказал Линденберг.

– Откуда Линденберг знает?

– Я откуда знаю.

– Если не знаешь, то заткнись, – рассердился Пфайфер. – Чтобы не будоражить корабль своими домыслами из галюна.

– Пошел к черту, – свирепо огрызнулся Лаухс.

– Так... завелся? Когда вернешься домой, снова начнешь трепаться, обязательно.

– Не зарывайся, или получишь по зубам.

Два моряка встали друг против друга, набычившись. Озлобились все. Любая невинная перепалка грозила перейти в потасовку. И все же все находились в одной лодке, одинаково ощущали свое пребывание среди морских волн в вооруженной консервной банке в ожидании очередного нападения, очередного орудийного залпа, очередной торпедной атаки. В ожидании благополучного исхода исполнения этого проклятого долга, окончания этой убийственной войны

на море, этого страха и ужаса, этого бесконечного и непреодолимого ожидания на своих боевых местах у какого-нибудь прибора, рычага, кнопки.

Матросы вяло переминались на палубе корабля. Сегодня к ним присоединился Поллак, тучный старший матрос, которого ничто не могло вывести из равновесия. Сегодня он выглядел беспомощным. Он не отвечал, когда с ним заговаривали. Глядел перед собой с безумным видом. Потом взорвался:

– Не могу больше. Сейчас там должен родиться ребенок.

– Успокойся, приятель, – сказал Пфайфер. – Не только ты этого ждешь.

– Жена, – простонал Поллак. – Это должно было произойти вчера... Если я их вскоре не увижу, сойду с ума.

– Может, тебе пришлют письма вертолетом. Чего ты раскричался? Рождение ребенка – не повод дергаться.

– Займись своим обедом! – заорал на него Мессмер.

– Не могу.

– Пообедай, приятель. Первоклассный паек перед отправкой на небеса. Или ты хочешь утонуть на пустой желудок?

– После еды посиди и потолкуй или погуляй подольше, – заметил Линденберг.

Пфайфер решил оставить гастрономическую тему.

– Нам следовало бы завести женщин на старой посудине, – сказал он, – тогда бы я посмотрел на вас. Тогда не было бы никаких жалоб, так? Томми могли бы появляться сколько угодно, вы бы не обращали на них внимания.

– Итальянцы держат женщин на борту, – заметил кто-то.

– Ерунда... Если и держат, то только для офицеров.

– Ну и хорошо, когда им надоест, наступит твоя очередь.

– За это он даже готов встать в очередь за офицерами, – вставил Пфайфер.

Все рассмеялись. На несколько секунд тема номер один заставила их забыть о пребывании на «Бисмарке».

– Моя несчастная женушка, – застонал Поллак.

– Ты, глупый болван... Твоей жене гораздо лучше, чем тебе. Очень скоро ты займешься стиркой пеленок.

Старший матрос встал и застегнул на себе боевой пояс.

– Ребята, настало время вахты. Вы – подонки. В вашей башке ничего нет, кроме жратвы, женщин и отпуска.

– Это кое-что, во всяком случае, – медленно произнес Мессмер. – У тебя же совсем нет башки, одна лишь тыква.

– Это еще мягко сказано, – поддержал его Пфайфер.

Они не спеша ушли с палубы. Времени было предостаточно. Оно разрывало душу. Такая ситуация может сломить даже моряков...

Она их действительно ломала. Каждый час, каждые сто пять минут. Когда ничего не происходило, многое случалось. Потому что они не знали, что происходило.

«Бисмарк» послал радиограмму. Непостижимо! Но в этом не было сомнений. Британские радиолокаторы работали всюю. Как такое могло случиться? Однако это не волновало сэра Джона Тови...

Адмиралтейство внимательно отслеживало ход операции «Бисмарк». Радиолокационные данные, наносившиеся на карты в штурманской рубке корабля «Кинг Джордж V», британского флагмана, не во всем согласовывались. Два сигнала указывали на местоположение южнее последней позиции «Бисмарка». Все же остальные указывали на север.

Сэр Джон решил не обращать внимания на сигналы, указывающие на юг.

В результате местоположение «Бисмарка» определили в точке с координатами 57 градусов северной широты и 33 градуса западной долготы. Если это верные координаты, тогда «Бисмарк», несомненно, возвращается на север.

«Кинг Джордж V» немедленно оповестил об этом все другие британские корабли. Их сориентировали на проведение операции в точке, вычисленной как новая позиция «Бисмарка». Им не давали указаний относительно передвижений в новые квадраты, и до получения дополнительного распоряжения они могли действовать самостоятельно.

«Саффолк» направился к Исландии. «Кинг Джордж V» взял курс на Северное море. «Принс оф Уэйлс», уже опередивший британский флагман, двинулся назад к Датскому проливу. «Викториес» устремился к проходу между Исландией и Фарерами. «Родней» замешкался. Он находился слишком далеко от определившейся точки «Бисмарка». Корабль был обречен прибыть к месту сражения в Северном море слишком поздно при любых обстоятельствах.

Новую обстановку рассматривали и в адмиралтействе. Одного из наиболее опытных экспертов, капитана Даниеля, попросили высказать свое мнение об этой обстановке.

– По-моему, – сказал он, – «Бисмарк» направляется во французский порт. Нам неизвестно, получил ли он серьезные повреждения. Можно с уверенностью предположить, что поразить цель смогла как минимум одна торпеда. При таком предположении боевая эффективность корабля несколько уменьшилась. Для противника прорыв в пространстве между Шотландией и Датским проливом будет слишком рискованным. Он знает, какие мы имеем силы в нашем распоряжении, и должен понимать, что мы блокируем эту морскую зону всеми наличными кораблями. Если «Бисмарк»

приблизится к французским портам на атлантическом побережье, то вскоре окажется в пределах досягаемости своих сил и под прикрытием люфтваффе. Кроме того, ему навстречу непременно вышлют подводные лодки.

Капитан Даниель твердо держался своей точки зрения. Но мнения членов адмиралтейства разделились. Нервы напряглись до предела. Усталость, промахи и неопределенность оказывали свое влияние на офицеров.

Другой офицер, капитан Эдвардс, придерживался того же взгляда, что и Даниель.

Пришлось еще раз прибегнуть к воздушной разведке. Еще раз она должна была помочь в преодолении страшных удручающих часов неопределенности. Но радиус действия гидросамолетов ограничен. В воздух поднялись три «Каталины». В 1.50 пополудни. Успех их вылетов был крайне проблематичным.

Что же теперь будет? Правильны ли были расчеты? Покончат ли они наконец с противником? Смогут ли они навязать противнику сражение? Смогут ли они отомстить за «Худ»?

Сэр Джон Тови надеялся на это.

Он не предполагал, однако, что его корабли движутся в ложном направлении. Не знал, что нелепая арифметическая ошибка войдет в историю морских войн. Что ошибка в расчетах еще раз дала «Бисмарку» преимущество почти на семь часов.

На этот раз шанс уйти был достаточно надежен. И корабль смог бы уйти, если бы адмирал Лютенс знал об этом шансе!

Младший лейтенант Петерс сидел в каюте и писал письмо матери. Письмо, которое, возможно, никогда не дойдет до адресата. Петерс был на грани срыва.

Дважды, трижды он порывался писать письмо, но затем отбрасывал лист бумаги.

– Брось это, – посоветовал ему капитан-лейтенант Нобис. – Ляг и расслабься. Все равно нет смысла писать письма... Через два дня мы будем дома. Ты получишь звание лейтенанта, а твоя мать сможет встретить тебя как героя.

– Мне бы ваш оптимизм, герр капитан, – отозвался младший лейтенант. – И ваши нервы в придачу.

– Это – от природы, – ответил Нобис. – Все очень просто: один имеет базедову болезнь, другой – плоскостопие, мне же выпало иметь крепкие нервы.

– Не знаю, как это вам удастся, герр капитан, – продолжил Петерс, – но вы выглядите верхом совершенства и распространяете запах одеколона, словно собираетесь на танцы, а не в штурманскую рубку. В вашем присутствии я ощущаю себя неполноценным существом.

Нобис рассмеялся:

– Если это способно помочь, Петерс, я с удовольствием одолжу тебе свой одеколон.

– Вам бывает страшно, герр капитан?

– Конечно. Но к страху можно привыкнуть, как можно привыкнуть к чистке зубов два раза в день или пище из змеиного мяса.

– Как вам удастся не обнаруживать ни тени страха?

– Послушай, Петерс, единственное, что мне нравится на этой проклятой посудине, это ощущение уверенности в том, что никто не знает, как я себя чувствую.

– Вы когда-нибудь тонули, герр капитан?

– Дважды, мой милый. Последний раз на нелепом малюсеньком шлюпе.

– Как же вы оказались за бортом?

– Непроизвольно, Петерс. Все происходит так быстро, что потом не понимаешь, как это случилось. Но

не дрейфь, за бортом этого корабля никто не окажется.

– Вы действительно так думаете?

– Я повторял про себя это до тех пор, пока не уверовал. И буду впредь в это верить, пока придется... Ну, я иду в штурманскую рубку. Не забудь меня вовремя сменить.

«Прекрасная философия, – думал Нобис. – Вот я стою, разыгрываю из себя героя и треплюсь по мелочам просто для того, чтобы забыть о собственных мыслях. Будто я когда-нибудь смогу забыть о них. Будто я, хотя бы на час, смогу перестать думать о Дайне. Будто я сто раз не переживал последнюю встречу с ней...»

Все двигалось с молниеносной быстротой. Нобиса выписали из госпиталя и поместили в лагерь для интернированных под Лиссабоном. Слева обитали интернированные англичане, справа – немцы и итальянцы. Их разделял лишь забор из поржавевшей колючей проволоки. Разделяла лишь невидимая, так называемая идеологическая стена.

Лишь война разделяла.

По обе стороны от линии раздела люди играли в футбол, ели одинаковую пищу, читали одинаковые газеты. Только комментировали прочитанное в газетах по-разному.

Комендант лагеря, тучный майор, был человеком покладистым.

– Если есть жалобы, заходите ко мне, – говорил он, приветствуя Нобиса. – Я могу предоставить вам почти все. За исключением свободы, конечно. Но в этом вы сами виноваты. Хотя, уверяю вас, я уважаю ваше решение. На вашем месте я сделал бы то же самое.

– Весьма признателен, – ответил Нобис.

По обе стороны от забора из колючей проволоки люди мечтали о побеге. Сторожевые посты, укомплектованные опытными стрелками, преграждали

путь к свободе. Они относились к выполнению своих обязанностей серьезно и стреляли без колебаний. Ночью территория лагеря освещалась прожекторами. Был один возможный способ бежать: пропилить железную решетку на первом этаже переднего здания, выпрыгнуть на дорогу при свете прожекторов и затем бежать, бежать, бежать так быстро, как позволяют ноги.

Перед Вернером Нобисом такую попытку предприняли трое заключенных. Двое убежали, третьего застрелили.

«Положим, я укроюсь от лучей прожекторов и пуль, – размышлял Нобис, – что тогда? Каждый поймет, что я иностранец. Мой португальский – безнадежен. В кармане ни гроша. На мне что-то похожее на спецодежду. Без посторонней помощи меня поймают в считанные часы. Кто может мне помочь? Может, Дайна?»

Нобис написал ей письмо. Написал, что просто хочет ее видеть. Ответ пришел обратной почтой. Несколько коротких строк, которые Нобис никогда не забудет.

«Вернер, я люблю тебя. Люблю ужасно. Надеюсь, ты выберешь меня, а не войну. Если бы ты поступил так, я была бы счастлива. Но остаюсь несчастной, пока ты не сделал этого. Мне никогда не приходило в голову, что я англичанка, по крайней мере по паспорту, и что я люблю мужчину, который должен считаться моим врагом. Пожалуйста, ради нас, забудь о том, что ты немецкий офицер. Если не сможешь, то потеряешь меня. Если не хочешь меня потерять, напиши и сообщи мне об этом. Я однажды приду и заберу тебя. *Дайна*».

Он не стал писать ей. Его интернировали на четыре недели. Четыре недели, в течение которых он каждый

день думал о побеге.

Теперь настал решающий час. Железная решетка почти пропилена. Ее можно было выломать рукой.

Затем состоялся прыжок на линию огня. Возможно, часовые будут спать. Он надеялся на это.

Часовые не спали, но их подвела меткость. Пули просвистели у его головы семь-восемь раз. Затем его поглотила тьма. Дальше он бежал со всех ног. Остановился передохнуть. Сначала он хотел добраться до Опорто. К Дайне.

Он чувствовал горечь во рту, когда думал об этом. Собирался попросить у нее одежду и деньги. Надеялся, что сможет уговорить ее. «Если я не герой, – думал Вернер Нобис, – то должен быть негодяем».

Бог знает, как он прошел 60 километров до Опорто. Измазал свою одежду грязью, чтобы выглядеть бродягой. Повсюду встречал полицейских или солдат. Они не обращали на него внимания. Наступил особенно приятный день. Солнце светило так, словно хотело сделать мир еще более привлекательным. Как будто в этом была необходимость! Как будто Вернер Нобис не ценил, не желал мира! Как будто он был виноват в этой проклятой войне!

Проголосовав, он проехал часть пути в грузовике. Водитель, отчаянный молодой парень, обращавший больше внимания на девушек, чем на дорогу, несколько раз заговаривал с Нобисом. Но беглец не мог понять, что тот говорил. Он заглядывал в свою карту. Еще 30 километров позади. Нобис надеялся, что им не встретятся на дороге блокпосты. Надеялся, что полиция не догадается о том, куда он нанесет свой первый визит. Что этот визит будет к Дайне.

Но полиция под этим сияющим голубизной небом была расположена, очевидно, думать о чем угодно, только не о беглом интернированном немце. В конце концов, он не был врагом. Более того, Португалия не

участвовала в этой гнусной войне. Здесь не хватало сахара. Вот и все. А это терпимо. Сколько людей в Германии, Италии, Великобритании, Норвегии, Дании и Польше с готовностью обходились бы до конца жизни без сахара, только бы не было войны? С наступлением ночи он оказался в Опорто. Дайна жила в коттедже на окраине города. Нобис хорошо знал кружной путь по окрестностям Опорто. По крайней мере, по карте улиц города, которую он добыл в лагере для интернированных.

Что она скажет, когда увидит его? Как он пройдет к ней, не разбудив весь дом? Как он сможет поговорить с ней, не встретившись с ее матерью?

Он думал, что все будет гораздо проще. Бродил тенью вокруг дома Дайны. Ушла масса времени, пока приобрел необходимую смелость для преодоления нерешительности и решающего разговора.

Интересно, где ее комната. Она рассказывала ему о своем доме во время посещений госпиталя. Он знал, что ее спальня выходила на небольшой балкон. В доме было два балкона.

Вернеру Нобису повезло. Он определил ее балкон верно.

Он бросал камешки в ее окно. Через продолжительное время зажегся свет. Затем он ее увидел. Она натянула на себя платье и выглядела сонной. Ее глазам нужно было привыкнуть к темноте.

Вернер Нобис вышел из тени.

– Это я, Дайна, – назвался он приглушенным голосом.

Затем она его увидела. Он ясно видел, что она ему рада.

Самое худшее позади, подумал Нобис, однако он знал, что самое худшее еще впереди.

Разговор с ней.

Расставание...

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал он. – Как мне попасть к тебе?

– Я разбужу маму.

– Нет, пожалуйста, только не это... Я в бегах.

Дайна сразу все поняла. Она кивнула:

– Я сейчас спущусь.

Нобис снова вошел в тень. Ему хотелось ни о чем не думать, но мысли его уже давно не слушались. Так же как и чувства. Так же как и глаза.

Теперь она вышла к нему. Улыбалась. Выглядела такой же, как всегда. Удивительно красивой.

В тот же миг Нобис забыл обо всем.

О цели побега, его срочности, о полиции, об отсутствии денег, нужде в одежде.

Он стоял перед ней, обнимал ее, прижимал к себе.

Она плакала от счастья...

«Бисмарк» двигался дальше, имея на борту 2402 человеческих судьбы. Ничего не происходило. Затишье перед бурей. Частью этого затишья был капитан-лейтенант Нобис, который сидел в штурманской рубке, думая о Дайне.

Не он единственный, у каждого была своя Дайна, о которой он не мог не думать. Но только у одного из них имелся шанс остаться с ней, но он выбрал войну.

Остальные лишились возможности выбора из-за призыва на военную службу...

Семь часов им не выпадало шанса. Англичанам. Фактически семь часов все наличные корабли Королевского флота пытались настигнуть «Бисмарк» в Северном море – и все это время германский флагман двигался в направлении побережья Франции.

В 3.30 дня сэр Джон Тови получил новое донесение о возможном местоположении «Бисмарка»: 50 градусов 15 минут северной широты и 32 секунды западной долготы.

Адмирал смотрел на донесение с удрученным видом. Если местоположение определено правильно, «Бисмарк» направлялся не в Северное море, а в Бискайский залив.

Как могла возникнуть ошибка?

Ответ напрашивался простой, смехотворно простой. Сетка координат на картах, которые использовались, была нанесена неточно. Адмиралтейству следовало бы это заметить. Им следовало бы привлечь к этому внимание сэра Джона Тови. Но как всегда, то, что надо было сделать, не обнаруживалось до последнего момента.

В 4.30 Джон Тови послал в адмиралтейство радиограмму с вопросом, полагают ли они, что «Бисмарк» идет курсом на Фарерские острова. Ему не ответили. Сэр Джон решил взять дело в собственные руки. Он забросил поиски в направлении Северного моря. Сообщил на корабли свое мнение о том, что германский флагман направляется во Францию. «Бисмарк» изменил курс.

Он изменил курс за час до обнаружения ошибки в адмиралтействе. Адмирал Тови сэкономил час.

Но не было ли уже слишком поздно?

Сэр Джон Тови без труда определил, чего ему стоила ошибка. Он находился примерно в 100 морских милях от «Бисмарка». Точное местоположение германского флагмана еще неизвестно. На выяснение уйдет вся ночь. У адмирала оставалась одна надежда – самолеты авианосца «Арк Роял», который приближался к месту сражения вместе с отрядом кораблей Н. Они осуществляли разведку над обширной морской зоной.

Погода снова благоприятствовала «Бисмарку». Но его наконец обнаружили.

26 мая в 10.30 утра «Каталина», базировавшаяся в Северной Ирландии, установила местоположение линкора. Он находился в точке с координатами 49

градусов 33 минуты северной широты и 21 градус 50 минут западной долготы. Курс 150 градусов. Скорость около 20 узлов. «Каталина» сразу отправила донесение. Его продублировали все британские радиопередатчики. Его слышали все британские корабли: «„Бисмарк“ снова обнаружен».

Обнаружен раз и навсегда. Через тридцать один с половиной часа.

Вначале имелись некоторые сомнения в том, являлся ли действительно линкор, обнаруженный «Каталиной», «Бисмарком». Только полчаса назад, около 11 утра, «Свордфиш» с «Арк Роял» принял «Бисмарк» за крейсер.

Послали другие самолеты. Они поднялись в воздух в почти невозможных погодных условиях. Гигантские волны захлестывали авианосец. Впервые летчики Королевского флота рискнули взлететь с палубы в подобных условиях.

Риск окупился. Самолеты вернулись с известием, что корабль противника не был крейсером, но, должно быть, «Бисмарком».

На «Бисмарке» воздушная тревога.

- Гидросамолет типа «Каталина», - доложил наблюдатель с «вороньего гнезда». - Высота 4000 метров.

Гидросамолет держался на безопасной дистанции от зенитного огня. Затем мимо проревел «Свордфиш». Тоже на безопасной дистанции. Зенитки корабля все еще молчали.

Сколько это будет продолжаться?

Для решающей торпедной атаки на «Бисмарк» в воздух поднялись 15 самолетов. В 2.50 дня. Экипажам самолетов сообщили, что на оперативном пространстве других кораблей не наблюдается. Ошиблись. Ошибка должна была обойтись англичанам очень дорого.

Самолетам понадобилось около часа, чтобы долететь до «Бисмарка». Пятнадцать торпедоносцев «Свордфиш» упорно неслись вперед. Наперекор ветру, дождевым завесам и плохой видимости. Местоположение противника приходилось определять по радарам. Летчики смотрели на часы. Где этот чертов «Бисмарк»? Они ничего не видели.

Затем засветился экран радара. Цель.

«Бисмарк».

Теперь настало время самой трудной части операции. Сначала самолетам следовало сделать боевой заход. Им нужно было резко взлететь в облака. Там сосредоточиться. Перестроиться в боевой порядок. Совершить полет на малой высоте. Затем сбросить свои торпеды. И снова взмыть вверх.

Кому не посчастливится на этот раз? Кого поразит зенитный огонь, когда орудия «Бисмарка» откроют его по самолетам противника с дистанции трех-четыре сотен метров?

Времени размышлять не было. Самолеты ринулись в пике сквозь облачный покров. Прямо на цель. Первый боевой порядок летел над противником. В любой момент могут взорваться торпеды.

Из британских кораблей ближе всех находился к «Бисмарку» «Шеффилд». Когда погода ухудшилась еще больше, британский крейсер получил приказ принять от авиации выполнение задачи преследования корабля противника. В 1.30 дня. Около полутора часов ранее взлетели «Свордфиши». Во время получения приказа «Шеффилд» находился в пределах видимости авианосца «Арк Роял». Никто не заметил, как авианосец удалился от крейсера. Никто не предполагал, что «Свордфиши», готовившиеся для атаки на «Бисмарк», сбросят торпеды на свой корабль, «Шеффилд»...

Незадолго до 4 часов дня офицер-радист с «Арк Роял» доложил капитану Монду:

– Сэр, «Шеффилд» в непосредственной близости от «Бисмарка».

Монд сразу понял, что это значит.

– Когда поступило донесение?

– В 2.00 пополудни.

– Почему я получил его только сейчас?

– У нас были трудности с расшифровкой.

– Вы понимаете, что это значит?

– Да, сэр, – ответил офицер-радист.

– Немедленно передать по радио открытым текстом: «Соблюдать осторожность в отношении „Шеффилда“».

В тот самый момент, когда в эфире прозвучало предупреждение, уже взрывались первые торпеды...

Капитан Ларком стоял на мостике «Шеффилда». Ему только что доложили о приближении «Свордфишей».

Он наблюдал за ними через бинокль. Видел, как они взмыли в облака. Какого черта они там укрылись?

Капитан Ларком представлял себе весьма конкретно, как выглядит торпедная атака. Представлял, потому что его корабль, «Шеффилд», уже послужил мишенью для неопытных молодых экипажей «Свордфишей» с «Арк Роял» во время маневров.

– Они нас атакуют! – вскричал он через мгновение.

Первый самолет уже приближался на бреющем полете.

– Полный вперед! – проревел Ларком.

Корабль сделал столь резкий поворот, что сильно накренился вправо. Далее пошел зигзагообразным курсом.

Вверх вздыбились высокие столбы воды. Торпеды имели магнитные взрыватели, они срабатывали, как только попадали в магнитное поле стального корпуса корабля.

Вторая торпеда устремилась вслед за первой.

Она становилась все ближе и ближе. С шипением и пенистым следом на поверхности моря. Беспощадный, смертоносный снаряд. Его выпустили свои же моряки, а экипаж «Шеффилда» не мог защитить свой корабль...

Торпеды с шипением мчались к кораблю со всех сторон. «Шеффилд» увертывался от них зигзагами. «Проклятье, неужели они не видят, что мы не обороняемся? – подумал капитан Ларком. – Неужели им не кажется странным, что мы не ведем зенитного огня?»

Снова на них ринулся в пике самолет. Снова скользнула в воду торпеда и проделала пенистую дорожку в морской ряби.

Моряки на верхней палубе, преодолевая страх, смотрели на воду. «Неужели они не узнают нас? – думали они. – Они летали над нами каждый день, каждый день мы служили мишенью для их холостых торпед! Теперь что же, погибать от собственных боевых торпед? Становиться беспомощными жертвами наших собственных самолетов – более беспомощными, чем в случае атаки вражеских самолетов?»

На них летело в боевом порядке последнее звено самолетов. Вот оно стало совсем близко. Приготовлены торпеды для поражения корабля. Сразу три. Можно увернуться от одной или двух торпед, но не от трех сразу. Во всяком случае, не в то время, когда они так близко.

Самолеты перешли в пике и летели на небольшой высоте.

Теперь они должны сбросить свои торпеды. Где они? Уже сброшены? Этот наблюдатель в «вороньем гнезде» ослеп, что ли? Самолеты пронеслись с воем над кораблем и удалились. Пилоты взмыли на своих машинах вверх, развернулись и улетели.

По крайней мере, три последних самолета опознали «Шеффилд».

Возбуждение улеглось. Неистовые зигзаги отнесли крейсер еще дальше от «Бисмарка». Капитан Ларком теперь развернул корабль в направлении противника. «Шеффилд», рассекая волны, отправился преследовать германский флагман.

Между тем сэр Джон ожидал вестей о результатах воздушной атаки. Адмирал нервничал. Но это было заметно лишь тем, кто находились в непосредственной близости от него, настолько сдержанным и спокойным он выглядел. Сэр Джон посматривал на часы.

То же делали офицеры, стоявшие вместе с ним на мостике.

Что-нибудь случилось? Вести должны были дойти до них давно. Неужели погода настолько скверная?

Или зенитный огонь «Бисмарка» настолько губителен? Германский флагман настолько искусен, что увернулся от торпед? Или – как бы это ни казалось невероятным – все самолеты были подбиты немецкими зенитками?

Наконец, вести дошли до адмирала.

Сэр Джон Сомервил, командующий отрядом кораблей Н, прислал предельно лаконичную радиограмму: «Нет попаданий».

Однако это не давало еще адмиралу Тови представления о том, что «Свордфиши» авианосца «Арк Роял» атакуют свой собственный корабль.

Между тем злосчастные самолеты вернулись на авианосец. Только теперь чудовищная ошибка получила объяснение. Летчики были не в себе.

– Обошлось без ущерба, – говорил им капитан Монд. – Вас не за что винить... Ступайте что-нибудь поешьте и будьте готовы к очередному вылету.

Случайность снова вмешалась в ход войны на море. Как получилось, думал капитан Монд, что «Свордфиши» не смогли потопить «Шеффилд», который значительно уступает в мощи «Бисмарку»? Как случилось, что ни

одна торпеда не достигла цели, хотя у пилотов было достаточно времени для прицеливания из-за отсутствия зенитного огня? Магнитные взрыватели усовершенствованных торпед оказались непригодными. Капитан Монд сразу решил заменить их испытанными контактными взрывателями. К этому решению его подтолкнула непостижимая и, к счастью, безуспешная атака на один из своих кораблей.

Именно торпеды с контактными взрывателями давали возможность уничтожить корабль противника пилотам «Свордфишей», которые готовились ко второму вылету. Пока самолеты заправлялись, палуба авианосца кренилась в разные стороны под воздействием волнующегося моря. Семь часов вечера. Сильный ветер гнал в беспорядке облака на высоте 200 метров над водой. В плотной летной экипировке экипажи самолетов стояли на посадочной палубе, азартных юношей сжигала решимость исправить свою ошибку. К твердой решимости примешивался страх, чувство, которое молодой летчик не обнаружит нигде на свете. Сколько их вернется назад? Сколько их разнесет на куски огонь противника?

Сколько прочтут заупокойных молитв, сколько матерей заплачут? Вот о чем они думали, хотя стремились изо всех сил стряхнуть эти мысли, хотя на их бледных лицах изображались едва заметные улыбки. Глубокий вздох – и они полетят.

Поединок со смертью начался. Началась встреча с судьбой, определять которую они не могли так же, как и парни противной стороны, в которых они собирались выстрелить свои смертоносные торпеды.

Завертелись самолетные винты. Заревели двигатели. Тяжелые, громоздкие машины взлетели с палубы, снова вперед, на врага. Одной из них было суждено поразить цель. Торпеда лишила «Бисмарк»

подвижности. Это было начало конца, конца самого современного в мире линкора...

Экипаж «Бисмарка» одолевали вопросы: «Что происходит? Куда мы направляемся? Что мы делаем? Как долго будет длиться эта зловещая тишина?» Тревожная неопределенность легла тяжелым бременем на обитателей орудийных башен, машинного отделения, лазарета, погреба боеприпасов, радиорубки. Она заползала в столовые для матросов, оседала в офицерских каютах, усугубляла нервозность отпускников, заставляла лица пилотов бледнеть и суроветь.

Что происходит?

Две маленькие черные точки кружили над немецким флагманом вне досягаемости его зенитного огня – вражеские самолеты, следующие, как хищники, за обреченным караваном. На несколько минут они исчезали, затем возвращались, поднимались выше, опускались ниже. Так продолжалось часами.

Было далеко за полдень 26 мая 1941 года, до трагедии оставалось менее двух дней...

Моряки на верхней палубе видели этих крохотных паучков высоко над собой. Они знали, что это значит. Воздушная тревога не объявлялась. Пара самолетов противника, державшаяся вне досягаемости зенитного огня, не давала достаточный повод для тревоги на «Бисмарке».

В то же время в небе разыгрывалась трагикомедия. Независимо друг от друга гидросамолет «Каталина» и «Свордфиш» соприкоснулись с «Бисмарком». «Каталина» радировала: «Атакованы немецким истребителем».

Гидросамолет нырнул в облака, чтобы уйти от предполагаемого противника, и, таким образом, потерял контакт с «Бисмарком».

В свою очередь «Свордфиш» принял гидросамолет за «Фокке-Вульф-200» и также ринулся наутек. Два самолета встретились вновь в небе над «Бисмарком», но тратили больше времени на слежку друг за другом, чем за германским кораблем.

Между тем «Бисмарк» маскировал работы на верхних палубах.

Флагману приделали фальшивую трубу. При помощи оловянных листов и фанеры контуры корабля изменили так, чтобы он походил на американский линкор «Миссури». Это делалось с целью ввести в заблуждение преследователей. На этот блеф от безысходности больших надежд не возлагалось.

И вполне справедливо.

«Свордфиши» уже летели со своим смертоносным грузом на борту.

Через несколько минут настало время сражения.

За пять минут до атаки торпедоносцев унтер-офицера Линденберга приняли в лазарете с зубной болью. Левая сторона его лица чудовищно распухла. Из-за боли он не мог говорить и объяснялся только жестами. Слева от него лежал старший матрос Кнолле. Его нога в гипсе была подвешена над койкой. Предыдущим днем он упал и повредил лодыжку. Напротив помещался Шузе 2-й, бывший в лихорадке от желтухи. Самым бодрым из пациентов был старший матрос Бюргер, который почти оправился от операции по поводу аппендицита, сделанной несколько дней назад.

- Привет! - воскликнул он, когда ввели Линденберга. - Ты не очень разговорчив. Боже мой, куда ты смотрел! Говори, морда! Кто тебя так отделал?

Линденберг слегка погрозил Бюргеру кулаком и лег на свою койку.

– Он немного может сообщить о себе, – продолжил Бюргер.

– Наконец появился унтер-офицер, который придерживает свой язык, – поддержал Бюргера Кнолле. – Жаль, что не все такие.

– Он даже не может целоваться.

– Кого ему целовать? Тебя, что ли?

– Заткнитесь, – проворчал Шузе 2-й.

– Ты слышал? – повернулся Кнолле к Бюргеру. – Этот лазаретный китаец подает голос... Тебе нравится твой канареечный цвет?

Шузе со стоном отвернулся.

Вошел санитар Бирнер.

– Пора смерить температуру, господа, – сказал он.

– Как, снова? – возмутился Кнолле. – Зачем мерить температуру парню со сломанной лодыжкой?

– Таковы правила, – ответил Бирнер. – Давайте, господа, пошевеливайтесь... Вы тоже, унтер-офицер.

– А что будет, если мы потонем? – спросил Бюргер.

– Тогда за вами будет особый уход. Вас поместят в резиновую лодку, а военврач лично сядет за весла, чтобы перевезти вас в резиновой лодке через этот пруд.

– В таком случае мы далеко не уедем.

Санитар Бирнер собрал термометры.

В этот момент все началось. В этот момент плоские шутки моряков внезапно оборвал тревожный звон.

Раз-два-три-четыре-пять – раздавались резкие звонки по всему огромному кораблю.

Короткая пауза.

Раз-два-три-четыре-пять – вновь звучали звонки предупреждения.

И так снова и снова.

Звон пронизывал их самих. Их нервы. Их головы и тела. Забегали глаза. Каждый инстинктивно попытался выпрыгнуть с койки. Санитар забыл записать показания термометров в карточки.

По лазарету пробежал лейтенант-военврач. Смешались крики и стук морских шлюпок о бронированные плиты корпуса корабля.

Воздушная тревога!

Согласно плану «Свордфиши» с «Арк Роял» летели к «Шеффилду», который уже два часа поддерживал радиолокационный контакт с «Бисмарком». (Наблюдатель в «вороньем гнезде» крейсера, первым увидевший германский флагман, получил два фунта стерлингов вознаграждения.) Экипажи самолетов и кораблей общались посредством сигналов. Первый боевой строй «Свордфишей», летевший на большой высоте, достиг цели.

В тот же момент вражеские самолеты опознал наблюдатель «Бисмарка».

– Вижу несколько самолетов противника, – доложил он.

Однако в следующий миг черные точки на горизонте исчезли. Ответственные за объявление воздушной тревоги колебались.

Старшие матросы Ржонка и Юганс находились на верхней палубе. Ржонка обеспечивал работу катапульты, Юганс, занимавший боевой пост в орудийной башне «Д», следил за плавающими минами. Оба услышали сообщение наблюдателя за самолетами одновременно. Они уставились в небо, но ничего не увидели.

– Он бредит! – крикнул Юганс.

– Нет, он увидел чаек, – ответил Ржонка.

Напряжение спало, рассеялось в хохоте. Это были чайки – не самолеты!

Но в тот самый миг «Свордфиши» высоко в облаках формировали боевой строй для решающей атаки на «Бисмарк».

Раздался рев самолетов, летевших в пике.

Прозвучала воздушная тревога.

– Все по местам!

Все бросились к люкам. В несколько секунд их задраили. Это произошло так быстро, так внезапно, что старшего матроса Ржонку оставили на верхней палубе, невольным свидетелем яростной атаки.

Огонь вели все зенитки при поддержке орудий среднего калибра. Несмотря на плотный огонь, бипланы врывались на бреющем полете в пространство между правым и левым бортом. Пять, восемь, десять машин. Одновременно со всех сторон, в тщательно спланированном беспорядке. Все разом.

Старший матрос Бенке вырос рядом с Ржонкой.

– Ступай в укрытие! – крикнул он товарищу. – У меня нет времени спуститься вниз.

«Бисмарк» окружили разрывы снарядов. Мог хотя бы один самолет противника прорваться сквозь завесу зенитного огня? Хватало ли смелости какому-нибудь пилоту лететь сквозь огневой, разрушительный вал? Был ли у него шанс?

Вот первый «Свордфиш» вспыхнул ярким пламенем и взорвался. Горящие обломки рухнули в море. Но за ним летел другой самолет. Совсем близко. На миг показалось, что он повис без движения в воздухе. В эту секунду он сбросил торпеду. Она устремилась к правому борту!

По торпедке стали стрелять. Один выстрел оказался удачным. Она взорвалась, подняв в воздух высокий столб воды.

Англичане прилетали со всех сторон, прорываясь с безумством храбрых сквозь завесу артиллерийского огня.

Ржонка и Бенке поспешили к зенитной пушке главного калибра, зарядили, бросились в укрытие. Они видели, как автоматическая пушка опустошает свою магазинную коробку, заметили, как вспыхнул огнем

один из самолетов. Они заменяли раскаленный докрасна ствол орудия именно в то время, когда на корабль с ревом ринулся новый «Свордфиш».

«Боже мой, неужели это никогда не кончится? – думал Ржонка. – Представляю себя среди этих зенитных батарей. Сколько выдержки у этих парней-зенитчиков! Они палят как сумасшедшие. Палят как на Балтике во время учений, когда они целились в макет, который тащил самолет. В случае поражения макета они получали упаковку бутылок с пивом...»

– Действуйте! Побыстрее! – рычал командир.

Торпеды мчались на корабль со всех направлений.

«Бисмарк» совершал зигзаги на полном ходу. Увернулся от трех-четырех скользивших угрей.

Затем летающая машина сделала заход с кормы и послала свой снаряд посреди яростного зенитного огня.

Торпеда шлепнулась в воду и, взрыхлив ее поверхность, понеслась к бронированной обшивке корпуса «Бисмарка».

Стволы пушек обратились на нее. Началась стрельба. Недолет, перелет, промах в одну, другую сторону.

«О боже, цельтесь лучше! Точнее! Будьте спокойнее! Сосредоточьтесь! У вас немало времени. Еще пятнадцать секунд, еще десять. Ради бога, попадите в нее!»

Ржонка стоял на кормовой палубе, в 3-4 метрах от зенитной батареи. Он видел, как мчится торпеда.

– Бежим! – крикнул он Бенке. – Туда, на другую сторону.

Они чуть отбежали в направлении правого борта и упали ничком.

Затем последовал взрыв.

Содрогнулась вся корма. В следующий миг «Бисмарк» развернулся влево по малой дуге, а затем пошел по кругу.

Снаряд угодил в рулевое устройство.

Руль напрочь заклинило.

Нужно было ставить дымовую завесу! Но дымовая установка выведена из строя.

– Не стойте там! – заорал офицер на Ржонку и Бенке. – Выясните, что повреждено.

Дымовая установка располагалась у самого края кормы. Старшие матросы подняли крышку. Трубы погнуты, обшивка покороблена. Бенке спустился в аппарат и направил включенный фонарик в клубок металлических соединений.

– Осторожнее, – напутствовал его Ржонка.

В тот же миг он увидел, как 380-миллиметровое орудие стало совершать круговое движение, пока его ствол не остановился как раз в направлении кормы. Прямо перед собой Ржонка увидел жерло орудия. Он потащил вверх Бенке и отпрыгнул вместе с ним в сторону. Грянул выстрел. Обоих моряков швырнуло взрывной волной на палубу.

«Бисмарк» получил повреждения. Руль застрял в положении почти 20 градусов влево. Гребные винты не могли вести судно. Должно быть, они тоже вышли из строя. «Бисмарк» вертелся по кругу.

Наконец, корма скрылась в дыму. От дымовых бучев.

Снова налетели самолеты. Один «Свордфиш» попытался сбросить торпеду прямо на палубу. Он делал боевой заход с носа корабля.

Грянул залп 380-миллиметровых орудий башни.

Взрыв в воздухе, и самолет исчез. Прямое попадание.

Наконец самолеты удалились.

За дело взялись ремонтные бригады. Водолазы спустились под воду к рулевому устройству. Они работали отчаянно, но без пользы. По кораблю прозвучало объявление:

- Рулевое устройство повреждено. Ведутся ремонтные работы. Устранить повреждение возможно.

Когда водолазы вновь поднялись на палубу для доклада, они были изнурены до предела. С них стекала ледяная вода. Их угнетала безрезультатность работ. Устранить повреждение было невозможно. Ситуация выглядела безнадежной. Обо всем этом они доложили офицерам. Те приказали им не распространяться о своих наблюдениях перед матросами.

Пока экипажу внушали уверенность и оптимизм, «Бисмарк» слал в эфир отчаянные радиogramмы.

В 8.54 вечера адмирал Лютенс радировал: «Атакованы самолетами с авианосца противника».

В 9.05: «Корабль утратил способность маневрировать. Приблизительное местонахождение 47 градусов 40 минут северной широты, 14 градусов 15 минут западной долготы. Попадание торпеды в корму».

В 9.15: «Попадание торпеды в середину корабля».

В 9.17 главнокомандующий германскими ВМС западного направления во Франции в ответ радировал: «По донесениям с подводных лодок, один линкор, один авианосец находятся приблизительно в точке с координатами 47 градусов 50 минут северной широты, 16 градусов 50 минут западной долготы, следуют полным ходом».

Примерно через час западное командование снова связалось по радио с «Бисмарком» и сообщило, что всем наличным подводным лодкам приказано поспешить к флагману на помощь...

С первых же секунд сражения капитан-лейтенант Вернер Нобис не стал себя обманывать. Отныне движение «Бисмарка» оказалось во власти моря, штормового, жестокого моря. Корабль двигался по течению вопреки своей воле – двигался в направлении противника. Англичанам оставалось просто занять

боевую позицию. Им оставалось просто сконцентрировать свои силы. О настоящем бое не могло быть и речи.

«Бисмарк» ожидала казнь, но отнюдь не бой...

Ночь дала сомнительную передышку. Она тысячекратно усиливала в людях страх смерти. Отупляла их и в то же время вызывала нервное возбуждение. Думы становились пыткой. Надежда превращалась в глупость. Глупость – в надежду. Руки дрожали, взгляд обессмысливался, ныли животы, голоса садились. Но возвращались мысли. Мысли о Дайне... Чем более безнадежной становилась обстановка, тем ближе становилась девушка из Опорто. Не было спасения.

Ни от смерти, ни от Дайны...

В ту ночь в Португалии, когда Вернер Нобис стоял у входной двери дома Дайны, когда он целовал девушку, когда хотел попросить у нее деньги и одежду, но с губ срывались только слова любви, в ту светлую лунную ночь он мог изменить все к лучшему.

– Что у тебя за вид! – воскликнула Дайна. – Войди в дом, вымойся.

– А твоя мать?

– Она все поймет.

Он вошел в дом вслед за ней. Видел ее изящную фигуру, и, пока ее близость бросала его то в жар, то в холод, заставляла его ощущать себя одновременно счастливым и несчастным, он забыл, что являлся немецким офицером, находящимся в бегах из лагеря для интернированных лиц. Он забыл, что бежит в Германию. Бежит на войну. Что стремится оставить мирную жизнь, потому что считает: этого требует от него так называемый долг.

Потом он сидел рядом с ней. Дверь на балкон была открыта. Стрекотали сверчки. По радио звучала

мелодичная музыка. На столе – бутылка коньяка. Свет выключили.

Какая была нужда в свете той ночью?

Впервые он оказался с ней наедине. Впервые в жизни он любил по-настоящему. Но этой единственной настоящей любви пришлось стать нереальной. Этого потребовала война. Этого потребовал кодекс чести немецкого офицера. И Вернер Нобис полагал, что следовало подчиниться этому требованию.

– Ты бежал?

– Да.

Она пригладила его волосы.

«Какой же я мерзавец, – подумал Нобис. – Зачем я встретился с ней снова? Все шло хорошо. В этой стране тебе не нужны деньги. И тренировочного костюма достаточно. Кого волнует здесь беглый интернированный немец? Кто здесь интересуется чем-нибудь другим, кроме солнца, смеха, мира, вина и необременительной работы в собственное удовольствие? Жить, дышать, свободно чувствовать себя в счастливой, довольной и мирной стране...»

– Ты останешься со мной, не так ли? – спросила Дайна.

– Да, – ответил Нобис.

Он лгал. Лгал в охотку. Боже мой, какой сладкой может быть ложь! Она может очаровывать два или три часа, а то и вечность, позволяет забыть, что время делится на секунды.

– Ты голоден? – поинтересовалась она.

– Нет, несколько.

Дайна улыбнулась. Вернер Нобис не видел, но почувствовал ее улыбку.

– Ты так же счастлив, как и я?

– Да, Дайна.

– Тогда все хорошо, – прошептала она. – Так и останется... Боже мой, как я рада, что в тебе наконец

проснулся здравый смысл. Я уже почти потеряла надежду. А ты?

– Я думал так же. После того как ты покинула госпиталь, я не знал, куда деться.

– Теперь знаешь?

Их объяла ночь. Она соединила их, сделала счастливыми.

Тысяча нежных ласк еще не кончилась, когда Вернера Нобиса снова стали одолевать мысли. Неразумные доводы. Позывы жестокого, холодного, как лед, долга...

Дайна лежала рядом, она спала. Она улыбалась во сне счастливой улыбкой. Ее лица касались первые слабые блики рассвета. Нобис всматривался в нее снова и снова. Казалось, она почувствовала это в полудреме, потому что пробормотала что-то и повернулась на другой бок.

«Нужно уходить, – сказал себе Вернер Нобис. – Так нельзя. Нужно уходить».

Но в следующий миг он думал по-другому: «Надо остаться. Надо остаться с Дайной. Нельзя покидать ее. Черт возьми, я не хочу ее покидать. Ни при каких обстоятельствах. Ни за что на свете...»

Ни за что на свете?

Теперь он здесь, на «Бисмарке», самом мощном линкоре на свете, готовится к смерти. Готовится к смерти, которая настигнет его через четыре, пять, возможно, через семь часов. На этот раз ему не придется принимать неверное решение. Ничего не осталось для решения. Все произойдет самопроизвольно.

От него требуется только держаться своего места, к которому его накрепко привязал долг. Затем наступит роковой момент...

Англичане еще не знали о состоянии «Бисмарка» во всех подробностях. Не знали, что гибель корабля стремительно близится. Лидер первого звена самолетов радировал: «Возможно, без потерь».

До адмирала Джона Тови это донесение дошло со второго раза. Последнего раза в этот день, поскольку затем наступила ночь. Она прервала дальнейшие авианалеты. Теперь он мог полагаться в погоне за «Бисмарком» только на свои самые быстроходные корабли, эсминцы.

«Свордфиши» с «Арк Роял» вернулись на авианосец. Без вести пропавшим оказался лишь один самолет.

Откуда сэру Джону было знать, что радиограмма «Возможно, без потерь» относилась только к одной авиагруппе, которая состояла из первых трех самолетов, отряженных для атаки? Его еще разделяла с «Бисмарком» дистанция в несколько миль. Степень обеспечения топливом его кораблей исключала дальнейшие операции. Корабли еще должны были вернуться на свои базы. Более того, их подстерегала опасность со стороны немецких подводных лодок. Это потребовало бы зигзагообразного курса на полном ходу. И на это ушло бы много топлива.

Когда капитан 1-го ранга Блэкмен с «Эдинбурга» принял радиограмму со «Свордфиша», он немедленно направил корабль на базу. Несколько раз проходил в течение этого дня мимо «Шеффилда» и «Арк Роял» и, должно быть, подходил к «Бисмарку» очень близко, но не мог его распознать. Теперь «Эдинбург» безнадежно опоздал. У него почти не осталось топлива. Крейсеру повезет, если ему удастся добраться своим ходом до порта.

Перед британской стороной стояла мрачная перспектива, когда адмирал Джон Тови недоуменно покачал головой в ответ на явно нелепое донесение с «Шеффилда», который еще следовал за «Бисмарком»:

«„Бисмарк“ меняет курс на 340 градусов норд-норд-вест».

Что бы это значило? Не пытался ли «Бисмарк» оторваться от раздражавшего преследователя? Даже во время налета «Свордфишей» немецкий корабль сделал несколько залпов в направлении «Шеффилда», поразив его корпус. В результате погибли 3 матроса и 12 получили ранения от осколков. «Шеффилд» сразу набрал скорость и поставил дымовую завесу.

Его радары были выведены из строя.

Не послал ли капитан Ларком ошибочное донесение о «Бисмарке»?

Сначала адмирал Тови был уверен в этом. Затем «Свордфиши» совершили посадку на палубу «Арк Роял». Члены экипажей самолетов клялись, что, по крайней мере, две торпеды поразили цель. Теперь поступила радиограмма с гидросамолета.

В ней подтверждалось, что «Бисмарк» взял курс на север.

Что же, капитан Ларком прав?

Пришли новые радиограммы. Все они подтверждали, что «Бисмарк» идет курсом норд-норд-вест.

Немецкий флагман двигался прямо на эскадры противника. В этом не оставалось сомнений.

Но что это значило?

Этому могло быть лишь одно объяснение – объяснение, приводившее англичан в восторг и влекшее за собой катастрофу для немцев. Флагман адмирала Лютьенса потерял маневренность. Он был вынужден следовать самоубийственным курсом, поскольку его рулевое устройство вывели из строя.

Сэр Джон сразу начал действовать. Он направил свою флотилию курсом на юг. Прямо в направлении местоположения «Бисмарка». В течение предстоящих

нескольких часов британская эскадра неминуемо должна была вступить в сражение.

Капитан 1-го ранга Блэкмен с «Эдинбурга» быстро разобрался в новой ситуации, плюнул на проблемы с топливом и развернул корабль для следования курсом на противника.

Затем, словно спустившись с небес, подошла эскадра из пяти эсминцев во главе с капитаном Вьяном. В ту самую ночь они осуществили дьявольскую атаку...

Так складывалась обстановка, безнадежная обстановка для «Бисмарка», поздним вечером 26 мая 1941 года. В это время адмирал Лютенс послал одну за другой три радиогаммы:

11.40 вечера: «Корабль утратил маневренность. Будем биться до последнего снаряда. Да здравствует фюрер. Командующий флотом».

11.58 вечера: «Фюреру германского рейха Адольфу Гитлеру. Сохраняя веру в Вас, мой фюрер, мы будем драться до конца в непоколебимой уверенности в победе Германии. Командующий флотом».

11.59 вечера: «Орудия и двигатели в рабочем состоянии. Но корабль неуправляем. Командующий флотом».

Между тем на «Бисмарк» свалилась дьявольская напасть – страх смерти.

Слухи о невозможности отремонтировать рулевое устройство быстро распространялись и обрастали подробностями. Адмирал Лютенс пресек слухи тем, что подтвердил их.

Все знали, что это значит.

Каждый располагал несколькими часами, чтобы привыкнуть к мысли о гибели.

Каждый искал выход из положения. И не находил его. Каждый понимал, что судьба поменяла лозунг

адмирала Лютьенса «Победа или смерть!» на лозунг «Победа и смерть».

Экипаж «Бисмарка» из 2402 моряков имел в активе победу над «Худом».

Смерть же еще предстояло принять...

В ночь, предоставившую последнюю передышку перед бойней, страх смерти овладел неуязвимым, но все же поврежденным «Бисмарком». Всемогущий и жестокий, страх господствовал на гигантском корабле, захватил нижние палубы, утвердился в машинном отделении, проник в башни управления орудийным огнем, притаился в офицерских каютах, отбрасывал тень на корабельные мостики.

Люди в перегретых помещениях дрожали от холода, на верхних палубах их прошибало потом в холодную ночь. Страх смерти проявлялся в тысяче форм, под тысячей вычурных масок. Чувства, нервы, сердца вибрировали в унисон настрою этого жуткого, безжалостного, злого духа. То, что пережили 2402 члена экипажа «Бисмарка», что они чувствовали, на что надеялись и как боялись в эти ночные часы горечи и отчаяния, было хуже самой смерти. Потому что смерть была скорой.

Во всяком случае, для большинства из них...

Всего несколько дней назад многие юноши включились с улыбками на лицах, молодым оптимизмом и изрядной долей беззаботности в войну на море. Под личиной патриотизма таились их надежды, опасения, доверчивость и вера. Вера в победу. Кто из них предполагал, что победа означала их гибель ради других? Кто из них предполагал, что в условиях войны, влекущей за собой массовую гибель людей, победа и поражение, жизнь и смерть отдавались на волю слепого и беспощадного случая?

Кто из них имел представление о смерти?

Переживал жуткое ощущение собственной смерти?

Знал, сколько раз приходится умирать, перед тем как станешь мертвым?

Как слабеет решимость перед этим удушающим, ледяным, обжигающим страхом смерти? Как молятся весельчаки, плачут сильные люди, исчезает субординация, трусы становятся героями, а герои – трусами? Как рассеиваются, ускользают и исчезают маловразумительные, традиционные, часто превозносимые понятия мужественности, товарищества и героической смерти?

Младший лейтенант Петерс сидел за письмом в своей каюте. Писал быстро, суетливо, нервно, страницу за страницей. В школе он всегда получал плохие оценки за немецкий язык, поскольку его сочинения отличались чрезмерной краткостью. Позднее, когда он стал моряком, мать жаловалась, что он пишет ей слишком мало. Говоря точнее, кроме нескольких пустых банальных выражений чувств, выглядевших бессодержательными клише, в его письмах имелись только просьбы – просьбы сигарет, денег, еды и прочих вещей. Письма были короткими и напоминали в чем-то военные рапорты.

Сейчас перед лицом смерти и томимый страхом, он находил нужные слова. Слова, обращенные к матери, которые раньше не находил. Он писал с бешеной скоростью, с одержимостью, как будто пытался компенсировать все прежние упущения. Его монолог для матери был бегством от животного страха, от ужаса, от смерти.

Это письмо так и не дошло до одинокой старушки. Младший лейтенант Петерс спас на время жизнь двух своих сослуживцев и погиб. «Во время героического выполнения своего долга перед фюрером, народом и Отечеством», как писала через несколько недель одна газета.

Сколько было писем, молитв, надежд, проклятий, плача?

Вдруг каждый стал пугаться одиночества. Каждый поворачивался к товарищам, как будто они, сами томившиеся тем же испугом, могли защитить его от собственного страха. Желанию любой ценой избавиться от одиночества, возможно, могли помочь другие, возможно, кто-нибудь смог придумать выход.

Наконец о том, что ремонт рулевого устройства невозможен, узнали рядовые матросы. Каждый понимал, что это означало.

Затем по громкой связи передали следующее сообщение:

- Свободный отпуск всех запасов. Каждый может взять все, что захочет.

Через десять минут новое сообщение:

- Кладовые корабля открыты... Товары корабельной лавки подлежат раздаче.

Матросы все слышали и понимали, но не обращали на объявления внимания. Какая польза от жадных рук, если желудок ничего не просит? Товары корабельной лавки! Мечта каждого матроса, луч света в монотонной казарменной жизни, повод для веселья. Свободный отпуск запасов! Ветчина в фольге, шоколад в плитках, консервированные фрукты, мясо в соусе, сыр в тюбиках, сигареты в громадных упаковках, конфеты в целлофане. И столько, сколько хочешь, столько, сколько можешь унести! Неистощимый запас. Рацион, рассчитанный на месяц, выдается на несколько часов. Лосьон для бритья, одеколон, кисточки для намыливания, крем для волос, перочинные ножи, зажигалки, гребни, зубные щетки, авторучки. Каждый мог взять все, что хотел. Сколько хотел. Свободно. Не нужно было даже расписываться за взятые вещи. Счет оплатит смерть.

Старший матрос Линк взял часы. Лаухс – бутылку бренди, хотя бренди специально исключили из списка продуктов, предназначавшихся для свободной раздачи. Мессмер поедал ананасы прямо из консервной банки. Хенгст кропил волосы одеколоном. Другие сидели безучастно вокруг них. На откидной полке лежала ветчина в нарезку. Ветчина, бренди, новые швейцарские часы Линка вызывали у них отвращение. Когда большая стрелка часов завершит движение по кругу девять раз, наступит время его свадьбы по доверенности. Свадьбы с Эльзой.

Но перед этим все будет кончено. По крайней мере, для Линка.

Лаухс предложил пустить бутылку бренди по кругу.

– Пейте, ребята, у меня есть еще одна в запасе.

Только Мессмер сделал глоток.

– Хорошо пьется под ананасы, – сказал он, открывая вторую банку.

– Перестань жрать эту дрянь, – вскинулся на него Хинрихс. – Ты лишь наложишь в собственные штаны.

– У меня желудок в броне, – ответил Мессмер. – Отчего тебе не взять немного жратвы?.. Боишься, что будешь блевать? Иди набей свое пузо. За отечество. – Он глотнул еще раз из бутылки Лаухса. – Благодарность отечества. Вниз тормашками в преисподнюю.

– Ты вшивый мерзавец! – заорал на него Дрехсель. – Закрой свою пасть. Не могу выносить твою болтовню.

– Нам не дадут просто так отправиться на дно! – вдруг воскликнул Поллак. – Что-нибудь должны придумать.

– Что-нибудь сделают, – ответил Лаухс. Он поднес к губам полупустую бутылку. – Произнесут речи. Проведут в школах поминальные службы. А когда закончится война, воздвигнут памятник, на котором хорошо посидят воробыи.

– Ты вшивый негодяй, – выругался Дрехсель.

- Но у нас много подводных лодок, - сказал Мессмер. - Как ты думаешь, что станет с томми, когда они нападут на нас? Сюда подойдут тридцать или сорок подлодок сразу. Думаешь, они дураки? Думаешь, строили «Бисмарк» лишь для того, чтобы томми разнесли его на куски?

- Не говори ерунды, - перебил его Хенгст. - Что, по-твоему, подводные лодки сделают линкорам? Ты ведь хорошо знаешь, что торпеды попросту отскакивают от них.

- А как же с нами? - возразил Хенгст. - Именно торпеда причинила нам столько бед.

- Не отчаивайтесь, - вмешался в разговор Хинрихс. - Есть еще самолеты. Томми дадут деру, как только заметят, что приближаются «Юнкерсы-88»!

- Они слишком далеко от нас. Им ведь надо возвращаться назад. Не думаешь же ты, что они захотят пойти на дно из-за нас?

- У них есть запасные баки с горючим, - сказал Поллак.

- Продолжайте, дурите себе головы, пока есть время, - съязвил Лаухс. - Отчего вы не пьете? С брюхом полным шнапса помирать легче.

- Я терпел от него все! - заорал Поллак. - Теперь хочу набить ему морду!

Лаухс расхохотался. Громко и нагло. Его глаза уже остекленели. Он избавился от страха смерти на несколько часов при помощи выпивки. На некоторое время Лаухс застраховался от беспокойства и тревоги. Он ощущал тепло, почти жар. Другие ошалело болтали о самолетах и подводных лодках, пытаясь утопить в словах ужасную правду. Они ему завидовали: способности пить в такой момент и вообще.

- Меня сейчас стошнит, - пожаловался Мессмер. Позеленев, он вскочил и побежал к переборке.

– Не забудь хорошенько прицелиться! – крикнул Лаухс.

Все сразу умолкли. Смотрели друг на друга. Каждый замечал беспокойный, воспаленный, взволнованный взгляд другого. Видел, как у того дрожат руки. Слушал гул моторов. И успевал подумать о многом: о себе, доме, жене, отпуске, смерти, болезни, бегстве, подлодках, самолетах, снарядах, море, гибели корабля, своих детях и консервированных ананасах. Неожиданно все стали смотреть на новые часы Линка. Разговоры прекратились. Молчание превратилось в муку, агонию, отчаяние. Страх смерти блуждал по бледным, небритым, измученным лицам.

Каждый ждал, надеялся, размышлял по поводу пьяной болтовни старшего матроса Лаухса. Но он, сохраняя выдержку, теперь молчал. Страх смерти его отрезвил. Немецкая храбрость обратилась в морскую болезнь.

Далеко за полночь тишину нарушил голос их громкоговорителя. Он зачитывал послание высшего военного руководителя Германии – человека, вовлекшего экипаж «Бисмарка», нацию и весь мир в разрушительную войну.

«Благодарю вас от имени всего германского народа. Вся Германия с вами. Все, что в ваших силах, должно быть сделано. Впечатляющий пример выполнения вами своего долга укрепит нашу нацию в жизненно важной битве. Адольф Гитлер».

Послание фюрера прозвучало два раза.

– Итак, теперь вам все ясно, – резюмировал Пфайфер.

– Хайль Гитлер! – воскликнул Хенгст.

Снова воцарилось молчание. Зловещее молчание. Гробовое молчание. Каждый имел возможность предаться собственным мыслям о смерти...

Между тем британский флот действовал в соответствии с намеченным планом. Пилоты, презревшие смерть ради торпедной атаки, посадили машины на палубу «Арк Роял» с пустыми баками и доложили, что после их атаки «Бисмарк» совершил два полных круга и остановился в положении, когда нос корабля был обращен на север.

В 12.59 рокового 27 мая 1941 года адмирал сэра Джон Тови узнал о кардинальном изменении обстановки.

Теперь, за несколько часов до решающего сражения, он обратился к экипажу флагмана «Кинг Джордж V» со следующими словами:

– Потопление «Бисмарка» окажет, видимо, влияние на ход войны, превосходящее эффект от гибели одного линкора противника. Да поможет вам Господь и дарует вам победу.

Операция началась под покровом ночи.

Сэр Джон направлялся на юго-запад. «Бисмарк», перемещаясь самотеком по дуге, шел ему навстречу. Отряд кораблей Н, входивший в состав Средиземноморского флота под командованием сэра Джеймса Сомервила, получил приказ занять позицию на дистанции не менее 20 морских миль к югу от немецкого флагмана. В случае необходимости торпедоносцы с «Арк Роял», который входил в эту эскадру, могли вступить в бой на заключительной стадии сражения, когда бы позволила дистанция. «Риноун» получил от адмирала Тови приказ не ввязываться в сражение, чтобы его не приняли за «Бисмарк». Тот считал, что «Кинг Джордж V» и «Родней» справятся с противником сами.

В 12.00 тяжелый крейсер «Дорсершир» под командованием капитана Мартина еще более усилил британский флот. Он сопровождал конвой судов и узнал о местонахождении «Бисмарка», когда находился

примерно в 600 морских милях к западу от мыса Финистерре. Капитан Мартин оставил конвой, следовавший прежним курсом, а сам полным ходом направился к «Бисмарку», невзирая на дефицит топлива.

Темень сгущалась. Звезды скрывались за плотным слоем облаков. Судьба отсрочила развязку драмы до зари.

Но даже в ранний час 27 мая 1941 года, когда первые лучи света пронзили холодный утренний туман, чтобы возвестить о начале дня, отмеченного беспрецедентным кровопролитием в истории германского флота, начавшееся сражение напоминало те, что уже происходили ранее...

Капитан Вьян командовал эскадрой смерти или славы – пятью британскими эсминцами, которые поспешили сквозь кромешную тьму холодной ночи, чтобы атаковать самый совершенный линкор в мире. Пять быстроходных кораблей против одного, но более мощного. Пять Давидов против одного Голиафа. Пять экипажей, презревших смерть, против одного, обреченного на гибель. Сквозь бесконечную, дышащую ледяной стужей ночь. Раз за разом. Торпеда за торпедой. Залп за залпом. Парализованный гигант вел огонь из всех орудий ради последней победы перед окончательной гибелью...

Находясь на мостике «Казака», капитан Вьян отдавал приказы четко, хладнокровно и сосредоточенно. Он прославился на весь мир в начале 1940 года атакой на «Альтмарк». В ночь с 16 на 17 февраля его корабль вошел в территориальные воды Норвегии, высадил группу на борт немецкого транспортного судна и освободил британских военнопленных, которых оно перевозило. После этой

операции Вьян стал героем флотилии британских эсминцев.

Сейчас Вьян ни от кого не получал приказов, а действовал сам без малейшего сомнения. Проявляя отвагу и максимальную осторожность, он вывел эсминцы «Казак», «Сикх», «Маори», «Зулу» и «Пиорун» на линию огня «Бисмарка», рулевое управление которого вышло из строя, но 380-миллиметровые орудия которого все еще вели прицельный огонь...

Занять позиции для атаки! Вне досягаемости огня «Бисмарка» «Маори», «Сикх», «Пиорун» и «Зулу» образовали широкий квадрат вокруг германского флагмана. «Казак» заходил с кормы.

– Боевые позиции заняты, – доложили капитану Вьяну в 23.24.

Торпедная атака должна была последовать одновременно с пяти точек. Операция по учебнику.

Но волнующееся море мало интересовало уроки, преподаваемые в морских колледжах. Ветер, волны, плохая видимость и несовершенное навигационное оборудование рассредоточили флотилию до атаки на противника.

«Казак» двинулся вперед на полном ходу. Он резал носом волны.

– Зарядить торпеды! Подойти ближе! – следовали команды одна за другой.

Линкор значительно крупнее эсминца. Его контуры должны обозначиться в ночной тьме раньше. Всего несколько секунд пройдет между обнаружением противника и тем, как он заметит торпеды эсминцев, которые устремятся к цели со скоростью 80 километров в час.

«Где же этот чертов „Бисмарк“, где он поджидает нас, куда направит свои орудия и когда обрушит огненный смерч?» Эти и многие другие вопросы не давали покоя британским морякам.

Секунды превращались в пытки. У членов экипажа «Казака» пересохло во рту. Пища не переваривалась. Белье прилипло к телу. Мысли глохли. Только чувства, эта призрачная смесь страха и надежды, не могли выключиться.

Руки сжимали рычаги и ручки механизмов, слух обострился в ожидании приказаний, которые могли прозвучать в любой миг из переговорной трубы.

Раздался грохот.

Невозможно! Игра воображения!

Но это было наяву. Огромные фонтаны воды выросли рядом с «Казаком» на траверзе. Совсем близко.

Било корабельное орудие.

Звук удара.

Осколками снаряда уничтожена радиоантенна.

– Развернуться! – заорал капитан Вьян. – Зигзагами! За линию огня! Назад! Перестроиться!

Им снова удалось уйти. Еще раз. Но ночь не кончилась. Отнюдь. Будет ли это их последняя ночь? Черт, конечно нет, не может быть.

– Что случилось? – поинтересовался капитан Вьян. – Как «Бисмарк» обнаружил нас, прежде чем мы вышли на дистанцию видимости?

Этому, по мнению капитана, было только одно объяснение. Противник вел огонь, используя радар. «Бисмарк» стал первым германским кораблем, орудия которого наводились по показаниям этого прибора.

Шансов у эсминцев практически не было. Чтобы навести на цель свои торпеды, им пришлось бы войти в зону, простреливавшуюся линкором. Это невозможно!

Сие означало отступление.

Только не для капитана Вьяна...

Через несколько минут попал под огонь «Бисмарка» эсминец «Зулу». После одного залпа снаряды разорвались у левого и правого бортов. После второго – еще ближе. Трое раненых. Офицер и двое матросов.

«Зулу» развернулся и ушел, но на время выпустил «Бисмарк» из виду, обнаружив лишь через полчаса.

В зону досягаемости орудий «Бисмарка» попал «Маори». «Сикху» тоже пришлось повернуть, не предприняв торпедной атаки. На тридцать минут все эсминцы упустили из виду «Бисмарк». Более того, они утратили связь друг с другом. Случайно «Казак» обнаружил «Зулу» и «Пиоруна».

В любом случае капитан Вьян больше не мог рассчитывать на скоординированную атаку. Он приказал своим кораблям атаковать германский линкор самостоятельно. Пока «Бисмарк» вел огонь по одному из эсминцев, другие, не теряя времени, сокращали с ним дистанцию. Время от времени капитан Вьян возобновлял свои дерзкие атаки.

Так продолжалось всю ночь.

Был ли у эсминцев шанс? Не безумие ли бросаться под уничтожающий орудийный огонь, выходя на дистанцию торпедной атаки. Раньше утра не суждено было узнать, кому из пятерых удалось выжить во время самоубийственных атак...

Тревожный звон рынды рассеял унылое ожидание на борту «Бисмарка». Уже? Матросы смотрели друг на друга. Неужели с экзекуцией они не могли дождаться утра? Неужели они уже подошли со своими сокрушительно превосходящими силами?

Нет. Это были только эсминцы, авангард сил противника. Смешно! Эсминцы против линкора! Торпеды против бортов из сплава хрома, никеля и стали!

Время потеряло смысл. Была ли это вторая или третья атака британцев? Осветительный снаряд описал траекторию над «Бисмарком», проделав дыру в черной пелене ночи и излучая свет на окружающую обстановку.

Две торпеды устремились в сторону линкора, но прошли перед его носом.

Проклятый руль! Колосс передвигался тяжело, неохотно. Усталое он повернулось левым бортом, подставляя его для атаки невидимого противника.

После этого вновь установилась тишина. Совершенно неожиданная. Снова подавленность, страх и ужас. Затем пустые разговоры. Снова молчание.

Британские корабли исчезли в ночи и не вернутся до утра. На «Бисмарке» никто не подозревал, что ночное сражение еще далеко от завершения.

Капитану 3-го ранга Шнайдеру, командовавшему артиллерией «Бисмарка», приказали явиться к адмиралу Лютенсу. В последние сорок восемь часов адмирал не покидал мостика. Он был бледен и имел нездоровый вид. Как всегда, говорил ледяным тоном, бесстрастно, короткими рублеными фразами, словно «Бисмарк» был на маневрах, а не боролся за выживание.

Был ли адмирал невосприимчив к страху смерти? Была ли его приверженность абстрактным традициям морской службы сильнее, чем ужас гибели? Его военный мундир сильнее естественных чувств инстинкта самосохранения? Основного вопроса: кому это выгодно? Приходило ли ему в голову, что он и экипаж корабля умирали, чтобы защитить политическую систему, которую большинство немецких морских офицеров внутренне отвергали?

– Капитан 3-го ранга Шнайдер явился, герр адмирал, – отрапортовал офицер.

Адмирал выпрямился. Он говорил отрывисто и жестко:

– Фюрер наградил вас Рыцарским крестом за потопление «Худа»... Поздравляю вас.

– Благодарю, герр адмирал. – Рукопожатие, поворот кругом, и капитан 3-го ранга Шнайдер покинул мостик.

Через минуту экипажу сообщили по громкой связи, что офицера «Бисмарка» наградили высокой наградой рейха...

Лишь на пять часов. Но об этом никто не вспоминал.

«Искренние поздравления», – с горечью подумал капитан-лейтенант Нобис Вернер. Он находился еще с двумя офицерами в штурманской рубке. Строго говоря, их вахта утратила всякий смысл. Могли ли они прокладывать курс кораблю, потерявшему управляемость? Теперь «Бисмарк» полностью был во власти стихии.

Мысли тоже жили своей жизнью. В эти часы каждый член экипажа линкора находился во власти воспоминаний.

Нобис думал о Дайне.

У каждого, находящегося на борту корабля, где-нибудь была своя Дайна...

Дайна мирно спала со счастливой улыбкой на лице. Она так сложила руки, словно желала выразить благодарность. Ее хорошенькое юное лицо было румяным, свежим и прекрасным. В комнате после ночи, казалось, сохранялся обмен любовными нежностями. Высказанными и невысказанными словами. Пожеланиями, возражениями, надеждами. Радостями...

Со стороны моря в комнату проник прохладный утренний ветерок. На горизонте зарождался новый день. Оporto еще спал. Вдали, в порту, собирались первые рабочие.

Уходить или остаться? Война или мир? Погибать или любить?

«Что касается гибели, то это вздор, – подумал Нобис, немецкий лейтенант, находившийся в бегах из португальского лагеря для интернированных лиц, – погибают лишь невезучие, а я не из таких».

Вести мирную жизнь так хорошо и приятно. Но покоя быть не может, пока идет война, когда в нее

вовлечен твой народ. Остаться в городе было бы великолепно, так здорово, что не выразить словами. Но можно ли так поступить?

Разве война позволит это? Не наступит ли день, когда станет стыдно перед родителями, братьями, друзьями, перед самим собой, перед всеми теми, кто пережил этот ад, преодолел его и вышел победителем?

А если они потерпят поражение?

Проиграют? Чушь! Достаточно почитать газеты, даже прессу нейтральной страны.

Нобис смотрел на Дайну. Боже, молил он, разбуди ее, сейчас самое время. Тогда все образуется, не будет сомнений, позывов совести или того, что Нобис принимал за нее. Нельзя будет оторваться от этих глаз, рук... любви. Ему пришлось бы здесь остаться. Альтернативы этому не было. К черту войну! Выигрыш или проигрыш, победа или поражение. Какое это имеет значение? Он свой долг выполнил. Его катер был уничтожен, разнесен бомбой на кусочки. Погибшие члены экипажа уже нашли успокоение в пучине волн, освободившись от ужасов войны.

Он всматривался в Дайну. Она в любую минуту могла проснуться. Спящие часто пробуждаются, когда на них пристально смотрят. Ну!

Нет. Она продолжала спать. Возможно, ей снилась их будущая совместная жизнь, которую они вновь и вновь обсуждали в прошедшие часы. Часы, когда он лгал и все же надеялся, что поступает правильно...

Нельзя уходить, терзал себя Нобис. Не сейчас. Не сегодня. Может, завтра. Война не будет ждать ни дня. Но сможет ли он уйти завтра? Или вообще когда-нибудь, если проведет еще день с Дайной?

Она все еще спала, повернувшись так, что Нобис мог рассмотреть ее лицо еще лучше. Ему стоило лишь протянуть руку, чтобы она проснулась. Девушка спросила бы, что случилось. Он обнял бы ее, поцеловал,

и мучивший призрак расставания и войны исчез бы навсегда. «Для нас обоих, – подумал Нобис. – Для нас, привилегированных детей войны».

День неуклонно приближался. На востоке робко выглянуло солнце. Все должно произойти сейчас. Сейчас или никогда.

Нобис выбрался из постели. Раздался глухой звук. Последняя надежда. И она растаяла. Дайна спала.

Нобис остановился у двери. Боже праведный, ведь он может разбудить ее! Возможно, она сейчас тянется к нему. Шепчет в полудреме нежные слова.

«Я напишу ей письмо, – успокаивал себя Нобис. – Объясню все. В любом случае сейчас я не мог бы добиться от нее понимания. Кроме того, разговора не получилось бы, когда она на меня смотрит. Разве смогли бы слова перевесить ее взгляд?»

На секунду он почувствовал себя словно завязанным в узел. Ощутил почти физическую боль. Ушел не оглядываясь. Выйдя из дома, шел как во сне, в порыве окончательно созревшей, дьявольской решимости. Он бежал, испытывая боль и стыд.

Первое время он бежал, ничего не видя перед собой, бежал туда, куда вела дорога, не задумываясь, куда направляется, просто вперед. Вперед – значит назад в Германию.

Затем ему почудилось, будто он видит ее, слышит родной голос.

– Ты останешься со мной?

– Да.

– Ты счастлив?

– Да.

– Значит, все хорошо?

– Очень...

Должно быть, она уже проснулась, обнаружила, что его нет. Теперь, видимо, рыдает, проклиняет, ненавидит возлюбленного. А он ее любит!

Нобис остановился и успокоился. Случайно оказалось, что он бежал в правильном направлении. На восток. Теперь ему следовало выйти к испанской границе. Его подвез грузовик. Он ехал в кабине с водителем. Видимо, его не торопились задерживать. В этой стране вообще все делается без спешки. И почему португальцы должны беспокоиться о его возвращении в Германию? Почему они должны стараться, разыскивая интернированного беглеца? Он не первый и, конечно, не последний. И из «левого» лагеря для интернированных лиц бежавших было не меньше, чем из «правого» для англичан, как, впрочем, и из лагеря для немцев.

Водитель грузовика аппетитно ел сосиску с хлебом. Должно быть, Нобис слишком пристально смотрел на него. Он с улыбкой разломил хлеб надвое и передал половину попутчику. Вскоре грузовик доехал до места назначения. Далее Нобис шел пешком. Был подобран другой попуткой. Вновь прошел некоторое расстояние. Два дня пользовался милостью, терпением и добротой людей. Ведь ни один из них не поинтересовался, кто он такой. Видимо, им не было до него никакого дела. Люди не могли не обратить внимание на его подозрительный вид. Нетрудно было распознать в нем иностранца.

Недалеко от границы Нобис расположился на отдых без всякого представления о том, как преодолеть ее незаметно. Но интуиция его не подвела. Он оказался в Испании. Тоже нейтральной стране. Но ее нейтралитет отличался от португальского. В одном из городов он просто навел справки о нахождении любой немецкой семьи. Сообщил соотечественникам о своем побеге и без колебаний взял у них деньги.

Так он добрался до Мадрида и явился в посольство Германии. Сначала к нему отнеслись с подозрением. Видимо, приняли за какого-то агента. Пришлось подождать несколько дней, пока о нем наводили

справки в Германии. Выяснив личность обратившегося, сотрудники посольства стали дружелюбнее. Он получил все, что просил, – паспорт и билет на поезд в Германию.

На родине ему оказали теплый прием. Встречающие похлопывали по плечу. Нобиса наградили и повысили в звании. Предоставили шестинедельный отпуск. Все это время он находился в маленьком городке в Силезии. «Но ведь я выполнил свой долг», – простодушно хвастал он про себя. Однако по ночам, когда Нобис вспоминал о Дайне, его нахлынувшая гордость оборачивалась горечью.

Затем его снова призвали на флот, позволили самому выбрать место службы. «Каждый моряк, тонувший на маленькой посудине, желает только одного: служить на большом корабле, на возможно большем, – „Бисмарке“».

Учеба. Переподготовка позади. Назначение на «Бисмарк». Испытания корабля на Балтике. Затем «Бисмарк» вышел в свой первый поход из бухты Готенхафен.

«Прошла лишь неделя с тех пор, как мы покинули базу, – думал Нобис, – разве это много?» Теперь он тупо сидел за столом в штурманской рубке, ожидая конца. Что произошло в Португалии? Погибают только неудачники.

И теперь он, капитан-лейтенант Вернер Нобис, стал одним из них.

Увидит ли он Дайну? Хоть раз? Лишь для того, чтобы объяснить, просто рассказать ей, как он сожалел о своем решении, принятом тем утром?

Залп 380-миллиметровых орудий прервал его размышления.

В этом ответ?

Британские эсминцы снова пошли в атаку. Дьявольский котел стал вновь закипать...

Пять кораблей, повинаясь приказам, предприняли под покровом ночи новую атаку на «Бисмарк». Их обнаружили радары германского флагмана. С холодной решимостью «Казак», «Сикх», «Пиорун», «Маори» и «Зулу» обрушили на неуправляемый германский корабль стремительные и жалящие, как стрелы, боезаряды. Метили одновременно, в тщательно спланированном беспорядке, с левого и правого бортов, с носа и кормы – со всех сторон.

«Зулу» располагался к неприятелю ближе всех. Командир Грэхэм, заходя с кормы, намеревался атаковать «Бисмарк» с правого борта. Пока все шло по плану. Дистанция 6000 метров. Из двигателей выжимали максимум. Вздываясь и раскачиваясь, эсминец пробивался сквозь высокие волны.

Для того чтобы сорвать эту атаку, «Бисмарк» должен открыть огонь немедленно! «Должно быть, он уже давно обнаружил их. Куда делись вспышки из жерл 380-миллиметровых орудий, волна, осколки? Почему им позволяют сближаться? Это искушение судьбы, черт возьми!»

Пять тысяч метров, 4800, 4600... Где остальные? «Сикх», «Маори», «Казак» и «Пиорун»? Почему они атакуют с другой стороны и атакуют ли вообще?

– Торпедные аппараты товсь!

«Надо подойти как можно ближе, – подумал командир Грэхэм. – В интересах безопасности следовало бы идти зигзагами, но кратчайший путь к противнику – напрямую». Он уже давно находился в зоне досягаемости огня «Бисмарка», но чем ближе он будет к флагману, тем точнее лягут в цель его торпеды. Он будет сближаться с линкором до тех пор, пока тот не сделает залп первым. Тогда он выпустит торпеды с короткими интервалами: первую, вторую, третью, четвертую – и повернет назад.

У «Зулу» больше не было радара. Часом раньше он был уничтожен снарядом «Бисмарка», выпущенным с расстояния 7000 метров. Один убит, двое ранены. На промежуточной палубе, под мостиком, лежало одеяло, завязанное в узел, который осторожно обходили члены экипажа. В нем находилось тело унтер-офицера Кингсли.

Сколько человек повторят его судьбу и сколько времени понадобится эсминцу на продолжение этой безумной атаки? Удастся ли «Зулу» сделать залп первым? Что, эти немцы, уснули? Ради бога, стреляйте!

Дистанция 4500 метров. Осветительный снаряд, выпущенный эсминцем, разорвал темноту близ «Бисмарка», осветив призрачную сцену.

– Сэр, – доложил командир торпедного отделения, – необходимая дистанция. Цель взята.

– Повремените, – распорядился командир корабля. – Не ослабляйте внимания. Дождемся первого залпа противника. Осталось недолго.

В этот момент «Бисмарк» напомнил о себе. Из жерл его орудий полыхнули вспышки. В ночном небе прокатился гул. К эсминцу с воем понеслись тяжелые снаряды. Накрывающий залп.

– Торпеды выпущены, – доложил британский офицер.

«Зулу» резко повернул назад. Сильно кренгуя, корабль старался уйти от огня. Через палубу перекачивались буруны. Снаряды ложились у левого и правого бортов, у носа и кормы.

«Как долго они смогут нас преследовать? Неужели не оставят в покое? Им надо экономить боеприпасы! Где остальные? Почему не атакуют? А как обстоят дела с нашими торпедами? Неужели напрасны все наши переживания и старания?» Эти и другие переживания не оставляли матросов и офицеров линкора.

«Видимо, промах», – записал в вахтенном журнале командир корабля Грэхэм.

У него оставались еще две торпеды. Чтобы они попали в цель, ему нужно вновь выдвинуться на удобную для атаки позицию.

«Бисмарк» прекратил огонь. Грэхэм снова повернул корабль в направлении противника, немного замедлил ход, словно давая передышку экипажу и двигателям. Может, другие эсминцы будут более удачливыми. Сам «Зулу» ничего не добился, но сохранил себя.

Что произойдет дальше?

Снова загрохотали выстрелы. Теперь немцы вели огонь по другому британскому эсминцу. Вдруг произошла ослепительная вспышка. Галлюцинация? Или удачное попадание в «Бисмарк»?

А может, в один из эсминцев?

Часы показывали 3.00, по всем признакам ночь не собиралась уступать свои права. Пока она не поглотит день, пять эсминцев – или их осталось уже четыре? – должны продолжать атаки на «Бисмарк». Внезапное, смелое, почти самоубийственное решение капитана Вьяна, который только что подошел к германскому флагману возможно ближе, энергично поддержал сэр Джон Тови, командующий британским флотом.

Утром выдвижение британцев к месту последнего и решающего сражения прекратится. До этого момента эсминцы не должны давать «Бисмарку» передышки. Они не должны отрываться от германского флагмана, а обязаны продолжать атаки и, когда израсходуют последнюю торпеду, обозначить место нахождения «Бисмарка» осветительными снарядами. Канонада от выстрелов не стихала...

Подавленность, страх, ужас, преследовавшие членов экипажа «Бисмарка», постепенно проходили. Теперь ими овладел фатализм. Ему на смену пришел

оптимизм. Почти внезапно. Матросы слышали то, что хотели, они верили тому, что им говорили, и смеялись над недавними мрачными мыслями. Сигареты снова доставляли удовольствие. Никто больше не воспринимал всерьез приказ не курить.

Из общей массы выделились отдельные личности, еще несколько минут назад большинству совершенно неизвестные. Они увлекали остальных своим хладнокровием, отвагой и уверенностью. Такие люди имелись во всех службах корабля, среди всех категорий моряков. Они быстро находили единомышленников, союзников, подражателей. Изменить судьбу было невозможно, но подготовиться как следует к встрече судьбы оказалось вполне по силам. Во всяком случае, пока...

Во время передышек в сражении из радиорубки транслировалась музыка. Матросы с недоумением смотрели на громкоговоритель.

– Почему так приятно плыть по Рейну? – спрашивал баритон.

В ответ раздавался смех, и пластинка умолкала.

– Атака эсминца противника отбита.

Томми перестарались. Должно быть, они спятили.

Хо, старина «Бисмарк» еще жив и ведет огонь.

Новая тревога. Эсминцы.

Пусть атакуют! Радар отслеживает каждый их маневр. Торпедную атаку разрешаем! Пусть подойдут поближе. Нет никакого риска. Если даже торпеды попадут в корабль, защищенный бронированными плитами, то не нанесут ему вреда. Единственный уязвимый механизм, рулевое устройство, уже выведен из строя.

Капитан Шнайдер, командир корабельной артиллерии, полтора часа назад награжденный Рыцарским крестом, получил приказ действовать по своему усмотрению.

Выбрать подходящий момент. Беречь боеприпасы. Залпом вести огонь реже, но прицельнее. Впереди эсминец. Дистанция около 3 морских миль. В любой момент он может оказаться на нужной дистанции. Ничего нельзя разглядеть. Но радар «видит» лучше человеческого глаза. Великолепное изобретение!

Дистанция 2600 метров, 2400 метров...

Так! Первый залп. Прямо по цели. Противник это заметил.

Торпеды ушли к цели.

Как способен неприятель вести прицельный огонь при таком волнении моря? И на такой дистанции? Торпеды прошли мимо на большом расстоянии.

Эсминец повернул назад. Новый залп. Пожалуй, достаточно.

Выпущенные осветительные снаряды сделали видимым окружающее пространство.

Теперь к флагману устремился второй эсминец. Сколько их у англичан дожидаются своего часа в засаде? Кто мог ответить на эти вопросы в ночном хаосе?

Выстрел – удар. Выстрел – еще один.

Зарево во весь горизонт. Всего лишь на несколько секунд. Попадание? Взрыв? Положим, это не может причинить вреда. Через несколько секунд громкоговоритель объявил:

– Вражеский эсминец, видимо, уничтожен.

Это укрепило боевой дух. Кто из 2402 моряков флагмана, проживавших последние часы своей жизни, знал, что возникшее зарево обмануло и противника? Что на борту «Зулу» подумали о прямом попадании в «Бисмарк», прокричав троекратное «ура»? На борту эсминца также считали, что укрепление боевого духа не мешает экипажу.

Командир Грэхэм объявил по корабельному радио:

– «Бисмарк», видимо, получил прямое попадание.

В результате прозвучали два ложных сообщения – одно немецкое, другое английское. Они обнадежили обе стороны. Надежда, как известно, интернациональна. Она «доспехи» воина, какую бы форму он ни носил.

Эсминцы исчезли. Они повернули назад. Британские корабли вели огонь с короткой дистанции, затем – с более дальней, но мимо цели. Сообщили, что «Бисмарк» подбит, но поторопились. Примерно в 3.30 в поединке наступила пауза. Эсминцы готовились к новой атаке.

Между тем в радиорубке «Бисмарка» проигрывали музыкальные пластинки, моряки курили, беседовали и писали письма. Молниеносно распространился слух о продолжающихся ремонтных работах по восстановлению рулевого управления и сохранности винтов.

Это вселяло надежду на спасение.

Информация по поводу усилий, предпринимавшихся по выходе из кольца превосходящих сил противника, не опровергалась. Капитан Линдеман решил лгать до последнего.

– Внимание! Внимание! – слышалось объявление. – Шестьдесят шесть «Юнкерсов-88» только что поднялись в воздух с аэродромов в Западной Франции, чтобы атаковать британские корабли.

– Ты слышал? – спросил Пфайфер Лаухса. – Ты это слышал? Что я тебе говорил? Наша авиация не оставит нас в беде. Я однажды видел такое в Северном море. Бомбами – шарах, и корабля нет.

– Это почетный караул для твоей женитьбы по доверенности, – произнес Лаухс, поворачиваясь к Линку. – Они знают, что им делать.

– А если они нас не найдут? – спросил Поллак. – Или промажут по целям?

– Не бойся, парень, – успокоил его Лаухс. – Сегодня прекрасная погода для купания, хорошая температура

воды, отличные волны... Черт, кто вылакал мою выпивку?

Мессмер снова стал жевать ананасы. Третью банку. Последнюю в своей жизни...

– Эх, – произнес он, – сейчас вокруг моего дома цветет сирень.

– Ну и что?

– Вокруг моего дома тоже, – вступил в разговор Хенгст.

– Намалюй это на стене, – расхохотался Лаухс, – и закончи духами. На этот раз я собираюсь добиться успеха, – продолжил он. – Я сделаю это в отпуске. Помните, я говорил о рыжеволосой сучке Аннеми? Я ходил за ней два года. И почти добился своего. Но вот появился какой-то вшивый сержант-танкист. Сейчас же его нет. Удача сама идет в руки. В этот раз Аннеми не уйдет.

– Если кто-нибудь вновь не овладеет ею.

– Я был бы дураком, если бы позволил это.

– Ты и так дурак, – съязвил Пфайфер. – Но не переживай, есть еще глупее.

– Эх, твое счастье, что я в хорошем настроении.

Разговор продолжался в том же духе. Следующие двадцать минут прошли быстро. Слова преобладали над мыслями. Язык часто быстрее работает, чем голова, по крайней мере, в течение тех часов, что отделяют от гибели.

Люди умирают в книгах и кинофильмах. Можно встретить смерть в постели. Но это произойдет не скоро. Люди могут умереть, когда им семьдесят или восемьдесят лет, нередко и позднее. В тепле и комфорте, как и должно быть. Это не так плохо и однажды случится. Но произойдет через сорок, пятьдесят лет. И хочется прожить эти годы в мире и достатке. Поработать какое-то время, преуспеть в жизни, занять детей и порадоваться их успехам.

Построить дом, посадить сад и ухаживать за ним. Неплохо обзавестись автомобилем. И на нем съездить в отпуск на юг.

Вино, женщины, песни, спагетти! Должна же эта проклятая война когда-то кончиться.

Офицеры, конечно, знали, в каком отчаянном, безнадежном положении находится «Бисмарк». Но они старались укрепить оптимизм у подчиненных. Например, главный инженер, капитан 3-го ранга Леман, которого экипаж с теплотой прозвал Папашей, выглядел воплощением спокойствия. Совершая обходы своих «владений», он курил сигару, а возвращаясь к себе, передавал ее посыльному. Старшему технику Шпрингборну из 10-го полудивизиона.

– Подержи немного.

Минут через десять он возвращался. Посыльный возвращал ему сигару, которая к тому времени гасла.

– Парень, ты с ума сошел? Сигара стоит семьдесят пфеннигов. Как можно допустить, чтобы она погасла!

Офицер раскуривал новую сигару. Для проверки ему нужно было зайти в машинное отделение. Он снова передал сигару Шпрингборну.

Посыльный остановился у люка, затягиваясь сигарой. За этим занятием его застал унтер-офицер.

– Разве тебе неизвестно, что курить запрещается?

– Я это делаю по указанию главного инженера. Можете спросить у него.

Через какое-то время капитан 3-го ранга возвратился. Шпрингборн отдал ему сигару, уменьшившуюся в несколько раз.

Леман рассмеялся:

– Ты способный ученик, парень.

Это называется работа с подчиненными...

Как раз в то время, в 3.50 того фатального дня 27 мая 1941 года, к командиру прибыли два молодых офицера, лейтенант Рихтер и младший лейтенант фон Райзах.

- Что вам угодно, господа? – спросил Линдеман.
- Попытки починить рулевое устройство прекращены?
- Вы знаете, что это так.
- Нам хотелось бы попытаться еще раз. Мы прошли обучение водолазному делу. Хотим освободить руль снизу путем подрыва.
- Как вы рассчитываете погрузиться под воду при таком волнении моря?
- Стоит попытаться, герр командир.
- Какая от этого будет польза, по вашему мнению?
- Попытки освободить руль путем подрыва заряда, размещенного над ним, не удалась. Остается единственный шанс – сделать это снизу.
- Вы ведь хорошо понимаете, что не сможете при таких погодных условиях спуститься под воду.
- Герр командир, – продолжил лейтенант Рихтер, – возможно, водолазу удастся выполнить задачу, если он не будет думать о возвращении на поверхность. Это было бы сделано очень быстро – нырок, подсоединение заряда и включение взрывателя одновременно.

Каждый из троих думал об одном, пережив до этого часы отчаянных попыток. Каждый знал, что творилось вокруг рулевого управления и что корабль едва не зарывался в волны, как лили топливное масло в море, чтобы успокоить его, как опускали под воду людей в тяжелом снаряжении только для того, чтобы их, не добравшихся до цели, вытащить на несколько секунд наверх без сознания. Водолазные работы невозможны в таком беспокойном море. Кроме того, один из винтов, видимо, тоже поврежден. Если бы даже удалось путем подрыва освободить деформированный руль, не было

никакой гарантии, что кораблем удалось бы управлять с помощью винтов.

Командир понимал, что происходило в умах этих офицеров. Они хотели спуститься под воду, привязав к себе груз и зная, что никогда не вернутся назад. Офицеры рассчитывали прикрепить к себе под водой заряд и взорваться вместе с ним.

– Такую жертву не могу принять, – сказал командир Линдеман, нарушив молчание. – Считаю это бессмысленным. Все возможное уже сделано.

– Но не то, что мы предлагаем, – возразил Рихтер.

– Смелость делает вам честь, – ответил Линдеман. – Но она еще понадобится вам несколько позднее.

– Лучше погибнем мы, чем весь корабль.

– Не теряйте голову, Рихтер. Зачем бессмысленная жертва? Если бы был хоть один шанс... Поверьте, в новой попытке нет никакого смысла. Однако я вам признателен.

«Это мои люди, – думал Линдеман. – Моя школа. Они готовы умереть за других. Знания, которые получили в штабном колледже, применили на практике на „Бисмарке“».

Командир выглядел бледным и утомленным. Но был само спокойствие и сдержанность. Его уверенность, пренебрежение к смерти передавались подчиненным, пропитывали все отсеки. «Боже мой, – думал он, – такие люди должны умереть!»

Затем снова начались атаки эсминцев.

В каждом отсеке корабля жажда жизни боролась со страхом смерти. До момента гибели на линкоре предпринимались отчаянные попытки спастись. Теперь, когда колосс оказался в беспомощном состоянии, проявились со всей очевидностью точность расчетов и великолепие конструкции корабля.

Из-за почти не прекращавшихся атак эсминцев переборки на всю ночь были закрыты. В котельных

находиться стало просто невозможно. Матросы в кожаных спецовках работали в невероятной жаре и отказывались уходить с вахты. Их одного за другим выносили без сознания, но через несколько минут, как только приходили в себя, матросы возвращались на вахту, стремясь выжать из двигателей все возможное. Последние переключались сразу с команды «полный вперед» на «полный назад». Передний клапан запирался не раньше, чем открывался задний. Поразительно, что машины выдерживали такие нагрузки.

Люди, работавшие в машинном отделении, держали между потрескавшимися губами дольки лимона. Ткань спецовок до крови раздирала их потную кожу. Матросы из последних сил преодолевали изнеможение, жару, духоту, нервное напряжение, смерть.

Внезапно на контрольный пункт машинного отделения поступил доклад, что одна из турбин вышла из строя.

– Сделайте все возможное, – последовал приказ.

– Умрите, но восстановите! – кричал главный механик.

Открытым оставили лишь один клапан, чтобы сосредоточить нагрузку на лопастях только одной стороны турбины. И это при большом давлении пара и высокой температуре, при наглухо закрытых предохранительных клапанах! Больше пара, больше!

Наконец, образовалось необходимое давление на второй клапан – 30, 60, 90, 200 атмосфер.

Охваченные ужасом матросы следили за опасным экспериментом, за проведение которого в обычных условиях главного инженера отдали бы под трибунал.

Затем двигатель ожил. Без негативных последствий, даже лопасти не деформировались. Подлинный триумф германского кораблестроения... Слишком поздно. Ровно через десять часов, когда

корабль уходил под воду, разбитый артиллерийским огнем, турбины продолжали работать.

Последние часы перед сражением переживались тяжелее всего людьми, не задействованными на боевых постах, – коридорными, слонявшимися теперь с повязками Красного Креста на предплечьях, другими представителями обслуживающего персонала, а также летчиками, портными и сапожниками.

Одним из таких членов экипажа корабля был капитан-лейтенант Нобис, которого отлучила от обязанностей торпеда, повредившая рулевое управление «Бисмарка». Он взглянул на карту... и отметил место, где германский флагман будет перехвачен и потоплен. Крохотная темно-синяя точка от химического карандаша, походящая на знак препинания в конце предложения. Но в данном случае она свидетельствовала об окончании значительно большего.

Только бы поскорее прошли оставшиеся часы. Только бы избавиться от переживаний и ненужных воспоминаний. Страх неминуемого конца так долго томил Нобиса, что он перестал его ощущать. Он привык к нему и надеялся, что в последний час поведет себя достойно. Примет смерть, как подобает мужчине, офицеру. Он не должен оказаться слабее тех, чью судьбу разделит...

Сколько времени прошло с тех пор, как его почитали дома в Силезии героем, и сколько осталось, прежде чем он действительно будет им? Он стал ходячей рекламой, после того как в местных газетах о нем вышли напыщенные статьи. Его фото даже выставляли на «коричневом» сборище! Но среди этих людей он не чувствовал себя в собственной тарелке. Но это лишь вопрос ощущений. Он почти не думал об этом. Политика его не интересовала. Ни тогда, ни тем более

сейчас, когда находится на краю гибели... Ради чего? Сейчас уже слишком поздно...

О Дайне он ни с кем не делился. Отец однажды удивился, когда Нобис разглядывал ее фотографию.

– Кто это? – спросил старик.

– Девушка. – Он собирался убрать снимок, но отец взял его в руки и стал разглядывать.

– Девушка хорошенькая... где она живет?

– В Португалии.

– Подумать только, – произнес отец. – Расскажи мне о ней.

– Мне нечего сказать.

– Ты любишь ее?

Молодой офицер рассердился.

– Да, люблю, – сказал с чувством, – черт бы меня побрал.

Вечером отец продолжил разговор. Он отложил газету.

– Одного не могу понять, сынок, – неожиданно начал он, – почему ты не с ней?

– Разве это возможно?

– Следует знать, чего хочешь... Я старше тебя. Может, ты прав. Но может, и я... Я – твой отец. Отцы эгоистичны в таких вещах. Достаточно того, что мой старший сын погиб в Польше.

– Здесь между нами недопонимание, – возразил Вернер Нобис. – Я приехал именно потому, что Ганс погиб в Польше.

– Лучше бы ты не приезжал до окончания войны, – сказал отец, завершая разговор.

До чего же отец был прав! Вскоре он останется совсем один. Он, конечно, вспомнит этот разговор. И будет расстроен гораздо дольше, чем сын, у которого он продержится в памяти считанные часы.

Дайна! Боже, как она была близка. Она стояла перед ним на расстоянии вытянутой руки. До чего же

ясно он слышал то, что она сказала ему сразу после первой встречи.

– Ненавижу войну, – звучал ее голос. – Она убивает лучших людей. С обеих сторон. Ради самодовольных ничтожеств. Мы могли бы искупаться или сыграть в теннис. Разве вам не хочется этого?

– Хочется, конечно.

– Можете ли вы себе представить что-нибудь более приятное, чем война?

– Мне не нравится война. Я просто выполняю свой долг.

– Странный какой-то долг, – произнесла она с укором, – убивать других людей и погибнуть самому. Слава богу, я не имею к этому никакого отношения. Возможно, вы однажды измените свое мнение. Возможно, когда-то наступит день, когда вы предпочтете своему долгу что-нибудь более стоящее. Например, женщину.

– Я уже на волосок от этого, – сказал Нобис. Это прозвучало довольно глупо и легкомысленно.

Теперь Нобис не стал бы так говорить. Но он ничего и не скажет. Все кончено.

Ушло безвозвратно. Погребено. Отброшено. Если бы он мог сказать ей хотя бы раз, что сожалеет обо всем. Что в другой раз поступил бы иначе. Но этого не будет.

Рассвело. Англичане ясно представляли себе сложившуюся обстановку. Эсминцы все еще отвлекали внимание «Бисмарка». Они уже давно израсходовали свои торпеды. Последним сблизился с противником «Казак», которым командовал Вьян. То, что его корабль снова не накрыл огонь 380-миллиметровых орудий линкора, выглядело почти чудом. В сумерках Вьян расположил свои эсминцы вокруг «Бисмарка» так, что они напоминали большой квадрат. Они вышли из ночного боя невредимыми, если не считать попадания в

«Зулу». Немцы наблюдали гигантский всполох пламени, которому до сих пор не было объяснения.

Самолеты на палубе «Арк Роял» готовились к атакам на неприятеля. Со стороны кормы британского флагмана «Кинг Джордж V» располагался «Родней». Ему приказали следовать прежде всего за флагманом. Не очень удачное боевое построение британских кораблей во время сражения с «Худом» привело к трагедии. Адмирал Тови знал о местоположении «Бисмарка» лишь приблизительно. Но ему повезло. В 8.15 «Норфолк», пересекавший оперативную зону, в 8 морских милях обнаружил линкор, который он принял за «Роднея». В последний момент разобрались, что это был «Бисмарк», с которым «Норфолк» сближался со скоростью 20 узлов. Британский корабль внезапно взял обратный курс, чтобы доложить адмиралу Тови о маршруте, которым следовал «Бисмарк». Тот пошел на сближение с германским флагманом, продвинувшись на те же 8 миль. Теперь следовало подождать.

Пока все складывалось неплохо. Но адмирала беспокоил дефицит топлива. Если «Бисмарк» не уничтожат самое позднее до середины дня, Тови придется выйти из боя. Иначе его корабль не сможет вернуться на базу. В создавшейся обстановке, за пять часов до намеченного срока, не было уверенности в том, что все британские корабли могли продержаться столько времени. А вдруг над местом сражения появятся германские самолеты! Существует вероятность, что подойдут германские подводные лодки! Вдруг британским кораблям придется маневрировать на предельной скорости и увеличить расход топлива в несколько раз! Оставался один выход – навязать «Бисмарку» сражение и уничтожить его как можно скорее.

Незадолго до решающего штурма противника адмирал Лютенс решил доставить схему

гидродинамического лага «Бисмарка» во Францию при помощи корабельной авиации. Три из пяти «Арадо-196», находившиеся на флагмане, оставались в рабочем состоянии. Остальные получили повреждения в результате взрыва торпеды противника.

Летчики вновь и вновь обращались к командованию разрешить им участвовать в боевых действиях. Но адмирал Лютьенс настаивал на том, чтобы «Арадо» пока оставили в резерве. Он считал, что у немецких машин не было никаких шансов в условиях численного превосходства со стороны британцев. Адмирал хотел сохранить самолеты для выполнения более важных задач.

И вот поступил приказ подготовить три боееспособных самолета для полета. Экипажам приказали прибыть к старшему помощнику командира корабля.

– Мы замедлим ход. Схема будет находиться в первой машине. Всего хорошего, – инструктировал он экипажи.

Капитан Фридрих и унтер-офицер Шнивинд, одетые в летные костюмы с меховой оторочкой, наблюдали за подготовкой катапульты к работе. Условия для взлета были неблагоприятными.

Было еще темно. Пока можно было не опасаться истребителей противника. К летчикам со всех сторон спешили матросы и передавали записки и письма – горькие, написанные плохо читаемым почерком послания родным и близким.

– Все готово, – доложил механик.

– Крысы бегут с тонущего корабля, – проворчал старшина.

– Закрой пасть, – загудели окружающие. – Думаешь, они прорвутся?

– Во всяком случае, у них больше шансов, чем у нас. В следующей войне я хотел бы служить в люфтваффе...

Пока все хорошо, они режутся в карты, когда же становится жарко, убегают.

Матросы на верхней палубе зачарованно следили за тем, как капитан Фридрих и унтер-офицер Шнивинд усаживаются в машину. Они не отрывали взглядов от железной птицы, готовившейся подняться в небо. Многие из них мечтали ухватиться за самолет. Каждый мечтал выбраться из плавучей ловушки, корабля, обреченного на гибель. Стоя на палубе, они вдруг почувствовали себя одинокими и брошенными, хотя последовать за летчиками собирались максимум шесть человек.

Если бы все шло в соответствии с планом...

Завращался винт, двигатель разогревался. Через мгновение первый самолет оторвется от палубы. Капитан, сжимавший штурвал, кивнул. Механик, обслуживающий катапульту, заметил сигнал.

Вот-вот первый «Арадо» будет вытолкнут с палубы за счет сжатого воздуха...

Капитан Фридрих избавился от чувства оцепенения. Он кожей ощущал обжигающие взгляды тех, кто остается на корабле. На мгновение ему стало неловко из-за того, что он использует шанс на спасение. Офицер сидел в кабине, в своей родной стихии, в такой знакомой обстановке.

Пилот подал топливо в двигатель, который завыл, оживая. Винты набрали такие обороты, что экипажу пришлось пристегнуться на своих местах.

Сняты тормоза. Проверен хвостовой стабилизатор. Рулевое управление. Брошен привычный взгляд на измерительные приборы: счетчики оборотов, количества и давления топлива, высотомер, электросчетчики.

Все в норме.

Теперь прочь с проклятого корабля. Курс на родной аэродром. Через несколько часов все это останется в

прошлом, от которого будет отделять три сотни миль. Эти проклятые несколько дней, свинцовой тяжестью давившие на его нервы.

Экипажам самолетов нечего было делать. Абсолютно нечего. Им оставалось только ждать. Ждать приказа на взлет, который никогда не поступит. Они находились в постоянной боевой готовности. День и ночь в летной экипировке, вынужденные находиться на верхней палубе, когда над головой со свистом проносились снаряды, звучала воздушная тревога, когда члены экипажа корабля занимали свои места согласно боевому расчету. Летчики были «экскурсантами» на линкоре, над которыми смеялись и одновременно завидовали. Они вынуждены были играть в карты, когда другие воевали.

Это невыносимо.

Им приходилось беспомощно наблюдать, как жалкие «Свордфиши» торпедировали «Бисмарк», как над немецким флагманом безнаказанно кружили самолеты-корректировщики. Что за судьба у пилота люфтваффе, командированного на корабль!

Два дня назад капитан Фридрих обратился к командиру корабля:

- Прошу разрешить взлет.
- Для чего, Фридрих?
- Сбить «Каталину» будет нетрудно.
- Прилетит другая.
- И ее собью.

Линдеман улыбнулся.

- Это не так легко, - сказал он с теплотой в голосе. - Потребуется двадцать минут, чтобы вы поднялись в воздух. Придется сбавить скорость... Понимаете, что это значит? И какая гарантия, что вас не собьют?.. Придет и ваша очередь, капитан.

- Я был летчиком-истребителем.

– Знаю, – сказал командир. – Ценю это и помню о вас, капитан.

Только вернувшись к товарищам, Фридрих вспомнил, что хотел сказать командиру корабля. Черт побери, что такое «Каталина» и «Свордфиш»! Он сбил четыре «Спитфайра» над Францией! Получил Железный крест, когда большая часть его эскадрильи не вернулась. Что такое «Каталина» в сравнении со «Спитфайром»!

Им снова приходилось ждать, томиться на корабле. Вынужденное бездействие медленно опустошало их души.

Капитан был энергичным молодым офицером, соответствовавшим духу времени. Он, как говорят, родился в рубашке. Фридрих был единственным сыном директора банка, который, учитывая школьные оценки своего отпрыска, нанял ему частного учителя. Так мальчик перешел в следующий класс. Стал лучшим среди соучеников боксером, пловцом и гимнастом. Выбился в лидеры нацистской молодежной организации – участвовал в спортивных состязаниях, ночевал в палатке, по вечерам сидел у костра, распевая патриотические песни и ведя споры с юношеским пылом.

Затем пришло увлечение планеризмом. Он быстро научился использовать воздушные потоки. Легко выдержал экзамены и получил сертификаты А, В и С. Он носил эмблему в виде белых крыльев на голубом фоне с такой же гордостью, с какой ветераны Первой мировой войны надевали свои Железные кресты.

Наконец был получен сертификат об окончании летной школы. Ему вновь, если так можно сказать, повезло, так как разразилась война, а она никому не давала снисхождения. Его призвали в люфтваффе. Сбил два самолета, находясь в невысоком звании. Досрочно стал капитаном. На свое двадцатилетие сбил четвертый

самолет противника. Совершил посадку на горящем самолете, сумел выбраться из-под его обломков невредимым. В госпитале его подлечили. Получил отпуск для реабилитации.

Затем уладил отношения с Ортруд. Они жили по соседству, вместе играли, пока не посчитал игру с девочкой чем-то унижительным. Когда они встретились вновь, Ортруд только что закончила школу. Он обрушил на нее такой напор, не давая опомниться, что она не устояла. Молодые люди нетерпеливы, особенно во время войны. Они соединились прежде, чем были помолвлены. Собирались оформить свои отношения позднее, когда будет свободное время, – может быть, дня через два, если ничего не случится. Черт возьми, почему что-то должно было случиться?

Капитан Фридрих держал руки на штурвале и думал об Ортруд. Надо быть внимательным при взлете! Нельзя ошибиться! Вздор, он, конечно, не разобьется.

Ему нужно было преодолеть 650 километров. Дальность же полета «Арадо» 1200 километров. Все готово. Наконец отмашка команде катапульты. Дроссель открыт. Рычаг установлен в нужное положение...

– Проклятье, что случилось?

Катапульта отказала. Экипажу необходимо покинуть машину.

– У, дьявол, – выругался унтер-офицер Шнивинд.

Фридрих заглушил мотор и вместе с напарником выбрался из самолета.

– Не надо волноваться, – успокоил механик. – Оказались поврежденными патрубки для подачи сжатого воздуха. Скоро мы устраним неполадку.

Капитан Фридрих кивнул. Черт, почему они не заметили этого раньше? – подумал он с горечью. Но нельзя давать волю чувствам. Еще одна сигарета. Обмолвился несколькими фразами с экипажами двух

самолетов, ожидавших своей очереди на взлет. Еще несколько записок родственникам. Опять мрачные шутки тех, кому приходилось оставаться на корабле.

– Готово! – крикнул механик.

Фридрих и Шнивинд заняли места в самолете. Открыли дроссель, опустили рычаг катапульты.

Вновь неудача.

Еще одна попытка.

Тщетно.

– Покиньте машину, – распорядился офицер-инженер. – Вы не сможете взлететь. Направляющие рельсы повреждены. Должно быть, последствия взрыва торпеды.

– Что это значит?

– Ничего нельзя сделать.

Фридрих весь напрягся. Никто не должен видеть, что он сейчас чувствует. Не подавать виду. И следить за тембром голоса.

– Ну, – бодро обратился он к Шнивинду, чтобы услышали окружающие, – теперь мы настоящие отпускники. Пойдем купаться.

– Отлично, я умею плавать, – подыграл товарищу унтер-офицер.

Вернувшись на палубу, Фридрих швырнул на рундук кипу записок и писем. Вот так, подумал он.

Молодым офицером овладело ужасное безразличие. Он вдруг почувствовал, что все потеряло смысл, словно наблюдал за собственной судьбой в театральный бинокль из оперной ложи. Страх улетучился, Фридрихом постепенно овладело чувство полного равнодушия. Оно накрыло, будто плотным саваном, все его мысли и надежды, в целом судьбу.

«Итак, нам не удастся выполнить роль почтальонов». Капитан авиации Фридрих взял одну из записок, лежавших перед ним, и прочел:

«Дорогие родители!

В этот час, может быть последний в моей жизни, я думаю о вас, я с вами, я обнимаю вас. Возможно, мы снова встретимся и со смехом бросим это письмо в огонь. Но если случится худшее, перенесите это, пожалуйста, с таким же мужеством, с каким должен переносить это я. Теперь, в этот час, я хочу верить, что мы встретимся после смерти. Я верю в это. Всего хорошего.

Ваш Эрих».

– Словно поминовение на траурном венке, – прокомментировал неожиданно капитан.

– Похороны будут по первому разряду, – откликнулся унтер-офицер Шнивинд.

– Да, – произнес Фридрих, закулив сигарету. Он следил, не дрожит ли его рука. – Я не думал, что погибну так примитивно.

– У вас, по крайней мере, нет жены и детей, – сказал Шнивинд.

«У меня есть Ортруд, – подумал капитан, – да и родители. У кого их нет и кто о них не думает?»

Через несколько часов капитан Фридрих показал пример того, как следует сохранять присутствие духа, находясь за шаг до гибели. Офицер стоял на верхней палубе в том самом месте, откуда должен был взлететь его самолет.

К этому моменту от линкора «Бисмарк» почти ничего не осталось. Его надстройки перестали существовать, был выпущен последний снаряд. Сотни людей погибли. Раненые пытались добраться до лазарета, который был переполнен. И вообще весь корабль превратился в один большой лазарет.

Адмирал погиб. Катер, спасательные шлюпки и плоты уничтожены. Спасательные жилеты оказались непригодны. Куда ни глянь, везде кровь, трупы, фрагменты человеческих тел. Отовсюду звучали хрипы, стоны, мольбы о спасении.

Огромные волны били в борта корабля. Теперь каждый сам за себя! Но была ли у кого-нибудь из них хоть малейшая надежда на спасение?

Под впечатлением от пережитого несколько матросов прыгнули за борт. Волны тут же разбили их о борт корабля. Где-то там находился противник. На время он прекратил огонь. Между британскими эсминцами и «Бисмарком» дрейфовали масляные пятна.

– Нам придется барахтаться в этом, – констатировал Шнивинд.

– Масло закупорит поры кожи, и мы задохнемся. К черту все это! К черту этот проклятый флот! Я знал, что все закончится скверно. Я не покину корабль.

– Как вы намерены поступить?

Молодой человек, один из миллионов, которых война поглотила, переварила и выплюнула, принял решение. Он стоял на своем месте спокойный и бледный. Фридрих уже видел подобный сюжет в кинофильмах и обсуждал с друзьями полученные впечатления у костра в молодежном лагере. Он верил в это и переполнялся энтузиазмом. Сейчас последний отсутствовал.

Все решил один выстрел.

Он выхватил револьвер. Унтер-офицер попытался выбить оружие из рук капитана.

– Назад! – закричал Фридрих. Он приставил дуло револьвера к виску.

Что это, безумие, полнейшая глупость?

– Да здравствует фюрер и Великая Германия! – крикнул Фридрих.

Затем хлопнул выстрел...

Еще одна смерть на «Бисмарке», которые уже давно перестали считать. Героика смерти обесценилась. Еще три летчика последовали примеру своего капитана. Только они приняли смерть молча...

Должно было пройти еще пять часов, прежде чем капитан Фридрих и его соратники встретили смерть. Пока же было только пять утра, и предстоял еще длинный день. Сумрак сохранялся. 27 мая рассвет едва пробивался сквозь плотную завесу черных туч.

В это время адмирал сэр Джон Тови изменил свое решение на рассвете навязать «Бисмарку» бой. Учитывая плохую видимость и острый дефицит топлива, он подождал еще два часа. Он считал, что в темноте увеличится риск принять один из британских кораблей за противника.

На британский флагман «Кинг Джордж V» непрерывно поступала информация с эсминцев. Экипажи этих кораблей провели всю ночь на своих местах согласно боевому расчету. Затем им разрешили отдыхать по очереди. Теперь, перед решающим боем, матросов пичкали таблетками бензедрина и воодушевляли бодрими речами. Слухи распространялись скорее, чем официальные сообщения по радио, которые не позволяли забыть о тяжелых потерях, понесенных «Бисмарком».

Силуэты кораблей «Кинг Джордж V» и «Родней» временами выступали из темноты, и мощные орудия главного калибра возвышались над линией горизонта. Медленно, бесконечно медленно дневной свет пробивался сквозь мрак по мере того, как стрелки часов двигались по кругу. Капелланы на кораблях читали проповеди. Матросы писали письма, шутили, рассказывали разные истории, мечтали о будущем, разливали чай, на этот раз с небольшой порцией рома и

двойной нормой сахара. Страх улетучивался, а уверенность в победе крепла.

Спускаясь по трапу с адмиральского мостика, один из офицеров заметил несколько крыс, разбегавшихся в разные стороны. Он подавил нахлынувший страх и промолчал. Моряки суеверны...

«Свордфиши» с «Арк Роял» взлетали почти вертикально. Им предстояло атаковать «Бисмарк». Очередную торпедную атаку с воздуха отсрочили. Сражение удобней вести при дневном свете.

Время от времени матросы «Бисмарка» прислушивались, не летят ли долгожданные пикирующие бомбардировщики «Юнкерсы-88». Им уже давно следовало появиться и начать спасительные атаки, нарушив боевые порядки превосходящих сил противника.

Матросы один за другим расставались с последней надеждой, вновь цеплялись за нее, затем отступали, ругались, молились, молчали, прислушивались, писали, шептались, грозили. Они следили за временем, когда ожидалось появление немецких подводных лодок, думали о доме, курили, терзались страхом.

– Эй, приятель, – обратился старший матрос Лаухс к сослуживцу Пфайферу, – что случилось с твоими «Штуками»?

– Парни, должно быть, еще сидят в фонарях... Спроси у Хенгста, он всегда все знает.

– Рано или поздно они взлетят, – вмешался Линк.

– Скорее адмирал пробежит вокруг палубы нагишом, чем эти самолеты поднимутся в воздух.

– Отличная идея, – зарокотал Мессмер, – посоветуй ему сойти с ума.

– Не тешьте себя иллюзиями, парни. Игра закончена, – сказал Лаухс.

В этот момент он стоял и прислушивался к гудению воображаемого самолета.

– Зря прислушиваешься, – сказал Поллак. – Это гудит Мессмер.

– Заткнись, – огрызнулся тот.

– Как далеко отсюда Франция? – поинтересовался Линк.

– С дополнительными баками горючего сюда долететь можно.

– Тогда наши прилетят, – заключил Линк.

– Когда будет слишком поздно... Эти парни из люфтваффе любят комфорт, – заметил Лаухс. – Эта погода не для них.

– Послушай, закрой свою пасть! – перешел на крик Поллак. – Вы доведете друг друга до сумасшествия. Если не можете держать себя в руках, то хотя бы скрывайте это.

– Хотя бы несколько подлодок подошло!

Внезапно весь корабль вздрогнул.

Разговор прервала песня – о судьбе «Бисмарка».

«Вернись».

В песне разом отразилось все то, на что каждый в душе надеялся. Все смотрели на громкоговоритель.

Каждый представлял, что увидит семью, близких, друзей, успокоит их. Офицеры и матросы вдруг почувствовали, что они не одиноки. Лишь два дня назад диктор сказал в заключение концерта по заявкам:

«Сейчас мы выполним заявку, которая исходит от всей немецкой нации, заявку отважного экипажа „Бисмарка“ – „Вернись“».

В этот момент каждый испытал трепет.

Но сколько всего произошло между тем днем и этим, между упоением победой, вызванным потоплением «Худа», и предвидением собственной трагедии!

«Вернись», песня, которую играли сегодня и в любой другой день в кафе, слова которой звучали на немецком, французском и итальянском языках, мелодию которой напевали любящие пары и под которую школьники учились танцевать фокстрот.

Эта мелодия музыкального квартала избавила весь корабль, 2402 судьбы, от страха смерти, поддержала отчаявшихся людей и бросила соломинку, за которую они цеплялись в последние часы, когда уже не на что было надеяться. словно невидимая рука возвращала иглу мембраны к началу пластинки, которая продолжала играть, пока не ушла под воду вместе с кораблем...

Вернись ко мне,
Я жду тебя,
С тех пор как увидел тебя впервые,
Ты стала для меня всем.

Матросы слушали отреченно, самозабвенно, зачарованно. Они шептали слова песни, словно молитву, которая спасет их.

Как бы ни был
Долог путь,
Он приведет нас обоих
К радости.
Поэтому слушай мою песню,
Вернись ко мне.

Надстройки корабля сносились, орудийные башни развалились на части, палубы горели, топливные баки взрывались, приказы поступали один за другим, моряки

умирали сотнями – но пластинка продолжала крутиться. Моряки шли на гибель, слушая песню...

В 7.00 с «Бисмарка» ушла последняя радиограмма: «Пришлите подводную лодку, чтобы сохранить схему гидродинамического лага. Командующий эскадрой».

«Бисмарк» взял курс прямо на врага.

Его радар уже давно обнаружил корабли неприятеля. Но из-за невозможности маневрирования флагман уступил инициативу англичанам. Он вынужден был ждать, пока противник выберет выгодную позицию для стрельбы. Прозвучала последняя команда: «Все по местам!»

В это время дня родственники моряков вынимали дома из почтовых ящиков газеты, читали их с последней страницы до первой, так как списки погибших считались наиболее важным материалом, проглатывали малоаппетитный завтрак и старались увидеть почтальона до того, как станут в очередь за получением продуктов по продовольственным карточкам. Дети в это время обычно находились в школе. По радио передавали последние новости с Крита. Передовицы все еще пестрели сообщениями о победе «Бисмарка» над «Худом». Поэтому семьи 2402 моряков с «Бисмарка» считали, что их мужья и сыновья все еще воюют.

Двумя днями ранее жена старшего матроса Поллака родила мальчика. Были некоторые сложности, но теперь мать и младенец чувствовали себя хорошо.

Мать младшего лейтенанта Петерса писала письмо.

Фрау Бюргер только что узнала, что ее сыну на корабле сделали операцию по удалению аппендикса. Последнее письмо сына, написанное в Бергене, дошло до нее только теперь.

Эльза Биркен готовилась к свадьбе по доверенности. Церемонию назначили на 10.00. Она оделась в матроску, сшитую из припасенной ткани, и выглядела очень мило. В отделе регистрации кресло рядом с ней символизировало отсутствовавшего жениха. Ей пришлось самой себе надеть обручальное кольцо. Предстояла всего лишь непродолжительная церемония, но от волнения девушка уже была готова к ней за два с половиной часа. Администрация оружейного завода предоставила ей дневной отпуск. В отдел регистрации с ней пошел отец.

Родственники моряков «Бисмарка» находились по всей Германии. Они надеялись на лучшее до последнего. Многие обладали даром не терять присутствия духа в самых трудных условиях. Другие думали о своих сыновьях и мужьях день и ночь. Они разделяли судьбу миллионов – всей нации, которая ждала писем с фронта.

Мучилась ожиданием и девушка, которая не имела родственников на «Бисмарке» и вообще ничего не знала о нем.

Девушка из Португалии – Дайна, которая принадлежала капитан-лейтенанту Вернеру Нобису и одновременно была свободна от обязательств.

В то утро, когда Дайна проснулась в Опорто, когда ее глаза искали Вернера, она сразу поняла, что он ушел, что он сбежал от нее, от их любви, от своего счастья, чтобы вернуться на войну. Она не могла этого принять. Негодование распирало ее. Девушка замкнулась в себе. И продолжала любить...

Дайна была сильной и волевой девушкой. Чем больше она убеждала себя в том, что ненавидит немецкого лейтенанта, тем дороже он ей казался. Девушка осознала бессилие своей ненависти перед властью его любви. Наконец, она поняла, что сердита

гораздо больше на себя, чем на Вернера. Она была в смятении. Когда все складывается так непросто, любая девушка обычно обращается за советом к матери.

Мать выслушала Дайну не перебивая. Она не обрушилась на нас с упреками, но от этого было не легче.

– И что теперь? – поинтересовалась наконец мать.

– Не знаю.

Мать не отводила от дочери сочувствующий взгляд. Дайне вовсе не хотелось плакать. Она выглядела молодой, свежей и хорошенькой, как обычно. Она знала, как скрывать свои переживания.

– Прежде всего ты должна решить, на самом ли деле любишь его.

– Люблю.

– А он?

– Он тоже меня любит.

– Тогда я не понимаю, почему он так поступил.

Дайна лишь пожала плечами. Она начинала кое-что понимать, еще не осознавая этого. Согласиться. Но, несмотря на все это, она была поражена, иногда человека характеризует с лучшей стороны и, казалось бы, глупый поступок.

– Откуда ты знаешь, что он любит тебя? – спрашивала мать.

– Чувство не обманывает.

– Нельзя полагаться только на чувства.

Теперь Дайна говорила чуть громче и с напором в голосе, но к этому примешивалась некоторая робость.

– Чему же тогда верить, если не прислушиваться к собственным чувствам?

«Боже, – думала мать, – что ей сказать, как помочь? Как ее угораздило полюбить этого немца?» Особых предубеждений против этой нации у матери Дайны не было. Все, что она знала о немцах, это то, что они

производят хорошую технику и развязывают жестокие войны.

– Сколько это будет длиться? – поинтересовалась мать.

– Не знаю, – ответила Дайна. – Знаю только, что это должно продолжаться. Боюсь только, что он не решится вернуться, даже если сможет, так как считает, что я возненавидела его после бегства.

– Если любит, вернется, – успокоила ее мать. Она понимала, что выдает желаемое за действительное, но знала также, что в данный момент больше ничего не может сделать для дочери.

Прошли недели и месяцы. Мать и дочь больше никогда не говорили о лейтенанте Вернере Нобисе. Но Дайна постоянно думала о нем. При помощи своих друзей она связалась с германским консульством в Лиссабоне, пытаясь разузнать о возлюбленном. Там вежливо обещали помочь, но предупредили, что это длительная процедура. Дайна понимала, что Вернер мог добраться в Германию только через Испанию. Поэтому также обратилась к испанским властям с аналогичной просьбой. Но те не смогли или не захотели сообщить ей интересующую информацию.

Долгое время Дайна ничего не знала о Нобисе. Она постоянно думала о нем и продолжала надеяться. Полная веры, тревоги, обиды и любви.

Через много лет она узнала, что возлюбленный служил на германском флагмане «Бисмарк».

В 8.43 британские корабли на дистанции 12 морских миль разглядели серые контуры линкора.

– Вижу «Бисмарк», – доложил впередсмотрящий.

Адмирал сэр Джон Тови немедленно дал команду на открытие огня. У него был конкретный план. Экипажи британских кораблей заняли свои места согласно боевому расписанию. Через несколько минут прогремел

первый залп. Спустя еще несколько десятков секунд вступил в бой «Кинг Джордж V».

«Бисмарк» не отвечал.

– В чем дело? Почему он молчит? Что, его башенные орудия выведены из строя или, может, кончились боеприпасы? Возможно, он ждет, чтобы мы подошли поближе.

Сомнения продолжались каких-то пару минут. Затем прогремел ответный залп «Бисмарка».

– Время подлета снаряда пятьдесят пять секунд, – доложил британский артиллерийский офицер.

Раненый германский колосс огонь сосредоточил на «Роднее». Его первый залп оказался неудачным. Впрочем, как и второй. Третий – накрыл цель.

«Родней» повернулся к противнику левым бортом и задействовал всю огневую мощь. «Кинг Джордж V» продолжал движение на противника, ведя на ходу прицельный огонь из всех орудий носовых башен. И, судя по первым результатам, весьма эффективно. «Родней» уклонялся от вражеских снарядов, успешно маневрируя.

С северо-востока к месту боя спешил «Норфолк».

Море выглядело так, словно оно горело. Снаряды с шипением падали в воду. Уничтожающий огонь. Вспышки. Дым. Обломки. Свист осколков. Языки пламени. Взрывы.

Сплошной ад.

Англичане неумолимо продвигались вперед к противнику, чтобы нанести решающий удар...

Время пришло. Оставалось всего несколько секунд до того, как первые вражеские снаряды поразят флагман. Только сейчас адмирал Лютенс позволил открыть огонь. Если бы корабль мог маневрировать! Где же обещанная авиационная поддержка? Почему нет подводных лодок? Эти и многие другие вопросы не

давали покоя адмиралу. К сожалению, многократное численное превосходство противника одной отвагой не одолеть!

Теперь же «Бисмарк» зарывался в волны, став легкой мишенью для английских орудий. Боеприпасы и топливо заканчивались. Корабль отчаянно сопротивлялся.

Англичане стреляли чертовски точно. Их орудия били непрерывно, и снаряды, как правило, находили цели.

Попадание сначала в левый борт, затем в правый.

Опять в левый, и теперь в середину корабля.

Приступили к работе ремонтные бригады. Со всех сторон раздавались крики. Связь между различными службами корабля была потеряна. Поднимались клубы дыма. Надстройки обрушились.

Один из первых залпов противника поразил командирский мостик. Адмирал Лютенс погиб одним из первых.

– Черт бы побрал это командование, – успел сказать он несколькими секундами ранее.

Но сущий ад только начинался. Два часа смерть подбиралась к «Бисмарку» со всех сторон. Горящему, разрушающемуся на глазах, парализованному колоссу ничего не оставалось, кроме как пройти свой последний путь... к гибели.

Но эта отважная, но бессмысленная, трагическая смерть имела тысячи масок. Моряки погибали в носовой части, на корме, на мостике, на нижней палубе, в котельном отделении. Одна смерть не похожа на другую. Кто-то умирал медленно, кто-то мгновенно, ничего не почувствовав, но чаще смерть сопровождалась тяжелыми физическими муками.

Немногих она пощадила.

Возможно, судьба их уберегла для того, чтобы они предоставили самые ошеломляющие свидетельства

против войны...

От разрывов снарядов небо стало зеленовато-желтым. День превратился в ночь, и темноту разрывали яркие вспышки от выстрелов и разрывов снарядов.

В считанные секунды взрывы обозначили контуры ада, пока еще насыщенного биением сердец моряков, поглощавшего их поодиночке и группами. Только что они стояли на своих местах, сражаясь, матерясь, надеясь, отчаиваясь и молясь, но после очередного залпа их становилось все меньше.

Британские командоры пристрелялись. Каждый снаряд оказывался в цели, унося десятки человеческих жизней. «Бисмарк» отвечал все слабее. Замолчала башня А. Артиллеристы башни С вели огонь только из одного орудия. На верхней палубе, прозванной «площадью Гинденбурга», из-за трупов некуда было ступить. Надстройки вокруг основной мачты горели. Матросы, охваченные пламенем, зывали о помощи. Германский флагман на глазах приобретал жалкий вид.

Но экипаж продолжал сражаться. Командир корабля все еще оставался на мостике, отгороженный от подчиненных завесой огня, поддерживал с ними связь по радио. Его приказы все еще старались выполнять как можно быстрее. Дисциплина – единственное, что противостояло смерти и разрушениям. Отчаянная отвага все еще держала выживших моряков вместе. Еще стоящие на ногах, спотыкались о тела убитых и раненых товарищей, скользя по валяющимся всюду гильзам, и прибывали на пункт сбора за новым заданием.

Погиб первый номер орудийного расчета. Второй – тяжело ранен. Третий номер найти невозможно. Командира отделения больше нет в живых. Его расформировала сама смерть! Новые лица, приказы, взрывы...

В начале боя старший матрос Бруно Ржонка находился в составе ремонтной бригады вместе со старшиной Путшем и тремя матросами в 12-м отделении, что по правому борту. Первый снаряд разорвался у левого борта. Погибло пятеро матросов. Ядовитый дым от горящей резины и серы разъедал глаза и легкие. Ржонка забыл надеть противогаз.

– Оставайся у телефона сколько сможешь! – крикнул ему на ходу старшина Путш.

Новый взрыв.

Из всей бригады уцелел только старший матрос Ржонка. Прошло несколько ужасных минут, прежде чем он осознал случившееся. Откашливаясь, почти ничего не видя, он прижимал к уху телефонную трубку. Дребезжащий голос в ней умолк. «Зачем теперь здесь оставаться?» – мелькнула мысль. Он склонился над одним из погибших товарищей. Увидел обезображенное, обожженное лицо, не смог сдержать позыв к рвоте, потом побежал, но все же взял себя в руки, поспешил к другому борту и явился в 9-е отделение за новым заданием.

Сразу после этого группа радистов в панике промчалась через межпалубное помещение, остановилась у трапа, ведущего к люку, и стала взбираться наверх.

– Стойте! – закричал Ржонка. – Вы, должно быть, сошли с ума. Там еще опаснее.

– В нашей рубке пожар, – объяснил один из бегущих. – Мы не хотим сгореть заживо.

– На верхней палубе вы погибнете еще быстрее.

– Будь что будет! – крикнул в ответ матрос. – Лучше умереть видя, что происходит.

Неподалеку разорвался снаряд. Загорелась краска. В помещении распространилась нестерпимая вонь и жара.

Ржонка побежал вместе с радистами. Они достигли перевязочного пункта на корме. Охваченный ужасом, Ржонка замер на месте, пока его не привел в чувство военврач. Матросы, потерявшие руки и ноги, кричали и сильно стонали, выпрашивая воду, сигареты, морфий. Они просили, чтобы их вынесли на палубу. Старшина-санитар протянул Ржонке два небольших бинта. Он разорвал их и наклонился к раненому.

– Не отчаивайся, парень, – попытался успокоить он.

– Я и не думаю, – ответил матрос глухим голосом. – Не имеет смысла. Иди к другим. Мне скоро конец.

Ржонка боролся с тошнотой, страхом и брезгливостью. Выносить это он был уже не в силах. Ему нужно было скорее выбраться отсюда. Легче было корректировать огонь с артиллерийской палубы.

Новый взрыв. Видимо, снаряд большого калибра. Свет погас. Повсюду раздавались крики. Из пробоин хлынула вода, доходя уже до колена. Выжившие врачи и санитары продолжали работать в темноте. Справа и слева, впереди и сзади уже тонули раненые, издавая булькающие звуки. Они были недвижимы и не могли спастись.

Еще один взрыв. Паника. Все, кто мог передвигаться, покинули помещение медпункта. Ржонка бросился бежать к верхней палубе.

Что произойдет, если корабль взорвется? Десятки, сотни людей задавали себе этот вопрос. Около двух сотен матросов, которые, как и Ржонка, выжили, находились в межпалубном пространстве у лестницы, ведущей на верхнюю палубу, пытаясь открыть крышку люка.

Тут их привел в чувство резкий окрик офицера. Паника мгновенно утихла. Матросы встали один за другим, терпеливо ожидая своей очереди.

Крышку люка заклинило. Как, впрочем, и другие, деформированные взрывом. Пройти можно было не

дальше артиллерийской палубы. Моряки направлялись из носового кубрика. Кричали, бежали, толкались в кромешном аду. Они попытались пробраться через камбуз. Здесь тоже было все разорено. Ощущался запах алкоголя. Один матрос встал на колени перед лужей, образовавшейся от пролитого вина и спирта, и стал лкать, еще двое блевали. Здесь крышка люка поднялась на 5 сантиметров и в таком положении застопорилась.

Неожиданно кто-то заметил проход. Дневной свет? Его увидели еще десятки людей. Они ринулись вперед, устроили давку и заблокировали единственный путь к спасению. Те, кто были первыми, добрались до цели. В следующую секунду пол под их ногами провалился и они полетели в зияющую дыру глубиной в несколько ярдов. Прозвучали мольбы о помощи, крики умирающих.

Люка здесь не было. Он оказался иллюзией. Была дыра, зияющая в палубе и ведущая к складу хранения краски, которая сейчас горела. Напиравшие матросы ничего не видели и не слышали. Подобно тем, что шли впереди, они, не заметив опасности, падали вниз в смертельную бездну. В последний момент Ржонка что-то почувствовал. Он бросился на пол и, напрягая все силы, отполз от пылающей пропасти сантиметр за сантиметром. Напиравшие сзади спотыкались о него, как слепые. Старший матрос схватил одного из них за ногу. Тот с трудом вырвался и тут же рухнул в пламя. Ржонка орал во весь голос, подвергаясь ударам тяжелых морских ботинок. Но в этот момент голосили все.

Его тело утратило чувствительность. Через него перемахивало все больше и больше людей, падая вниз. В 2 метрах от бездны, затоптанный, оцепеневший от страха и не способный двигаться, старший матрос Ржонка тупо смотрел, как горят сослуживцы.

Наконец ему удалось подняться и спасти от гибели двух-трех матросов. Один из них приблизился к краю пролома и посмотрел вниз.

– Не надо, – предостерег его Ржонка.

– Им конец, – бесстрастно констатировал матрос. Его лицо позеленело, руки дрожали, глаза безумно блуждали.

«Мне следовало позволить затащить себя в дыру вместе со всеми, – подумал Ржонка, – тогда и со мной все было бы кончено».

Если бы не этот отвратительный страх, не дикое желание спастись, когда не остается никакой надежды.

Неужели нет ни единого шанса? Большинство членов экипажа корабля, оставшихся в живых, отчаянно гнали эту мысль. Пока в теле теплилась жизнь, сохранялась хоть мизерная, но надежда...

Старший матрос Ржонка, познавший вкус смерти во всех ее проявлениях, и не предполагал, что судьба убережет его, чтобы он свидетельствовал против этого массового убийства.

Пошатываясь, он с трудом шел вперед...

Британские корабли продвигались к изуродованному германскому флагману все ближе и ближе. Через двадцать минут, минувших с начала боя, «Кинг Джордж V» находился в 16 000 километров от «Бисмарка». Сэр Джон Тови двигался на юг, таким образом задействуя все имеющиеся орудия. «Родней», маневрируя, последовал его примеру. Два британских линкора находились в 3 километрах друг от друга. Далее включился в бой «Норфолк», спешивший с севера.

«Бисмарк» перенес огонь с «Роднея» на «Кинг Джордж V». Но он не отличался эффективностью. Одна из носовых орудийных башен была выведена из строя. В бинокль первый артиллерийский офицер «Роднея»

заметил прямое попадание в главный пост управления огнем, что размещался в носовой части. После чего огонь «Бисмарка» прекратился. Затишье продолжалось две-три минуты. Орудия германского линкора больше не могли вести прицельный огонь. Их снаряды падали в море, не причинив вреда целям.

Фактически англичанам мешал только ветер, который гнал облака дыма, из-за которых цель на некоторое время исчезла из поля зрения. Об этом позаботились радары...

Англичане получили подкрепление. С востока подошел крейсер «Дорсетшир» и сразу с дистанции 20 километров открыл огонь.

Британских моряков постоянно информировали по радио о ходе сражения. Каждое сообщение они встречали дружными возгласами «ура!». У противника не было надежды на спасение!

«Худ» был отмщен.

Огонь «Бисмарка» становился все более беспорядочным. Его крах мог наступить в любой момент. Теперь британские корабли, не опасаясь, могли приблизиться к неприятельскому флагману и атаковать своими торпедами плавучую развалину. Не имеет значения, сколько продолжался морской бой. Бой? Это была учебная стрельба по мишени! Пока «Бисмарк» не исчезнет навсегда в волнах.

Пройдет час, может, два, и бесчисленное количество радиопередатчиков разнесут по всему миру весть о победе...

Оптимизм распространялся как лесной пожар. Энтузиазм бил через край. Британские моряки обнимали друг друга в порыве радости, шутили, мечтали о том, что будут делать во время отпуска. Они вели себя точно так, как и молодые матросы противной стороны три дня назад, когда пошел ко дну «Худ».

Какое им было дело до противника? Кого вообще интересует его судьба? Девиз «Победа или смерть» актуален для любой воюющей стороны. В этот раз сильнее оказался британский флот. Его победа была неотвратима, как и смерть противника. Война имеет свои законы. «Предан родине до конца» – лозунг любого участника вооруженного противостояния. Но в конце концов смерть все равно соберет свой урожай.

Когда солдаты уходят на войну, то не ведают, победят или проиграют. Некая определенность заключается в том, что многим из них не суждено вернуться домой.

В этот раз горький жребий пал на немцев, матросов с «Бисмарка». Британские моряки предавались веселью и ликовали в связи с победой. Возможно, в течение следующих нескольких лет война предоставит многим из них возможность поразмышлять над случившимся. Но такие мысли, как правило, приходят в последний момент...

Пока горело море, освещая небо, рвались снаряды и погибали люди, всего в нескольких километрах от этого ада два моряка дрейфовали на резиновом плоту. От холодной воды их тела заоченели. Они цеплялись руками за кожаные петли. Жались друг к другу, обессилив и отчаявшись. Их несло море в неизвестном направлении. Возможно, к гибели...

Сначала они пытались разговаривать. Потом замолчали. Слишком часто через них перекачивались волны. Они глотали соленую воду и выплевывали ее только для того, чтобы в следующий момент хлебнуть в очередной раз.

Как долго им пришлось дрейфовать? Глаза ощущали жжение, соль пропитала их насквозь. Невероятное напряжение сделало их руки непослушными. Они были на пределе. Но держались усилием воли, хотя и

находились в близком к обмороку состоянии. Их поднимало вверх и с силой бросало вниз, обливало и било волнами. Их мучили миражи, холод, страх, а поддерживала надежда.

Эти два безвестных моряка совершили нечто удивительное и чудовищное. Поступок, наверное, не имевший прецедента в истории войны на море. Поэтому неудивительно, что военный трибунал Германии, обычно решительный, долго медлил с вынесением приговора.

Они бежали с «Бисмарка»...

Моряки оставили корабль, товарищей, свои обязанности столь необычным способом. Возможно, их побудили к такому поступку истощенные нервы. Или отчаяние. А может, всепоглощающая жажда жизни. Или просто подвернулся удобный случай.

Это случилось незадолго до начала сражения. Небо было таким же серым. Каждый предавался размышлениям, думая об одном. Два матроса стояли на верхней палубе и глядели в море. Они в десятый раз обсуждали то, что собирались сделать.

Только в последний момент перед прыжком они засомневались.

Сколько требуется смелости, чтобы поступить именно так.

Или действовать сию же минуту, или отказаться. Другого не дано. Похищенный плот надуется автоматически при касании о воду и будет готов к использованию. До нее было метров десять. Совсем не плохо. Надо постараться прыгнуть как можно дальше.

Возможно, матрос, сиганувший за борт на секунду раньше товарища, думал в это время о матери или жене. А может, и нет. Принимал он решение неосознанно, спасал ли жизнь, так как часами не мог думать ни о чем другом, кроме смерти?

Они перемахнули через борт, ухватились за петли и не отпускали. Течение быстро отнесло беглецов от «Бисмарка». Мог бы вахтенный заметить, как они покинули корабль? Доложил бы немедленно о бегстве командиру корабля? Как бы тот поступил? Расстреляли бы беглецов в воде? Сообщили бы о дезертирах на землю по радио? Преследовали бы дезертиров всю жизнь проклятия тех, кто остался умирать?

Ничего не случилось. Никто не заметил их исчезновения. Оно удалось – во всяком случае, на данный момент. Гигантские волны относили дезертиров все дальше от места приближающейся катастрофы. Они утратили чувство времени. Пока в отдалении грохотал inferнальный ритм выстрелов и взрывов, море казалось еще более бескрайним, злым и суровым. А страх, от которого они спасались, вырос еще больше.

Так продолжалось несколько часов. Когда один из них начинал засыпать, другой тормошил его криками: «Очнись! Во что бы то ни стало бодрствуй!»

Они пытались петь, но соленая вода немедленно заставляла их замолчать. Их глаза от усталости ввалились. Спасательные жилеты сдавливали горло. Беглецы оглядывали горизонт и видели корабли, которые оказывались всего лишь клубами тумана. Они видели землю. Слышали голоса. Но в тот же миг убеждались, что ошибались.

Боже, неужели это никогда не кончится? Наверное, это страшней, чем быть разорванным на куски снарядами?.. Утонуть подобно трусам – медленно, бесконечно медленно? Если бы они остались на корабле! Им хотелось орать. Матросы ненавидели и проклинали друг друга.

Их переполняла жалость. Жалость к себе. Затем им слышались голоса родных. Их хватка за петли ослабевала. Но они вновь хватались за них и держались так крепко, как могли. Тем не менее они чувствовали,

что силы тают. Если бы руки не были заняты, если бы их руки сохраняли силу, матросы бы сцепились в драке, бросая друг другу в лицо обвинения в трусости.

Помогло бы каким-либо образом это другим, если бы еще два человека утонули с кораблем? Изменила бы что-либо в судьбе «Бисмарка» гибель 2402 человек, а не 2400? Когда требуется больше отваги: когда берешь судьбу в свои руки и бросаешься в проклятое безграничное море или остаешься на борту корабля и ждешь смерти от огня или осколка снаряда?

Они задавали себе эти вопросы. Верили в свою правоту. Может, они были правы. Но что правда, а что ложь перед лицом смерти? Кто может знать это? Другие люди, которые не оказывались в подобной ситуации и им не приходилось испытать то, за что они ратовали? Дезертиры заглушили свою совесть. Они убеждали себя в том, что правы.

Но в тот самый момент их взгляды останавливались на свободных ручках плота. Они понимали, что рано или поздно их сослуживцы погибнут, потому что на корабле не было шансов на спасение...

Германское командование приказало нескольким подводным лодкам поспешить к месту боя и помочь «Бисмарку». Но субмарины, которые возвращались после выполнения заданий, израсходовали все торпеды и вынуждены были наблюдать со стороны, как их боевые товарищи боролись за спасение своей жизни.

Одна из этих подлодок подобрала дезертиров. У ее командира сразу же возникли подозрения, но он ничего не сказал. По прибытии подлодки на базу дезертиров арестовали и допросили. Они дали противоречивые показания. Время их не пощадило. Выяснилось, что они оставили «Бисмарк» до получения соответствующего приказа.

Этот вопрос подлежал рассмотрению военным трибуналом. Он судил двух выживших матросов с

«Бисмарка». Приговор неизвестен. Он остался военной тайной, раскрытие которой, даже по неосторожности, каралось смертью. Судьба настигла двух беглецов, которые попытались взять ее в собственные руки...

Несмотря на несколько случаев паники, в целом экипаж «Бисмарка» вел смертельную битву с впечатляющей организованностью. Под интенсивным огнем раненых уносили в укрытие. Оставшиеся в живых члены команд смертников пробивались в импровизированные пункты сбора по приказу или без него. Каждый бросался в бой, подносил боеприпасы, охлаждал раскаленные стволы орудий при помощи огнетушителей, спешил на помощь заблокированным товарищам, становился на место погибших.

Там, где гибли офицеры, молодые матросы, чьи претензии на лидерство подкреплялись только отвагой и решимостью, временно брали на себя командование. Обреченные на смерть, державшиеся вместе, окруженные смертью, под градом вражеских снарядов, моряки «Бисмарка» проявляли подлинное чувство товарищества, которое отличалось от ура-патриотизма, пропагандируемого в официальной прессе и партийными ораторами.

Из лазарета, находившегося в передней части корабля, капитан-лейтенант Вернер Нобис руководил группой санитаров-добровольцев. Огонь противника несколько ослаб.

– За мной! – крикнул он и бросился в люк.

За ним последовали шестеро матросов. Корабли противника подошли так близко, что их силуэты четко просматривались на горизонте. Нобис прошел недалеко. Рядом с батареями АА лежал молоденький младший лейтенант с бледным, перекошенным лицом.

– Петерс!

– Меня достали, герр капитан... Оторвали обе ноги.

– Я снесу тебя вниз.

– Не стоит, герр капитан... Я долго не протяну.

«Боже, что можно сделать, – думал Нобис, – как помочь?»

Недалеко от Петерса лежал другой раненый, который периодически вскрикивал и, вероятно, мог еще быть спасен.

– Сигарета есть? – спросил Петерс.

Нобис прикурил сигарету и вложил ее между губами младшего лейтенанта.

– Я знал, что меня достанут... Взгляните на это.

– Я вынесу тебя отсюда.

– Все кончится через минуту, – промычал Петерс. Его голос был настолько слаб, что Нобису приходилось нагибаться к нему, чтобы разобрать слова. – Вы выживете, герр капитан... Уверен в этом. Если кто-то... выберется отсюда... то это будете вы... Здесь все ужасно. – Он застонал и захныкал. Воспаленные глаза уставились в одну точку. – Передайте прощальный привет... матери, – пробормотал он. Его широко раскрытые глаза уже остекленели. Сигарета застряла в остывающих губах.

– Он мертв, герр капитан, – сказал матрос из ремонтной команды.

Несколько секунд капитан-лейтенант Нобис думал, что задохнется. Горло онемело, сжалось, рот пересох... Кружилась голова. Тошнило, кровавая карусель продолжала кружиться. Фрагменты тел, крики, стоны, рвущиеся снаряды, команды!

Среди всего этого прозвучал голос укора – голос Дайны: «Я знала, чем это кончится, говорила тебе. То, что ты делаешь, безумие».

И снова умирающие товарищи, крики, снаряды, грохот разрушения...

Капитан-лейтенант выпрямился и повернулся к стоящему рядом матросу.

– Черт возьми! – прокричал он.

«Бисмарк» горел, но вел огонь. Надстройки разрушены, две орудийные башни умолкли, импровизированные лазареты переполнены, медикаменты закончились. На корабле 700, а может, и больше убитых – кто их считал? Сотни раненых кричали, стонали или молча предавались отчаянию.

Елсу, строевому офицеру, снаряд прямым попаданием оторвал голову. Погиб адмирал Лютенс. Но командир корабля все еще находился на капитанском мостике.

Огонь противника усилился. Бронированные плиты раскалились докрасна от бесчисленных попаданий снарядов, в любой момент жар мог проникнуть в помещение, где хранились боеприпасы, – это неизбежная гибель...

Огонь над колоссом поднимался выше надстроек, рвались снаряды и умирали люди, но внизу, казалось, ничего не происходит. Еще горели лампы, работала телефонная связь, вертелись турбины, светились кончики сигарет, слышался гул разговоров. Грохот от взрывов доносился будто издалека. Он не отличался от звуков орудийных залпов самого «Бисмарка».

Сохранялась нормальная температура. Работали вентиляционные шахты. Но спокойствие, порядок, самообладание были призрачными и неестественными. Офицеры, конечно, знали, каково положение линкора, но старались сдерживаться и не терять оптимизма. По телефону лаконично сообщалось об успешном ходе боя. Но информация, которую передавали офицеры и старшины, отличалась от той, которой располагали они.

Матросы на нижних палубах не знали – или не хотели знать, – что происходило всего в нескольких метрах от них. Экипаж корабля составлял 2400 человек. Очередь обитателей верхних палуб наступила первой. Но война не забывала и остальных. Она хранила их до самой трагедии.

Находящиеся в машинном отделении привыкали к неестественной тишине. Иногда кто-то из них, не выдержав напряжения, срывался на крик. Но остальные быстро его успокаивали. Они общались между собой бодрым голосом. Некоторые прощались с товарищами, читали друг другу письма, показывали семейные фотографии, обменивались телефонами или попросту слонялись без дела. Самый легкий способ встретить смерть – игнорировать ее. Моряки знали, что им не надо за ней гоняться. Она придет к ним сама.

Но когда, о Небеса...

К счастью, телефонная связь еще действовала. Она объединяла нижние палубы с внешним миром. Пока вы знаете, что происходит, обстановка не может быть безнадежной, думали, говорили и убеждали себя моряки.

– Что ни говори, – рассуждал матрос Лаухс, – здесь внизу довольно удобно.

– Как в бомбоубежище, – поддержал Мессмер.

– И оно достаточно надежно, томми могут стрелять сколько угодно.

– Сколько это будет продолжаться на этот раз? – поинтересовался Поллак.

– Не знаю, – сказал Лаухс. – Спроси Линка, у него есть часы.

– Сколько времени до твоей свадьбы?

– Около получаса. – Старший матрос выглядел подавленным и бледным, как будто с похмелья. Но сегодня они все находились в подобном состоянии, пытаясь контролировать собственные мысли, но это не очень получалось.

– Тебе предстоит приятная свадебная вечеринка, – продолжил Мессмер.

– Ради бога, заткнись! – Линком овладело раздражение, хотя за неделю он привык к шуткам подобного рода.

– Ты сможешь провести свадебную ночь в воде, парень.

– Приглашаю поучаствовать в ней. Но не забудьте захватить купальные костюмы.

– А как с русалками? Как вы думаете, с ними будет приятно? Что скажете, парни?

– К тому времени у вас пропадет всякий интерес к этому, – встрял в разговор Поллак.

Второй инженер, лейтенант Херцог, совершавший обход, заглянул в машинное отделение.

– Как там наверху? – посыпались на него со всех сторон вопросы.

– Хорошо, нормально... Здесь внизу что-нибудь не так?

– Нет, – ответил Лаухс. – Никаких проблем. Нам просто скучно.

– В другое время вы сможете снова сыграть в карты.

– Если они к тому времени не взлетят на воздух.

– Положите колоду в карман, тогда они пригодятся вам на небесах.

Поллак явно расстроился:

– Не следует так шутить, лейтенант.

– Хорошо, не принимайте все так близко к сердцу, матрос... Мы не в Армии спасения.

– Очень жаль, что мы не в ней, – заметил Мессмер.

– Как все же наверху, только честно? – вновь поинтересовался лейтенант Лаухс.

Молодой офицер, выглядевший столь же неопрятно, как и его подчиненные, пожал плечами.

– Попробуйте себе представить, – сказал он уныло. – Если сказать, что ужасно много крови, значит, ничего не сказать.

– А что тамми?

– Они сейчас как раз завтракают. Черт их побери.

– Нечистая сила нам не поможет, – сказал Лаухс.

Разговор не клеился. И внезапно оборвался. Все ощущали только качку. Люди смотрели друг на друга. Перехватывая тревожные взгляды, все думали об одном. Поллак нарушил молчание истерическими выкриками:

– Теперь корабль взорвут, нас бросят тонуть, как крыс. Все кончено. Им на нас наплевать.

– Молчать! – одернул его лейтенант. – Неужели ты не понимаешь, что несешь вздор. Все механизмы действуют. Даже телефонная связь работает.

– Почему прекратилась стрельба? – поинтересовался Линк.

– О подрыве корабля не может быть и речи, – высказал свое мнение лейтенант Херцог. – А если бы такой план и существовал, то на это ушло бы минимум полчаса. И корабль взрывали бы снизу, а не сверху. У вас будет достаточно времени для того, чтобы покинуть его. Понятно?

– Надеюсь, что вы говорите правду, – сказал Лаухс.

Звонок телефона! Старшина поднял трубку. Лейтенант выхватил ее и представился. Все взоры были устремлены на него. Состоялся короткий разговор. Лейтенант обвел взглядом сослуживцев.

– Ну, кто жаждет подняться наверх? – поинтересовался он.

– Мы все.

– У кого есть навыки оказания первой медицинской помощи?

– У всех, – снова подал голос Лаухс.

Лейтенант подумал немного, затем повернулся к старшине:

– Сколько человек ты можешь выделить?

– Троих.

Офицер переводил взгляд с одного матроса на другого.

– Там будет невесело... Лаухс и Мессмер, готовьтесь идти. Кого возьмем еще?

– Линк, согласен?

Тот кивнул.

– Ладно, господа, времени для прощания нет... До встречи!

Отобранные матросы молча вышли...

«Бисмарк» отвечал кораблю «Кинг Джордж V» лишь редкими залпами. «Родней» вообще не подвергался обстрелу. К германскому флагману приблизились «Норфолк» и «Дорсетшир». Британские корабли на время прекратили огонь, поскольку клубы порохового дыма мешали корректировке стрельбы.

Командир «Роднея», капитан Далримпл-Гамильтон, чей сын служил гардемаринком на корабле «Кинг Джордж V», решил проявить инициативу и атаковать «Бисмарк» с носа, используя всю мощь бортовых орудий.

Сейчас «Родней» подошел к противнику на самую короткую дистанцию, и германский флагман открыл по нему лихорадочный огонь.

Немецкие снаряды стали падать в опасной близости от него. Но британский линкор продолжал решительные действия. Артиллерийский офицер видел в бинокль, что «Бисмарк» в любом случае вскоре замолкнет. Затем в дело пойдут торпеды для решающего удара.

Бой продолжался уже два часа. Представлялось невероятным, сколько мог выдержать германский флагман. Англичане били по нему из всех стволов. Колосс нужно утопить! Из чего, черт побери, он изготовлен? Разве немецкая сталь отличается от английской? Неужели она прочнее снарядов? Почему они вообще ведут бой? Ведь у них нет ни одного шанса! Должно быть, на борту германского флагмана царил сущий ад. Все время поступали донесения: пожары на

корме, рядом со шпилем, у гюйса, в средней части корпуса. Прямое попадание в надстройку.

Артиллеристы били чертовски точно. Практически безошибочно. Снаряды долбили бронированные плиты непрерывно.

Адмирал Тови решил довести дело до конца как можно скорее, ведь топливо было на исходе. Полученные донесения свидетельствовали о том, что снарядами больше ничего нельзя было сделать.

Привели в боевую готовность торпеды.

Эльза Биркен, невеста старшего матроса Линка, совершила небольшую прогулку к ратуше. Следовало ли ей подождать со свадьбой до приезда жениха домой в отпуск? О небо, как отличались ее мечты об этом дне от действительности!

Наконец, наступил момент, когда Эльзе взгрустнулось. Ей следовало быть одетой в белое платье, как и другие невесты. Со шлейфом. После венчания в церкви муж бросал бы мальчишкам монеты. Затем они могли поехать к фотографу и запечатлеться на вечную память. Фотография до конца их жизни висела бы в гостиной над диваном...

Так должно было быть...

«Вздор, – подумала Эльза, – так бывает в мирное время. Теперь же идет война. Другие девчонки вообще обречены на одиночество. Когда война закончится, тогда все образуется. Ганс унаследует от отца бакалейную лавку. Большой доход она не даст, но этих средств хватит на два, три, четыре человека.

Мы – люди простые, – размышляла Эльза. – Можем подождать. Спешить некуда. Люди, думающие, что он не вернется, глубоко заблуждаются, и им будет стыдно за свои мысли».

Газеты заполнены статьями о «Бисмарке». «Он вернется, – убеждала она себя. – Он должен вернуться!

И эта проклятая война, которая стала на пути нашего счастья, обязательно закончится».

Самое грустное то, что кресло рядом с ней пустовало. Мэр поднялся и начал речь.

– Уважаемые жених и невеста, – произнес он, в то время как присутствовавшие в зале прятали улыбки. Затем респектабельный господин стал говорить об отечестве, долге перед нацией.

Эльза не слушала его. Эти вещи радио и газеты вдалбливали в голову людей целых восемь лет. Ее мысли были далеко отсюда.

Мэр знал текст наизусть. Это лишало сказанное естественности. Над головой мэра висел портрет Гитлера. Солнечные лучи освещали изображение слева. От этого портрет как бы увеличивался в размере, и казалось, будто человек, чьи изображения вывешивали в каждой гостинице, школе, учреждении, надул щеки.

«Портрет отлично гармонирует с его голосом», – подумала Эльза.

Затем она снова в мыслях вернулась к происходящей церемонии и заставила себя вслушаться в слова мэра.

Впервые в жизни она расписалась как Линк. Потом обняла свекровь и свекра.

В этот момент Эльза Биркен не могла знать, что, не будучи еще женой, стала вдовой. Она вышла замуж за покойника задолго до того, как в ходе войны возникла мода связывать себя узами брака с погибшими...

Сначала Лаухсу, Линку и Мессмеру показалось, что наверху не так уж плохо. Проходы в надстройке освещались и были освобождены от всего лишнего. Не было ни беспорядка, ни паники. Затем они увидели первых раненых, протискивавшихся сквозь деформированные люки. Стали привыкать к дыму и вони. Спотыкаясь о различные предметы и спутанные

провода, преодолевали темноту и страх, научились без страха переступать через трупы. Представший хаос ошеломил их.

На одной из верхних палуб они обнаружили матроса, беспомощно жавшегося к переборке.

– Что с тобой, братец? – спросил Лаухс.

– Оторвало обе стопы.

– Потерпи. Мы отнесем тебя в перевязочный пункт.

– Перевязочный пункт? – застонал матрос. – От него ничего не осталось.

– Вздор. Если останешься здесь, помрешь.

– Я хочу умереть.

Они протащили матроса несколько метров, но он отчаянно сопротивлялся.

– Оставьте его, – сказал наконец Лаухс.

Вскоре они осознали, насколько прав был раненый матрос...

Приятель наткнулся на пункт экстренной перевязки. Лаухс подошел к старшему и спросил:

– Куда нам идти?

– Идите куда хотите, – неласково ответил врач. Он работал в одной рубашке. Волосы свешивались на лицо. Он тяжело дышал и ругался. Но во время разговора с ранеными его голос вмиг преображался, становясь мягким и деликатным. Приятель чувствовал себя неловко, старались смотреть в сторону, но не могли сдержать слез.

– Не могу больше выносить это, – пожаловался Линк. – Не могу сделать и шагу. Не могу больше видеть это. Нужно кончать! Кончать с этим сумасшествием!

– Возьми себя в руки, – осадил его Мессмер.

– Не могу, – стонал Линк.

Орудия англичан вновь открыли огонь. Кто-то размахивал факелом.

– Аварийное освещение сейчас включают, – сообщил старшина.

– Сколько у нас осталось морфия? – поинтересовался врач. – Оставьте его там, где лежит, он мертв. Идите, не стойте здесь, как мумии, – заорал он на Мессмера в следующий момент. – Уберите его отсюда!

– Куда?

– Где не будет мешать!

Линк едва себя сдерживал. Мессмер кричал на него, но он не обращал внимания. Затем включили аварийное освещение. Старшина что-то бормотал себе под нос. Он не осознавал, что повторяет слова молитвы. Так продолжалось до тех пор, пока сказанное не приобрело смысл для него самого и окружающих. Он испугался собственного голоса, замолчал, будто смутившись, затем заговорил громко и внятно:

– Отец наш Небесный, да светится имя Твое...

Вскрикнул раненый. Пронзительно. Отчаянно.

– Нет, – кричал он, – не дам отрезать ногу!

– Да придет царствие Твое на Земле, как в Небесах...

Разорвался снаряд. Взрыв. Крики. Столпотворение. Ругань.

– Заткнись! – напустился Мессмер на старшину. – Заткнись!

– Оставь его в покое! – шикнул Лаухс.

– Дай нам хлеб насущный днесь, прости нам наши грехи, как мы прощаем грешников.

– Он доведет нас до сумасшествия, – не унимался Мессмер.

Но он оставался в меньшинстве. Насмешки, страх, стыд улетучились. Раненые стонали, снаружи слышались хриплые команды. Но в одно мгновение все возвысились над происходящим. Тесный перевязочный пункт превратился в место богослужения. Молитва звучала в смрадной атмосфере помещения. Над страхом, над смертью. Над всем этим адом...

– Не вводи нас в искушение, но отврати от нас зло. Аминь.

Голос Линка звучал тверже. Мессмер вдруг разразился негодованием:

– Не забывай, что церковь благословляет вооружение обеих сторон!

Лаухс обнял его плечи. Этот гуляка, чьи представления о жизни находились между выпивкой и доступными женщинами, едой и весельем, преодолел себя и пытался увлечь за собой других своим самообладанием и голосом.

– Послушай, если Бог существует, то однажды у тех, кто виноват во всем этом, отсохнут в наказание руки. Будь уверен, – сказал Лаухс, повернувшись к Линку. – Ты со мной?

– Да, – ответил тот.

Все случилось в один миг. Лаухс шел первым, за ним Линк и Мессмер. Они преодолели себя.

– Сюда, – сказал Лаухс. – Пожалуй, начнем отсюда.

Они собрались вместе. В их сторону с воем летел снаряд. Все бросились ничком на палубу. Снаряд угодил как раз между ними. Прямое попадание.

Трое матросов из машинного отделения, изъявивших желание помочь сослуживцам, сами уже в помощи не нуждались.

Старший матрос Пенцлау относился к тем членам экипажа, которые больше не искали убежища, а сидели с отсутствующими взглядами, ожидая неизбежного конца. Он опустил на палубу рядом с трупом, лег на спину, закрыл глаза, стал прислушиваться к грохоту взрывов. Но пока смерть косила его товарищей, искавших убежище, он был защищен от осколков, по крайней мере на время.

Как оказался на палубе, он не помнил. Смотрел на все как сквозь какую-то пелену. Обо что-то спотыкался,

услышав команды, не реагировал на них. Он не без отвращения научился перешагивать через трупы. Найдя свободное место, стал ожидать конца. Пенцлау никогда не задумывался о войне. Пройдя подготовку, он был сразу направлен на «Бисмарк» и, подобно сослуживцам, позволил забить себе голову нацистской пропагандой. Вообще он ничего не имел против англичан, и это естественно, так как информацией о них почти не обладал. Ужасные истории, публиковавшиеся для таких, как он, обывателей в газетах, оставляли его равнодушным. Как правило, он даже не читал их.

Сейчас же, окунувшись в хаос, оказавшись среди останков уже былой славы, переживая жутчайшие минуты, которые предшествовали его гибели, он люто ненавидел британцев.

Ненавидел не потому, что они стремились превратить «Бисмарк» в груды металла и атаковали превосходящими силами или обстреливали его с безопасной дистанции, но... потому, что тянули с развязкой, разрушая «Бисмарк» постепенно, вместо того чтобы покончить сразу.

Можно ли было ожидать, что старший матрос Пенцлау в такое время оценивал ситуацию объективно? Он просто концентрировал всю свою ненависть, скопившуюся за войну, на ближайшем противнике – томми. И так сидел безжизненным, опустошенным, отрешенным – ожидал смерть.

Но она не приходила. Смерть забрала других, тех, кто старался избежать ее. Она берегла старшего матроса до последнего. Имела в отношении него особый план. Приготовила для него особые испытания, самую жестокую пытку.

- Пойдем со мной, парень, – позвал его Бауэр 2-й.
- Нет.
- Не хочешь домой?

- Домой? - задумчиво переспросил Пенцлау. - Домой?

С этого момента начались его страдания. Он ужасно мучился. Открыв глаза, ничего не увидел. Вспомнил о последнем отпуске. Восемь дней отдыха он получил за то, что превзошел сослуживцев в овладении специальностью. Он с изумлением обнаружил себя едущим в поезде. Паровоз двигался, как ему казалось, слишком медленно, но наконец, после нескольких часов пути, он прибыл в свой родной городок в Силезии.

Дорога до дома занимала минут двадцать, а он преодолел этот путь за десять. Несся буквально семимильными шагами. Какой-то старшина сделал ему замечание за неотдание чести. Но Пенцлау не обратил на это внимания и поспешил дальше. Старшина не стал его догонять.

Пенцлау спешил к Эмме, его молоденькой супруге, на которой женился полтора года назад. О, как она удивится! Должно быть, она сейчас в постели, спит, и пройдет некоторое время, прежде чем она проснется и, сонная, откроет ему дверь. У них была маленькая двухкомнатная квартира на окраине города, которая будоражила воображение старшего матроса, когда он был свободен от службы.

С замиранием сердца он остановился у входной двери. Минуту подождал, чтобы сделать глубокий вдох перед встречей с Эммой. Предвкушение счастья разлилось по его разгоряченному и сильному телу, когда он осторожно нажал кнопку электрического звонка. Не хотел, чтобы Эмма испугалась. Он услышал приглушенный сигнал. Не хотел, чтобы ее разбудил страх.

За дверью не было никакого движения. Он позвонил снова.

Опять тишина.

Что-то здесь не так. Стук в дверь разбудил бы весь дом. Так и случилось. Фрау Мейерлинг, проживающая на первом этаже, высунула из окна непричесанную голову. При лунном свете женщина выглядела как привидение с поблескивающими бигуди на голове.

– В чем дело? – поинтересовалась она сердито. Потом она узнала Пенцлау. – А, это вы... Минутку, я открою дверь.

В два прыжка он поднялся по лестнице.

– Где моя жена? – выпалил Пенцлау.

– Входите, – пригласила фрау Мейерлинг. – Садитесь. Я дам вам сигарету и выпить.

– Что случилось?

Она, не отвечая, бросила на него сочувствующий взгляд. Затем повернулась и, держа бутылку в дрожащих руках, пролила несколько капель на тщательно отполированный стол. Женщина этого даже не заметила. Если она стала невнимательна, подумал Пенцлау, она чем-то обеспокоена.

– Не могу вам сказать, – ответила фрау Мейерлинг. – Извините.

– Что же случилось, в конце концов? – спросил Пенцлау. Холодок от нехорошего предчувствия медленно пополз по его спине. Пересохло во рту. Инстинктивно он отпил из бутылки, но неприятное ощущение во рту сохранялось.

– Где моя жена? – повторил он вопрос.

– Лучше не спрашивайте, – твердила фрау Мейерлинг и все же рассказала.

Эмма несколько недель работала в ночном баре. Многие посетители, а прежде всего солдаты, пользовались ею. А недавно с ней был высокий, представительный мужчина в штатском. Они долго стояли на пороге дома, и она, фрау Мейерлинг, слышала каждое слово их разговора. Затем они...

- Нет, я не могу говорить, герр Пенцлау, - снова заартачилась женщина.

Он больше не слушал. Вскочил и, не прощаясь, пошел назад по длинной темной улице, но уже не спешил, как несколько минут назад. Теперь его целью был бар «Какаду». Швейцар посмотрел на него с подозрением. Матросы редко посещали это дорогое заведение. Пенцлау сдал свою шинель в гардероб и пошел по узкому коридору. Он беззвучно шагал по мягкой дорожке. На стенах висели зеркала. В них отражалось бледное лицо матроса. Он прошел через вестибюль. Сильно накрашенные девицы общались с офицерами, которые посматривали на него так же подозрительно, как и швейцар.

Пенцлау подошел к маленькому бару. За ним сидели две девицы. Та, что справа, оказалась Эммой. Она взгромоздилась на стойку, закинув одну ногу на другую, и курила сигарету, вставленную в длинный мундштук. На ней было платье, которое Пенцлау раньше никогда не видел, тонкое, короткое, из дешевого красного шелка. Она разговаривала с мужчиной, наклонившимся к ней. Эмма ударила его по руке, но тот только улыбнулся. Это была довольная улыбка.

Пенцлау сел за стойку. Эмма придвинула к нему меню.

- Что будете заказывать? - поинтересовалась она заученно.

И вдруг узнала его. Наигранная улыбка исчезла, сигарета в губах задрожала. Ею овладел страх.

- Ты, - произнесла она хриплым голосом. Эмма нервно поигрывала серебряным шейкером для коктейля, хотя его никто не заказывал.

Мужчина, сидевший напротив нее, внезапно заторопился. Встал, бросил коротко «До свидания» и ушел, даже не оплатив счет. Он избегал взгляда нового

посетителя, как будто совесть его была нечиста. Сначала шел не спеша, но, удалившись на несколько метров, явно ускорил шаг.

– Почему ты не написал мне об отпуске? – поинтересовалась Эмма.

– Почему ты не сообщила мне, что работаешь в ночном баре?

– Мне нужно было чем-то заняться... Была такая скука. Я не могла больше находиться одна.

– Когда-то тебе у нас нравилось.

– Когда-то все было по-другому, – сказала она.

– Вот как, – произнес он. Его голос прозвучал глухо и невесело.

Ему пришлось ждать три часа. Наблюдать, как в бар заходили офицеры, брезгливо его оглядывали, отпуская сальные шутки в адрес Эммы. Он видел, как она улыбалась, перебрасывая ногу на ногу, льнула к ним и не отказывалась от спиртного. Слышал пошлые слова и дешевые остроты. «Нет, Эмма не моя жена, – думал он. – Она стала совсем чужой. Это женщина, с которой я не хочу иметь ничего общего».

Они молча шли бок о бок в холодной утренней дымке к их дому. В окне показалась и исчезла тень фрау Мейерлинг. Они поднялись по лестнице и вошли в квартиру. Но там находился какой-то мужчина.

Неделя тянулась очень медленно. В голове Пенцлау неожиданно возникла мысль о немедленном отъезде. Однако он не хотел, чтобы его сослуживцы заметили в его поведении что-то неладное. Хотел скрыть свой позор.

Она проводила его до станции, стоя у вагона, переминаясь с ноги на ногу, будто хотела скорее избавиться от него. Разговор был ни о чем. Никто из них не хотел выяснения отношений. Все было кончено.

Поезд отошел от станции. Пенцлау смотрел в окно, пока мог видеть Эмму. Она, не задерживаясь,

поспешила с перрона.

Пенцлау вернулся на «Бисмарк», который собирался в свой первый поход. Он даже обрадовался, когда услышал, что корабль уходит в море.

– Пойдем! – вернул его к действительности голос Бауэра 2-го. – Не сиди как мумия! Нельзя просто ждать, когда отбросишь копыта!

Старший матрос мгновенно пришел в себя. Окинул взглядом лежащие повсюду трупы товарищей. Ему показалось, что они закружились вокруг него с искаженными зелеными лицами. Пенцлау глядел сквозь кровавую пелену, сжимал губы и почти с интересом наблюдал за разрывами снарядов. Видел, как гибли товарищи справа и слева от него.

– Моя жена... это была она, – бормотал он себе под нос.

Переживания старшего матроса Пенцлау длились чуть больше часа.

Затем в него попал снаряд.

Ручейки липкой крови медленно текли сквозь щели в люках и по трапам попадали в межпалубные помещения, где скапливались в ужасные цветные лужи. Она принадлежала погибшим, умирающим, искалеченным – офицерам, старшинам, матросам, лежавшим в беспорядке десятками и сотнями, с восковыми лицами и широко раскрытыми глазами между устремленными вдаль жерлами орудий. Море, посылавшее волны через борт корабля, смывало эти ужасные следы и уносило десятки трупов.

Те матросы, которые поднимались на палубу из освещенного электрическим светом и обогретого трюма корабля, в ужасе вскрикивали, блевали и убегали назад... туда, где не было возможности спастись. Но была ли вообще такая возможность?

Британские орудия продолжали грохотать, к «Бисмарку» неслись новые снаряды. Моряков германского флагмана продолжали разить осколки, они молча падали и умирали. Старший матрос Граблер присоединился к группе выживших в мясорубке сослуживцев – членов команд смертников. Кресла и столы были разбиты. Корабельную кассу опрокинули на пол, вокруг валялись запачканные кровью банкноты.

Старшина нагнулся, подобрал их и положил в пакет. Он дьявольски усмехнулся и пересчитал деньги. Для чего? Какой прок сейчас был от этих бумажек, когда наступило время для последней молитвы? Шесть-семь матросов поднялись наверх. Когда выбрались из люка, те, которые шли впереди, попытались вернуться, но задние напирали на них. Англичане сделали передышку.

– Сейчас наш шанс! – крикнул Граблер. – Идите дальше, не трусьте. Мы должны выбраться на палубу!

Старшина, шедший впереди, повернул назад с перекошенным лицом.

– Иди сам, – прохрипел он.

Граблер поднялся по металлическим ступенькам, пролез через узкий люк, закрыл глаза, затем открыл их и оглядел горы трупов перед собой, лежавших как куски нормированного хлеба. Погибшие товарищи, оставшиеся после взрывов фрагменты тел. Граблер поспешил вперед. Он спотыкался о трупы. Жестокое зрелище. Голова лежала отдельно. С широко раскрытыми, неподвижными глазами. Граблер заметил ее, обошел стороной, оглянулся, чтобы еще раз посмотреть. Затем побежал как сумасшедший, налетел на моряка, стоявшего неподалеку, схватил лейтенанта за правую руку и принялся трясти ее.

– Вы грязные убийцы! Свиньи! Это все, что вы можете делать! Вы ни на что больше не способны! Посмотри вокруг. Это ваша война! Убийцы, грязные

убийцы!.. Преданы до смерти! – кричал он, срываясь на визг.

– Возьмите себя в руки, матрос! – одернул его офицер.

Снаряд! Оба моряка бросились на палубу. Офицер – в последний раз. Ему повезло, он умер мгновенно. Граблер лежал без сознания. Матросы, которые вышли вместе с ним из кубрика, осторожно подняли его. Боль вернула сознание. Он открыл глаза.

– Осторожней, – попросил он товарищей. – Ужасная боль.

Затем Граблер взглянул на окровавленную искалеченную руку. Увидел, что правый рукав его форменки лежит на палубе с торчащей из нее кистью, сжатой в кулак, которой он недавно тряс офицера и вытягивал в нацистском приветствии. Он никогда больше не сможет сделать это вновь. А через час станет покойником, одним из многих, и окажется под горой трупов.

Погибшие от огня противника и потери крови, смытые волнами за борт и утонувшие – такова судьба членов экипажа самого крупного в мире и современного линкора.

«Бисмарк» сильно накренился на левый борт. Главная мачта сломана. Надстройка в огне. Боеприпасы для зенитных установок, валявшиеся везде, то и дело взрывались. В башне Д разорвало одно из орудий. Боковая стенка разбита снарядами больших калибров. Волны перекачивались через верхнюю палубу. За башней лежала гора трупов, по высоте равная ей самой. Матросы, прятавшиеся за телами, были иссечены осколками.

Внезапно из-за туч выглянуло солнце и засияло, как в обычный день. Его лучи осветили убитых, раненых и отчаявшихся. Огонь противника прекратился.

«Бисмарк» выпустил последний снаряд. Больше он не мог защищаться. Почему командир корабля еще колебался? Почему не взорвал то, что осталось от линкора? Не дал шанс на спасение выжившим морякам?

Связь с большинством постов была утрачена. Офицеры направляли вестовых на нижние палубы для оповещения матросов о том, что корабль будет затоплен. Некоторые из них были совершенно изолированы. Находящиеся здесь люди были обречены уйти на дно вместе с кораблем. Возможно, из-за этого медлили с саморазрушением. Ремонтные бригады пытались открыть люки при помощи сварочных аппаратов. Матросы теперь десятками стояли на верхней палубе, стремясь воспользоваться передышкой в бою для оценки обстановки перед тем, как поступит приказ покинуть корабль. Назначили ответственных, которые должны были вывести матросов через два-три еще неповрежденных люка. Вниз направили офицеров, которые еще могли предотвратить панику.

Но еще ничего не было известно о взрыве корабля. Возможно, это был лишь слух. Только один человек мог отдать такой приказ – командир корабля.

Линдеман до последнего медлил с принятием решения. Время было необходимо для подготовки.

Были посланы в отсеки, с которыми отсутствовала связь. Матросы надували на палубе спасательные жилеты. Многие начали это делать слишком рано и застревали в узких люках.

Старший матрос Ржонка стоял последним перед проходом к люку. Находящиеся перед ним матросы с ломом пытались открыть деформированную крышку. Наконец им это удалось.

Первым дали возможность подняться наверх раненым. Без приказа последний из этой группы остался внизу, чтобы показать дорогу остальным, подошедшим позже.

– Не забудь сам выбраться! – крикнул ему Ржонка.
– Еще есть время. Вы готовитесь покинуть корабль слишком рано, – ответил матрос.

Легкораненых несли к спусковым дорожкам.

– Не туда, – крикнул капитан-лейтенант Нобис. – Не к правому борту!

Ведь волны били о корпус корабля с той стороны и погубили бы любого. И офицеру пришлось разъяснять это каждому.

Установилась тишина, почти нереальная. Обе стороны прекратили стрельбу. Возможно, на несколько минут. Корабли противника подходили все ближе. Их можно было видеть невооруженным глазом.

Внезапно «ожило» одно орудие, у которого еще оставались боеприпасы. Должно быть, его расчет спятил! Он вел интенсивный огонь просто для успокоения нервов.

– Прекратите огонь! – приказал капитан-лейтенант Нобис.

Орудия англичан открыли ответный огонь. Все бросились в укрытия.

Нобис стоял в средней части корабля. Взрыв. Когда дым рассеялся, все осмотрелись.

– Кто-нибудь пострадал? – последовал вопрос.

– Нет.

– Где капитан-лейтенант?

Только теперь заметили, что Нобис исчез.

Взрывная волна перебросила капитан-лейтенанта Нобиса Вернера через бортовое ограждение. Как клочок бумаги. Он сильно ударился об воду, но почувствовал боль скорее подсознательно. Спасательный жилет держал его на плаву. На несколько секунд офицер потерял сознание, однако ледяная вода привела его в чувство. Его поднимало на гребень волны, а затем швыряло вниз. Соленая вода проникала в глаза, поры

кожи. Течение уносило его все дальше и дальше от «Бисмарка».

Нобис наглотался воды. В ней чувствовался вкус нефти и соли. Он выплевывал ее, его рвало, он видел, как мимо проплывали трупы моряков с искаженными лицами и уже окоченевшими руками, тянущимися к небу, словно для последнего приветствия капитан-лейтенанту. Постепенно Нобис привык к этому. Находясь на грани потери сознания, он приноравливался к волнам. Голова болела, в глазах жжение, тело немело, мысли беспорядочно вертелись. Его сотрясал кашель. Силы убывали. Вверх-вниз, словно на американских горках. Сохранившаяся воля к жизни боролась против стихии.

Время потеряло счет. Сколько можно так продержаться? Слава богу, недолго! Нельзя сдаваться, нельзя, думал Нобис. Он перемещался к огромному нефтяному пятну. Его следует обойти любой ценой. Офицер активнее стал грести руками и ногами, дыхание участилось. Нефть залепит глаза и поры кожи. Это смерть...

Он приближался к нефтяному пятну все ближе и ближе. Бесполезно плыть при таком волнении моря. Наконец волна подняла Нобиса и отшвырнула в сторону. Через несколько секунд он подрейфовал в нескольких метрах от губительного нефтяного пятна. На память пришло имя – Бауэр. Да, именно этот матрос при кораблекрушении наглотался нефти. Он остался на всю жизнь инвалидом, постоянно окруженным врачами. Он нуждался в искусственном питании – живой труп.

Можно вынести все, что угодно, только не это! Куда бы он ни посмотрел, повсюду виднелись масляные пятна, мерцающие ядовитым радужным цветом. Он поднял над водой голову как можно выше. Если бы только упор для головы спасательного жилета не давил так сильно на затылок!

Попал в водоворот. Вот так карусель, подумал он, это конец. Лег на спину. Море дало возможность дышать. Он увидел в 6–7 метрах перед собой «Бисмарк». Мог разглядеть матросов, мечущихся по верхней палубе. Совсем маленькие точки. Он почувствовал, как одинок и беспомощен.

Англичане прекратили стрельбу. Зачем расходовать снаряды, когда и так все предreshено. «Бисмарк» представлял собой жалкую картину. «Что они делают там, на носу? – подумал Нобис. – Должно быть, собираются взорвать корабль. Скоро они узнают, какая пытка находится в воде».

Ветер разогнал облака. Светило солнце, отливавшее красным цветом. Оно будто для остроты восприятия стремилось еще ярче и откровеннее осветить ад. Откуда-то из-за горизонта доносился слабый отзвук артиллерийской канонады. «Может, это обман слуха? Неужели я дошел до такого состояния? – подумал Нобис. – Скоро мне привидится земля, корабль или спасательная шлюпка. Это будет прелюдия конца. Нельзя спастись дважды, оказаться единственным уцелевшим». Прошлый раз было гораздо легче, безопасней. Море вынесло его в Португалию, к Дайне...

Теперь море снова держало его мертвой хваткой. Смерть? Он увидел перед собой старого, седовласого отца, печальную улыбку. Услышал тихий, неуверенный голос: «Лучше бы ты не возвращался до конца войны, мой мальчик».

Водоворот тащил его в глубину. Нобис глотал воду, метался, боролся со стихией – времени для мрачных мыслей не было. Жгло глаза. Они слипались от соли. С трудом ему удалось их раскрыть.

Какой-то шум. Откуда он? Мираж? Плод воображения?

Нет, шум сохранялся и нарастал совсем недалеко от него – должно быть, эсминец. Тот действительно шел на

Нобиса полным ходом. Он мог различить моряков на палубе британского корабля. Они же его не видели. Он закричал. Услышат ли? Увидят? Помогут?

Эсминец подошел ближе. Теперь они должны сбавить ход, бросить ему конец каната, вытащить наверх. Они не должны оставить его на погибель! Это невозможно!

Ни одна душа так не поступила бы. Они же люди, хотя и с противоборствующего лагеря.

Эсминец прошел мимо. На полном ходу.

Так это и происходит, подумал с горечью Нобис. В нем нарастали вялость и отрешенность. Вот, значит, как умирают.

Адмирал сэр Джон Тови смотрел в бинокль и качал головой. Невероятно. «Бисмарк», разбитый, превращенный в груды металла, все еще держался на плаву. Практически каждый залп достигал цели. Ответный огонь уже давно прекратился, сопротивляющихся почти не осталось, но германский флаг все еще развевался.

– Ближе! – командовал адмирал. – Торпедная атака!

«Родней» выстрелил по германскому флагману с дистанции 3000 метров. Одна из них ударила в корпус «Бисмарка» посередине. «Норфолк» также послал в развалину четыре торпеды. Наблюдатель зафиксировал еще одно попадание – но германский флагман не тонул.

Торпедные атаки продолжалась. Для этого «Дорсетшир» сблизился с германским флагманом.

В борт «Бисмарка» ударила еще одна торпеда, пущенная с дистанции 4000 метров. Адмирал Тови не мог больше ждать. Он опасался атаки немецких самолетов. Но еще больше его тревожило отсутствие топлива. Еще до окончания боя он приказал «Роднею» возвращаться на базу.

«Бисмарк» все еще был на плаву. Его не смогли уничтожить бесчисленные снаряды и торпеды. Каждый новый выстрел для сэра Джона означал пустой расход боеприпасов, а два – усугубление проблем с топливом. Надо ли оставить останки дрейфовать? Можно ли доложить в Лондон, что он победил германский флагман, но так и не довел дело до конца? После беспрецедентного семидневного преследования он сблизился с противником, превратил его в развалину, но оставил на плаву. Он мог наблюдать результаты своей работы невооруженным глазом. Адмирал стоял в нерешительности на своем уцелевшем мостике. Может, «Дорсетширу» удастся потопить немецкий корабль, мысленно успокаивал он себя.

– Ближе, еще ближе, – радировал адмирал командиру крейсера.

На «Дорсетшире» осталось две торпеды. Он не мог промахнуться с дистанции 2500 метров. Но ведь другие британские корабли тоже действовали не впустую, а «Бисмарк» все еще качался на волнах.

В 10.36 торпеда, выпущенная «Дорсетширом», ударила «Бисмарк» в левый борт.

Адмирал Тови мог наблюдать, как немецкие матросы беспомощно мечутся по палубе. Как орудия линкора пытаются целиться в противника. Как повсюду возникают пожары и корабль заволакивают облака густого дыма. Он наблюдал в бинокль сотни убитых – результат работы его плавучей фабрики смерти, созданной людьми для уничтожения себе подобных.

Но в данном случае дело было не в людях, но в войне. В страшной жатве смерти, пополнившей списки погибших и покалеченных на миллионы. Думал ли его противник, адмирал Лютенс, погибший в этот день, о последнем вздохе отчаяния, неоправданной жестокости или приступе страха, когда уничтожал «Худ» несколькими днями ранее?

Нет, подобные мысли чужды адмиралам. Они проводят операции тотального уничтожения, которым их обучали в морских колледжах. Просто выполняют свой долг, который оценивается тысячами жизней с каждой стороны. Но во время войны они ценятся дешево.

Все больше и больше моряков выбирались на верхнюю палубу «Бисмарка». На нижних же, в частности в машинном отделении, еще горел свет, работали турбины, стояли на постах люди в ожидании смерти. Связи с капитанским мостиком не было. Ответственный за ремонтные работы капитан-лейтенант Юнак, военный инженер 10-го полудивизиона, который несколько часов без усталости руководил своей командой, направил вестового к командиру корабля. Это случилось сразу после 10 утра. Он не вернулся. Инженер пошел сам. Пробрался на верхнюю палубу, увидев кровавую бойню, понял безвыходность положения и принял решение действовать самостоятельно.

Он собирался отдать приказ о затоплении корабля. Отобрал наиболее надежных людей, пресек начавшуюся панику, распорядился вывести наверх легкораненых и разослал вестовых по всему кораблю, чтобы всех предупредить.

– Корабль через пять минут будет взорван. Все на верхнюю палубу.

Юнак вновь спустился вниз, посмотрел на часы, отпустил всех матросов, без которых мог обойтись.

– Все готово, – доложил главный механик Фишер, которому поручили произвести взрыв.

Вода зальет турбины, корпус наполнится водой, впитавшись как в губку, и корабль пойдет ко дну. До этого все оставшиеся в живых члены экипажа должны

покинуть его, чтобы потом не быть затянутыми в воронку тонущей махиной.

По ходу приготовлений план получил название Х.

– Подождите еще несколько минут, – дал команду капитан-лейтенант Юнак главмеху.

Группа матросов из пяти-шести человек надували спасательные жилеты.

– Всему свое время, господа, – обратился к ним офицер. – Сделаете это, когда поднимитесь на верхнюю палубу. Иначе вы не протиснетесь через люки. Спешить незачем. Мы подождем вас... Линденберг, позаботьтесь о них!

– Есть, герр капитан.

Время поджимало. На «Бисмарке» не знали, насколько остро англичане нуждались в топливе. Корабль следовало взорвать с целью не допустить высадку на его борт противника. Но сколько еще людей осталось внизу? Сколько тех, кто изолирован от остальных и совершенно не представляет, что корабль будет взорван? Что случилось с командиром корабля? Жив ли он? Одобрил бы он план «Х» или счел бы его преждевременным?

«Необходимо действовать», – сказал про себя капитан-лейтенант Юнак. Он подозвал кивком главмеха Фишера.

– Отправляйтесь немедленно наверх! – распорядился офицер. Он старался выглядеть спокойным. И это ему удавалось. Юнак смог еще раз предотвратить панику. Где бы он ни появлялся, люди успокаивались, поддавшись его хладнокровию. Экипаж все еще держался в рамках устава.

Капитан-лейтенант обошел нижние палубы, распорядившись подниматься наверх и ждать дополнительной команды. Он посмотрел на часы. В любой момент взрыв сообщит ему, что дело сделано. Тогда у него останется несколько минут, чтобы

покинуть корабль. «Бисмарк» не должен уйти под воду слишком быстро...

Фишер с двумя матросами пришел в машинное отделение. Там никого не было. Подчиненные, выполняя приказ, покинули свои посты. Заряд динамита лежал готовым к подрыву. Он мог быть приведен в действие лишь легким движением. Проектировщики «Бисмарка» все продумали.

– Вот мы и пришли, – сказал Фишер. – Остальное я сделаю сам. Поднимайтесь наверх.

– Что вы имеете в виду? – спросил один из матросов.

– Я остаюсь здесь, – ответил Фишер. – Я подрыву заряд вручную.

– Должно быть, вы сошли с ума! – испуганно сказал старшина.

Главный механик взглянул на часы. В запасе еще пара минут. Последние в его жизни, которую он так любил. Он думал о матери, семье, маленьком домике, братьях и сестрах. Осталось еще сто десять секунд.

Фишер повернулся к морякам.

– Убирайтесь! – крикнул он. Голос сорвался.

Только сейчас моряки осознали, какое решение принял главмех.

– Я не уйду, – всхлипнул матрос.

– И не думай, – жестко сказал Фишер. Его лицо напряглось. Неужели он слез боялся больше, чем смерти?

Трое моряков смотрели на «адскую машину». Они вслушивались в нереальную тишину. Прошли секунды. Слова застревали в горле. У них болели глаза. В висках стучало.

Один из матросов рыдал, как ребенок.

– У вас жена, дети, – сказал офицеру старшина Небель. – Подумайте о них.

Фишер рассеянно кивнул, словно не понимал, что ему говорят. Его лицо побледнело, руки дрожали. Но им

уже овладела решимость. Она направляла его действия.

– В этом все дело, – понизил голос Фишер. Он указал на матроса и хотел протянуть руку старшине, чтобы попрощаться, но та не двинулась, словно окаменев. – Он еще так молод, – сказал Фишер.

– Пойдем, – позвал старшина Небель матроса. Взял его за руку, потащил за собой. Преодолеl вслед за ним люк, провел матроса через палубу, затем остановился, тяжело дыша, и сделал глубокий вдох.

В это время взорвался заряд.

Еще одна смерть на «Бисмарке».

Главврач Тиле работал на крытой палубе и не поднял головы, когда ему сообщили, что корабль будет затоплен. Он бинтовал культю руки, откликаясь на мольбы другого раненого и уже ища глазами нового пациента. Он работал ругаясь, потея, крича и старался, насколько это возможно, приноровиться к столь экстремальным условиям работы.

– Герр Тиле, – неоднократно напоминал врачу его коллега-медик, – через десять минут корабль пойдет ко дну.

– Мне плевать, – огрызнулся военврач. – Не стойте без дела! Ступайте, выносите всех на верхнюю палубу... Тех четверых пока оставьте здесь.

– Не бросайте нас, – умоляли безрукие пациенты.

– Успокойтесь, – утешал их врач. – Вы выберетесь отсюда.

– Воды, – попросил один из четырех раненых, лежавших в углу, живот которого распорол осколок.

– Потерпи, – сказал Тиле, подзывая одного из санитаров.

– Но я занят, – возразил тот.

– К черту, – заорал Тиле, – делай, что говорю!

Большинство раненых уже подняли наверх и спустили на воду. Многие отчаянно сопротивлялись. Но

это был единственный путь к спасению – если оно вообще было возможно.

Следующим несли механика, старшину Хаузера. Он потерял обе ноги. Над ним склонился военврач:

– Перевязать тебя я не имею возможности. Понимаешь?

– Да.

– Холодная вода может остановить кровотечение. Это шанс. Тебе просто нужно мобилизовать всю волю, убедить себя, что так надо. Понимаешь?

– Да.

– Опускайте его!

Но вот среди стольких смертей, в кромешном аду произошло невероятное. Механик, старшина Хаузер, был бережно спущен на воду. Его одолевала могучая жажда жизни. Он невероятно долго боролся с опасностью потерять сознание, что было равносильно гибели. Стремился не думать о том, что остался без ног. Волны прибили его к противнику, прямо к крейсеру «Дорсетшир». Британские моряки заметили калеку. У Хаузера хватило сил ухватиться за конец каната, сброшенного с борта неприятельского корабля. Десятки других немецких моряков, для которых каждая лишняя секунда пребывания в воде была вопросом жизни или смерти, из последних сил помогли безногому товарищу. Его подняли на борт, немедленно сделали операцию, и... его жизнь оказалась вне опасности.

В последние секунды перед затоплением «Бисмарка» великолепно работали санитары. Они продолжали выполнять свои обязанности, несмотря ни на что, хотя поверженный корабль вот-вот должен был пойти ко дну.

Даже после взрыва из лазарета успели вынести десятки раненых. Многие из них кричали, стонали, вырывались. Самые тяжелые испытания для раненых начались, когда они оказались на верхней палубе и

готовились для спуска в воду. Несколько санитаров вновь и вновь спускались вниз, чтобы вынести оставшихся раненых, вопреки страху и всякому здравому смыслу.

– Оставьте их там, где лежат, – сказал вполголоса военврач Тиле. – Дайте мне морфий... Он там. Нет, не нужно стерилизовать иглу. Уходите, Вебер, время настало.

– Но что будет с вами, герр Тиле? – с болью в голосе спросил начальник санитарной службы.

– Попробуйте угадать, – ответил военврач Тиле.

Он оставался один среди стонущих, охающих раненых. До сих пор у него не было времени подумать о себе. Даже о том, что ожидает впереди. О своем доме. Несколько часов он работал будто под гипнозом. Но сейчас, в эти страшные мгновения военврач ощущал, что корабль кренится все сильнее, погружается все глубже, заполняясь водой, а с ним рядом находятся эти беспомощные, обреченные люди. Это бесило его, заставляя ненавидеть и бояться смерть. Ему хотелось выбраться наверх и спастись. Время для этого еще оставалось.

Военврач Тиле выполнил свой долг до конца. Никто даже не предполагал, что он способен уйти на дно вместе с разбитым кораблем, остаться вместе с ранеными моряками из-за невозможности их спасения. Он вглядывался в серые, осунувшиеся лица. Видел подрагивавшие губы, безумные глаза, устремленные в одну точку, слышал крики – и принял самое главное в жизни решение.

Военврач Тиле остался на корабле.

В голове промелькнули воспоминания о первой лекции, которую он слушал в медицинском колледже. На подиуме стоял старый профессор с сияющим взглядом и пышущими здоровьем щеками.

– Вы выбрали самую прекрасную специальность из всех, какие есть. Вы подрались на службу человечеству. Приветствую вас как союзников в борьбе против болезней, страданий и смерти. Нет более благородного занятия, даже если оно порой бывает очень трудным, ему часто сопутствуют неудачи и разочарования. Всегда помните об этом.

Военврач держал в руке шприц. Он подошел к одному из раненых. Тот немедленно очнулся, находясь в предкоматозном состоянии.

– Я тоже покину корабль? – спросил он.

– Да, – ответил военврач Тиле, – мы все.

Моряк подался вперед и улыбнулся. Врач медленно ввел ему под кожу содержимое шприца. Выполняя укол, он внимательно следил за пациентом, решив про себя, что этой дозы лекарства будет достаточно. Вынул иглу, подошел к следующему раненому, осуществив ту же манипуляцию, еще к одному, который спокойно наблюдал за его действиями.

Этот моряк понял, что происходит. Он благодарно улыбнулся. Обреченно протянул руку доктору, чтобы поздороваться. Но у военврача Тиле на это не было времени. Он лишь в ответ кивнул.

– Скоро все кончится, – сказал он. – Бояться нечего.

– Я не боюсь, – растягивая слова, ответил моряк.

Оставался еще один раненый. Последняя инъекция. Морфий – благословенный дар. О Небеса, тех ампул, которыми пришлось воспользоваться в последние несколько часов, могло хватить на целый город.

Теперь пришло худшее. Впрочем, нет! Все не так плохо. Другим досталась худшая судьба. Не надо думать об этом. Время уходит. В любой момент может хлынуть вода. Сколько людей попали в западню в различных отсеках корабля? Сейчас не надо задавать вопросы. Надо действовать.

Один из раненых шевельнулся. Военврач Тиле сделал ему еще одну инъекцию.

Теперь настала очередь его самого. Он оголил руку, ввел под кожу иглу и нажал на поршень, медленно и осторожно, как делал это тысячи раз своим пациентам. «Теперь все», – сказал он про себя и стал думать о другом.

Он прилег рядом с тем раненым моряком, который так благодарно улыбался ему и уже никогда не проснется.

Военврач Тиле также заснул вечным сном.

За борт! Но куда прыгать? И откуда? Время уходило. Большинство моряков стояли на палубе, словно приросли к ней. Бюргер попытался прыгнуть первым. С левого борта, на который «Бисмарк» сильно кренился. Достигнув кормы, он шагнул за борт.

Это заняло секунды. Волна подхватила его и со всей силы швырнула о корабль. Мгновенная смерть. Десятки людей видели это. Сотни ожидали своей участи. Бюргер не единственный из тех, кто нашел такую гибель.

– Прыгнем с правого борта, – предложил один матрос другому.

Но когда они подошли слева, мужество покинуло их.

– Не буду! Ни за что не буду! – заорал Поллак.

– Заткнись! – одернул его старшина. – Можешь оставаться здесь, если хочешь, но не подавай дурной пример!

На палубу поднимались все живые матросы.

– Будет корабль взорван или нет? – спрашивали они.

Никто не знал. Им всем давно следовало покинуть линкор. Но они находились в оцепенении.

В средней части корабля что-то случилось. Это несколько матросов устроили выяснение отношений.

Шум и крики усиливались. Первый матрос прыгнул с правого борта и разmozжил голову о киль. Он прыгнул

недостаточно далеко от корпуса. Многие видели это.

Затем случилось нечто невероятное, фантастическое.

– Стройся! – проревел голос. Это не было шуткой. – Стройся! – повторил командир. – Продвигайтесь вперед, не стойте как истуканы. В три шеренги, становись! Пошевеливайтесь, господа. Нет времени!

Повинуясь приказу, матросы построились, как на казарменном плацу. Как будто для строевого смотра, а не для решающего прыжка, цена которому жизнь или смерть.

Гомон затих, повинуясь командирской воле. Оставшиеся в живых матросы «Бисмарка» выполняли команды как на параде, держа равнение направо, на капитан-лейтенанта Юнака, повернувшись лицом к бушующей стихии, которая через несколько мгновений примет их. Один из матросов направился для отдания чести командиру.

Солнце вновь прорвалось сквозь завесу облаков. Осветило бледные мрачные лица. Для большинства из них оно светило в последний раз. Через палубу перекатилась огромная волна. Матросы вцепились друг в друга. Те, кто стоял сзади, не заметили надвигающуюся опасность и были смыты в море.

– Они уже отмучились, – пробормотал матрос во втором ряду.

– Друзья, – обратился к сослуживцам капитан-лейтенант. – Мы выполнили наш долг. Сражались до последней возможности. Теперь мы должны покинуть корабль. Первые заряды подорваны... Пока беспокоиться не о чем. В запасе есть несколько минут. Отталкивайтесь посильней, когда будете прыгать. На плаву держитесь до последнего. Еще раз проверьте свои спасательные жилеты. Не нарушайте очередности.

На палубе стояли несколько сотен человек в ожидании очередной огромной волны, глядя на

горящий корабль, масляные пятна на воде, пенящиеся волны, стоящего рядом товарища. В напряжении они смотрели на британские корабли, которые, возможно, подберут их, если удастся продержаться на плаву достаточно долго.

В эти последние минуты они выполнили то, к чему так долго готовились.

Капитан-лейтенант скомандовал зычным голосом:

– Смир-р-но! За отечество тоекратное зиг хайль! Да здравствует Великая Германия!

– Зиг хайль, зиг хайль, зиг хайль! – прозвучало в ответ.

Прокричали громко, как могли. Приветствие если не придало им храбрости, то, по крайней мере, заменило ее. Это все, что мог сделать капитан-лейтенант напоследок.

– Разойтись! – скомандовал он, понизив голос.

Эта команда подразумевала смертельный прыжок...

Самые храбрые вызвались покинуть корабль. Они взбирались по накренившейся палубе, жали друг другу руки, кричали, прощаясь, а затем, сгруппировавшись, прыгали. С высоты 5–7 метров. Одним везло, другим нет. Первое означало вовремя отплыть в сторону, второе – смерть. Киль стал причиной гибели многих моряков.

Прыгала вторая группа. Старшины помогали капитан-лейтенанту Юнаку, который торопил матросов добрыми напутствиями или, если требовалось, жесткими командами.

– Смелее. Не тратьте время на раздумье. Это ваш единственный шанс.

– Я не буду прыгать, – запаниковал Поллак.

– Будешь, – зарычал на него Линденберг, – будешь, даже если мне придется пнуть тебя ногой.

– Не могу, вы только взгляните вниз.

– А ты не смотри, слюняй.

На борту еще оставалось около четырех сотен людей, наблюдавших за происходящим широко раскрытыми глазами. Первые матросы, удачно прыгнувшие за борт, сейчас уже находились в 20–30 метрах от корабля. Они махали руками, подбадривая товарищей, затем, наглотавшись соленой воды, выплевывали ее с хрипом и кашлем.

Люди, еще остававшиеся на корабле, видели, что большинство из тех, кто уже за бортом, живы, во всяком случае, на данный момент. Остальные больше не колебались и следовали примеру первых. Прыгая, многие кричали, большинство закрывали глаза или молились. Иногда прыгали вдвоем или втроем, взявшись за руки, словно это могло уберечь от худшего.

Налетевшая волна вновь унесла шесть или семь человек. Многие были к этому готовы. Некоторые предпринимали новые попытки прыгнуть с другого борта. Волны били их о корпус корабля до тех пор, пока они не теряли сознание и не тонули. Один или два матроса оказались обратно выброшенными на палубу «Бисмарка», словно тонущий гигант не хотел их отпускать.

Настала очередь Линденберга. Он подбадривал и ругал сослуживцев. Надеялся, что сохранил остатки силы духа, которую демонстрировал последние несколько минут. Он прополз по накренившейся палубе к перилам, подождал несколько секунд, выругался и закрыл глаза. Нет, нужно открыть их.

Важно было, прыгнув, не просто остаться в живых, а показать другим пример. Возможно, смерть от удара о бронированный корпус была наиболее милосердной. Она, скорее всего, будет скорой. Почему смерть к некоторым благосклонна и дала возможность держаться на воде? Сколько им отпущено, кому они нужны? Медленная смерть хуже всего... «Соберись с духом», – говорил он себе. Толчок. И полет ногами вниз.

Вперед левую ногу выставлять нельзя, это к неудаче. Надо правую. Вперед! Корабль взорвется в любую минуту.

На него смотрели другие. Прыгнул матрос – слева. Теперь очередь того, что справа. Ему тоже сопутствовал успех. Все не так страшно. Даже Поллак уже в воде. Как он там? Линденберг не мог знать об этом, да и какая разница.

Он напрягся, выпрямился. Ноги одеревенели. Но это не помешало ему совершить прыжок. Его спина испытывала странное ощущение, словно он летел в гигантском ковше. Плюх. Он сделал несколько гребков и поднялся на поверхность. Тут же Линденберга накрыло волной.

«Какой я идиот, – подумал старшина Линденберг, – в этом нет ничего страшного».

Он почувствовал жар в ледяной воде. От столь острого ощущения его воля к жизни крепла, так же как и позднее угасала.

Линденберг смотрел на «Бисмарк». Он видел, как одним из последних за борт прыгнул капитан-лейтенант Юнак. К удивлению старшины, флаг еще развевался. Что случилось с теми, кто остался на корабле? Прыгнули еще два матроса.

Тонущий корабль все больше наполнялся водой. Крен на левый борт увеличивался. Теперь «Бисмарк» в любой момент мог уйти под воду.

Командир корабля Линдеман был отчетливо виден в своей белоснежной фуражке, когда стоял в полный рост на гибнущем корабле. Рядом с ним находились три матроса. По палубе прокатился огромный водяной вал. Линдеман схватился за поручень. Матроса слева от него смыло за борт.

Командир принял стойку «смирно», приложил руку к козырьку, будто приветствуя членов экипажа,

барахтавшихся в море, затем развернулся и отдал честь флагу.

Моряки, оставшиеся с командиром, спорили с ним. В этом не было сомнений. Линдеман отрицательно покачал головой. В сопровождении двух матросов он куда-то направился от кормы мимо пожарищ и трупов. Еще раз поприветствовал своих подчиненных за бортом.

Абсурд, подумал старшина Линденберг. Безумие. Так бывает только в кино.

Но это было не кино, а война. И перед ним находился не актер, а командир корабля.

Старшина Линденберг видел все происходящее очень хорошо. То, что и десятки его товарищей. Не было никаких сомнений в том, что происходит. Матросы, оставшиеся с капитаном, уговаривали его покинуть корабль. Линдеман отказывался. Тогда они решили поступить по-своему. Матросы схватили его и попытались выбросить за борт силой. Командир отчаянно сопротивлялся. Кричал. Наконец, освободился. Вернулся на ют. Вновь приложил руку к головному убору.

Но вот наступил конец драмы. Корабль перевернулся через левый борт. Медленно, неторопливо, как бы давая матросам, находящимся возле него, последний шанс отплыть подальше, чтобы не увлекло в образовавшуюся после затопления воронку. Затем линкор разом перевернулся вверх дном.

Через несколько секунд корабль ушел под воду. Винты все еще вращались. Они исчезли последними. Вот и все. Самый большой и современный корабль в мире был уничтожен, потоплен своим экипажем. Вместе с кораблем погибли десятки, может, сотни людей, которые вовремя не смогли покинуть его. Среди них командир. Вместе с ним ушел на дно и флаг.

Англичане с изумлением наблюдали эту ужасную картину. Должно быть, последние торпеды достигли

цели. Они сблизились с противником и видели, как немецкие моряки прыгали за борт, а корабль погружался все больше и наконец медленно перевернулся. Адмирал Тови передал в Лондон сообщение, которое через полчаса разлетелось по всему миру: «„Бисмарк“ потоплен».

Англичане не могли знать, что их торпеды не причинили кораблю никакого вреда, что новые броневые плиты выдерживали удар любой из находящихся на их вооружении торпед. Большая часть их кораблей уже направилась к своим базам. В 10.20 «Дорсетшир» выпустил две торпеды. Они взорвались у правого борта «Бисмарка». Последняя торпеда покинула аппарат в 10.36. Преодолев 2500 метров, ударила в левый борт. В 10.40 по британскому летнему времени «Бисмарк» затонул.

Для англичан сражение закончилось. Моряки бросали вверх бескозырки и фуражки, кричали «ура!». Многие на свой страх и риск оставили посты. Но победа и ослабление напряжения сразу сказались на дисциплине. Все пришли посмотреть на тонущую гордость германского флота!

Течением немецких моряков, оказавшихся в воде, отнесло к «Дорсетширу».

Их было пять-шесть сотен человек из 2402. Крейсер не мог принять всех. Он обратился к «Маори» с просьбой спасти оставшихся людей.

Эсминец уже должен был лечь на обратный курс, когда матросы заметили в воде человека. Они окликнули его, но тот не реагировал. Повторили попытку. Тот ответил слабым взмахом руки. Моряк с погибшего корабля, должно быть, провел в воде не один час и был крайне истощен.

«Маори» подошел ближе, бросил конец каната и спас моряка. Им оказался капитан-лейтенант, которого выбросила за борт взрывная волна от разорвавшегося

снаряда. Он был одним из первых, покинувших корабль. Его звали Вернер Нобис. Он сразу же потерял сознание. Спасенного освободили от защитного костюма, окатили водой из шланга, смыли бензином масляные пятна и трясли до тех пор, пока он не пришел в сознание. Затем предложили выпить бренди.

Еще до конца не придя в себя, моряк благодарно улыбнулся. Слышал разговор на английском языке, на котором говорил бегло, но не мог разобрать ни слова.

Его поместили в лазарет.

Он недолго пробыл там в одиночестве.

Сначала люди, оказавшиеся в воде, старались держаться вместе. Но море разбросало их далеко друг от друга. Один-два матроса находили обломок дерева или один из нескольких плотов и взбирались на них. Но требовалось очень много усилий, чтобы удержаться за эти предметы, поэтому, израсходовав силы, они тонули быстрее остальных.

Живые были моряки или мертвые, раненые, отчаявшиеся или умирающие, море бросало их из стороны в сторону, поднимало вверх, бросало вниз, затаскивало в водовороты, смыкалось над ними.

Кроме объективных трудностей, им приходилось преодолевать и субъективные. Надутый воздухом упор для головы спасательного жилета невозможно давил на затылок, толкая голову все глубже под воду. Подводная лодка позднее обнаружила сотни утопленников, которые проиграли борьбу с этим дьявольским приспособлением. После данного случая конструкцию спасательного жилета изменили. Но погибшим членам экипажа «Бисмарка» уже было все равно.

Спасет ли их противник? Станет ли тратить время? Проявит ли милосердие? Рассчитывали на лучшее: томми хоть и враги, но ведь люди. Соль разъедала глаза находящимся в воде. Они практически ничего не

видели. Тем более темнело. Многие уже не могли выплевывать отвратительную морскую воду. Другие дрейфовали прямо в нефтяные лужи и отказывались бороться за жизнь.

Где корабли противника? Еще недавно были здесь. Фактически «Дорсетшир» и «Маори» шли именно туда, куда плыли спасшиеся немецкие моряки. Они находились всего в нескольких сотнях метров. Кто был впереди, уже мог увидеть их. Моряки отчаянно стремились к кораблям, сбивались с пути, вновь обнаружив их силуэты, из последних сил энергично двигали руками и ногами.

Старший матрос Флигер лежал на спине, когда его привел в чувство крик плывшего рядом матроса. Ему потребовалось некоторое время, чтобы открыть глаза. Флигера прибило к краю нефтяного пятна, которое недавно ему удалось миновать. Но вот маслянистая жижа залепила глаза. «Какая удача», – подумал он. Через него перекатилась волна. «Спокойнее, – уговаривал он себя, – береги силы, меньше движений, жди». Из сотен сослуживцев судьба даровала жизнь немногим.

Флигер закрыл глаза. Самое худшее произошло совсем близко от цели. «Боже, – подумал он, – положим, я бы проплыл мимо или не хватило сил ухватиться за конец каната. При таком волнении моря нет никаких шансов вернуться обратно. Спокойно! Думай о чем-нибудь приятном. Какой сейчас месяц? Конечно, май, 27-е число. Весна в самом разгаре. Должно быть, скоро день матери. Как дома?» Конечно, родные о нем вспоминают. Газеты не расскажут правду. Семьи моряков никогда не узнают, сколько раз их родные погибали. Газеты будут долдонить про одно и то же: героизм, войну до победы, Великую Германию, верность долгу. Что они еще могут написать?

Все они хотели быть верными воинскому долгу, когда с юношеским восторгом принимали присягу, с верой в себя, в свой народ и отечество, они тогда не понимали, что за этим стоит.

Теперь поняли. Главное сейчас заключалось в том, чтобы передать другим и крикнуть во весь голос: «Прекратите бойню! Хватит убивать людей тысячами, поместите всех поджигателей войны на „Бисмарк“, и пусть они там останутся навсегда!»

Все бесполезно. Пока живут люди, одни будут произносить красноречивые фразы, другим же суждено барахтаться в море.

Он должен держаться. Неужели нет никакой возможности спастись? Хотя бы для одного – старшего матроса Флигера. Выход должен быть.

Спасение означало новую встречу с Марианной, высокой блондинкой, которой так шла улыбка. Она день за днем сидела в кассе кинотеатра, ожидая его. Манфред Флигер познакомился с ней во время последнего отпуска. Он смотрел фильм уже три раза и покупал каждый новый билет с бьющимся сердцем только затем, чтобы увидеть ее. Он чувствовал себя скованно. Бахвальство воинской доблестью здесь не имело бы успеха, хотя он и носил морскую форму. Голос Флигера звучал неестественно. Он хотел ей сказать прямо, что на самом деле совсем другой. Но мысли Манфреда были проворнее слов. Поэтому только попросил разрешения звонить ей, когда кинотеатр не работал. Она на несколько секунд задержала на нем лукавый взгляд. Затем согласилась.

На большее он не рассчитывал. Он повел ее в пивной бар, потому что другие заведения были закрыты.

Первый раз они сидели рядом, глядя друг на друга и улыбаясь. Не нужны были никакие слова. Да, они говорили о возвышенном, но гораздо позднее, когда

счастье буквально излучалось из них. Они встретили друг друга и располагали еще тремя днями. Затем отношения поддерживали через почту, как и миллионы других молодых пар, но они верили в свою любовь и хотели связать жизнь навсегда.

Навсегда? Нет, об этом лучше не думать. Волна снова взяла его в оборот. Манфред Флигер почувствовал, как что-то сдавило шею. Из последних сил за него ухватились две руки. Кто-то из моряков уцепился за него со спины. Возможно, даже не осознавая, что делает. Они оба погрузились под воду.

Флигер яростно отбивался, поднялся на поверхность и попытался увлечь за собой человека, вцепившегося мертвой хваткой, но у него ничего не получилось. Если он не освободится от груза, они оба утонут. Он глотал воду и выплевывал ее. Мужчина, казалось, обладал силой пятерых. Положение было отчаянным.

– Пусти! – орал Флигер.

Но перед угрозой смерти тот держался еще крепче. У Флигера не было выбора. Он действовал решительно, без раздумий, без сожаления, повинуюсь только инстинкту самосохранения. Он бил сослуживца по голове так часто и сильно, как только мог. Видел перед собой перекошенное от ужаса лицо, безумные глаза, ненавидел себя за это и все равно делал. Он вынужден был так поступить, даже если бы пришлось жалеть о своем поступке всю оставшуюся жизнь и утопленник снился каждую ночь. Тем временем силы сослуживца убывали, хватка ослабевала.

Флигер не смел смотреть на того, чья судьба была решена им самим.

Первые двадцать – тридцать моряков, прыгнувших с немецкого флагмана, достигли левого борта «Дорсетшира». Когда были сброшены с корабля концы канатов, произошли неприглядные сцены. Люди, плывшие последними, стремились пробраться вперед.

Четверо или пятеро схватились за канат и старались удержаться на нем изо всех сил, мешая друг другу. Несколько человек, сохранивших хладнокровие, пытались призвать к порядку остальных. Но никто не обращал на них никакого внимания. Товарищеская взаимовыручка, которая так долго культивировалась, теперь была пустым звуком. Каждый за себя. И спасение одного могло означать гибель другого.

Несколько британских моряков, перегнувшись через перила, что-то кричали. Они делали все, что могли. Им удалось протащить веревку, за которую уцепились три человека. Но делали это слишком медленно. Другие моряки наблюдали за происходящим. Поднимать трос следовало гораздо быстрее. Все больше и больше спасшихся немецких моряков подплывали к «Дорсетширу». Как могли решить судьбу трех-четырех сотен людей десяток веревок, спущенных вниз?

Одна из веревок оборвалась. Три матроса ушли под воду, вынырнули на поверхность, крича и преграждая путь к спасению другим.

Наконец показался Поллак, кричавший громче всех:

– Дайте мне подняться первому. Не забывайте, у меня жена и ребенок.

Никто на него не обращал внимания. Поллак продолжал зудеть:

– Подумайте о моей жене и ребенке.

– Здесь у всех жены и дети, – набросился на него Линденберг.

Наконец Поллаку удалось ухватиться за веревку. Британский моряк увидел это и быстро потащил ее вверх. Еще два метра, и матрос, ставший три дня назад отцом, будет спасен. Только две-три секунды.

Однако силы покинули его. Поллак отпустил веревку и упал в воду. Другой моряк, воспользовавшись ситуацией, ухватился за нее и был поднят наверх. В это время Поллак пронзительно кричал и, захлебываясь,

тонул на глазах у счастливец. Помочь тому, кто бездействует сам, невозможно.

Позже моряки вспоминали подробности происходившего, людей, погибших в нескольких метрах от средства спасения. Они говорили об этом, еще не веря, не понимая, что произошло чудо.

Десятки людей проплывали рядом с «Дорсетширом». Молили о помощи, яростно били по воде руками, пытаясь избежать неминуемой смерти, но были унесены вдаль штормящим морем.

Старший матрос Ржонка увидел свободный конец веревки, свисавший с кормы. Он рванулся к ней, отделившись от барахтающейся массы. Но кто-то опередил его. Ржонка видел, как сослуживца тащили вверх. Волна подхватила его и сильно ударила о корпус корабля. Боль пронизала матроса. «Что бы ни было, я должен держаться, – подумал он. – Через минуту снова сбросят канат».

Через несколько секунд накатила новая волна. Снова удар о корпус. Бросили веревку. Но на ней уже висел матрос. Рядом спустили еще одну. Должно быть, моряки с борта корабля заметили его. Он ухватился за веревку. «Боже, – молился он, – дай достаточно сил, чтобы продержаться несколько секунд». Он висел в воздухе. Чувствовал вес собственного тела, тянувшего вниз все сильнее и сильнее. Больше держаться не было сил. Он собрался было выпустить веревку из рук.

Но два британских моряка перегнулись через перила, подхватив его под руки, и втащили на борт. Он увидел их улыбку и потерял сознание...

Через несколько секунд был спасен приятель Ржонки Ремер. Огромный водяной вал накатился на корабль и обрушился на палубу, подняв на борт британского корабля двух или трех человек и разбив о корпус еще десяток.

Дьявольская борьба оставшихся в живых членов экипажа «Бисмарка» продолжалась. Звучали крики, проклятия, стоны и команды. По-прежнему пятьдесят рук тянулись к каждой веревке, а волны проносили людей мимо корабля, в нескольких метрах от места спасения.

Сколько времени англичане будут заниматься спасательными работами, трудиться на износ? Сколько людей будут продолжать дрейфовать в море, пока не приберет их смерть?

Затем произошло то самое. Ужасное, чудовищное. Исполнение смертного приговора для сотен людей, которых еще можно было спасти и которым протянули руку помощи их враги.

Была обнаружена германская подводная лодка. Совсем близко от «Дорсетшира». Впередсмотрящий увидел перископ. Прозвучала тревога.

– Все по местам!

Нескольким германским подлодкам, возвращавшимся из боевого похода, командование приказало поддержать «Бисмарк». Но они израсходовали все торпеды и вынуждены были просто наблюдать, как обреченный флагман оказался расстрелян в упор и утоплен экипажем.

Своим появлением подлодки объявили смертный приговор оставшимся в живых членам экипажа «Бисмарка». Англичан бессмысленно было убеждать, что с их стороны никакой опасности не исходит. Они обязаны были предвидеть возможную атаку.

– Полный вперед! – последовал приказ. – Маневрировать!

Но что, о Небо, должно было случиться с людьми, все еще висящими на веревках?

Морская война диктовала свой ответ. Их перерубили. Уцелевшие моряки «Бисмарка» попадали назад в море вместе с теперь уже бесполезными

обрывками канатов в руках. Они даже не успели осознать случившееся, но интуитивно поняли, что должны умереть, – среди них был молодой, отважный старшина Линденберг, который только что уступил место раненому, поднятому на борт британского корабля. Линденберг был одним из тех, кто делал гораздо больше, чем велел долг.

«Дорсетшир», набрав максимальный ход, лег на новый курс.

Крики о помощи уцелевших моряков «Бисмарка», теперь уже тщетные, постепенно затихали в бурных водах Атлантики.

Немецкими моряками завладело море, поглощая сотнями смелых людей, прошедших сквозь ад. Они стали его добычей. Судьба записала их слепо и жестоко в списки пропавших без вести, превратив их жен во вдов, а детей в сирот. Она стерла различия в званиях и должностях, теперь все равны – просто мертвецы...

Подобная сцена разыгралась у левого борта британского эсминца «Маори». Здесь обрубили канаты, как только заметили подлодку, немецкие моряки также попадали в море с концами канатов в руках, бросив последний отчаявшийся взгляд на корабль противника, который принял на борт десяток их более счастливых товарищей. Но они ничего не знали о германских подводных лодках, которые стали невольным смертным приговором. Не знали они и о том, что англичане возвращались на базу, почти исчерпав запасы топлива, и по этой причине тоже не могли тратить время на спасение оставшихся в море немецких моряков.

Моряки гибли десятками и сотнями. Их мольбы о помощи звучали все реже и реже.

Некоторые прощались друг с другом, обменивались последними рукопожатиями, обнимались. Через несколько часов их видели с кораблей, проходивших

мимо этого места. Двоих вырвала у смерти подлодка вскоре после полудня.

Все остальные к этому времени погибли. Как принято говорить, «смертью героя»...

Даже ожидая атак вражеских подлодок, экипажи «Дорсетшира» и «Маори» стремились спасти жизнь германских моряков, поднятых ранее на борт. Многим угрожало удушье. С них сняли спасательные жилеты и промасленную робу, а покрытые пленкой тела оттирали бензином. Их закутывали в одеяла и тормозили до тех пор, пока те не приходили в сознание. Давали дышать чистым кислородом, желудки промывали бренди или виски, выделяли лекарства, шоколад, сигареты. Британские моряки добровольно сдавали кровь.

На «Дорсетшир» приняли 83 моряка с «Бисмарка», на борт «Маори» – 30. Половине из них еще угрожала смерть – тем, кто наглотался топливного масла и не мог дышать, пострадал от инфарктов, утратил зрение и потерял много крови. Англичане сделали все, что могли.

Они лечили немцев так, как лечили бы своих соотечественников. Когда на корабле истощились продовольственные запасы, британские моряки делились своими пайками. На «Дорсетшире» продовольственная норма для экипажа была урезана вдвое. Но военнопленным давали возможность есть все, что они хотели и могли.

Тем не менее на «Маори» не обошлось без эксцессов. Пленные кричали и бегали по лазарету, пытаясь разгромить его, отбивались от медперсонала и не позволяли лечить себя. Напряжение нарастало. Делалось все возможное, чтобы успокоить немцев. Но безрезультатно.

К месту происшествия поспешил военврач. Возможно, первый спасенный немец, капитан-лейтенант, который крепко спал после принятия

снотворного, поможет успокоить своих сослуживцев. Он будил Вернера Нобиса, пока тот не проснулся.

На это ушло несколько минут.

– Вы говорите по-английски? – спросил нетерпеливо военврач.

– Да, сэр.

– Сможете мне помочь?

– Конечно, – ответил Нобис.

– Ваши люди должны немедленно успокоиться и лечь спать, – продолжал военврач. – Я хотел сделать им инъекции морфия, но они не позволили. Дайте мне вашу руку, быстрее.

Нобис попытался встать, но ноги его разъехались. Военврач помог ему устоять. Покачиваясь после сна, немецкий офицер добрался до лазарета, где обстановка накалялась.

– Тихо, матросы! – крикнул Нобис. – Не теряйте разума. Вам ничего не угрожает. Томми хотят вам помочь.

– Я не позволю им отравить себя, – занял старшина. – Они уже умертвили своими инъекциями троих.

– Вздор, – грубо оборвал его Нобис. Он почти преодолел слабость. Но приходилось изо всех сил бороться с усталостью. – Послушайте, – продолжал он, – ампулы содержат морфий. Небольшая доза поможет вам уснуть. Проснетесь завтра в прекрасном настроении. Даю слово.

Он обменялся несколькими словами по-английски с военврачом, стремясь показать своим людям, что может нормально общаться с британцами. Затем Нобис упал в обморок. Два британских моряка уложили его на койку.

Немецкие моряки сразу успокоились. Они были смущены. Возбуждение последних нескольких часов давало о себе знать. Им было стыдно за свое поведение. Они поняли, что вновь стали жертвами пропаганды,

которая пичкала их день за днем историями о зверствах противника.

С этого момента все пошло в нормальном русле. Моряки с готовностью принимали успокоительное, благодарно улыбаясь. Лазарет, вместивший 30 человек, спасшихся с «Бисмарка», погрузился в глубокий оздоровительный сон без сновидений, который продолжался десять – четырнадцать часов без перерыва. Проснувшись, они еще не осознавали, что ужас войны отступил от них, что для них она закончилась...

Для англичан, все еще находившихся в зоне досягаемости самолетов люфтваффе и германских подводных лодок, операция «Бисмарк» еще не завершилась. 27 мая 1941 года в 13.00 агентство Рейтер объявило, что германский флагман потоплен. В 1.22 западное командование ВМС Германии попросило командующего флотилией, находившегося на «Бисмарке», уточнить местоположение корабля. «Бисмарк» не ответил...

С британской стороны в операции участвовали 8 линкоров и крейсеров, 2 авианосца, 4 тяжелых крейсера, 7 легких крейсеров, 21 эсминец и 6 подводных лодок. Кроме этого, их поддерживали с воздуха самолеты морской авиации. Эти силы, координируя свои действия, сумели нанести такой урон германскому флагману, что экипажу пришлось затопить его. Это, конечно, не могло компенсировать потерю «Худа», который являлся национальным символом...

После того как «Бисмарк» уже затонул, англичане предприняли последнюю и совершенно бессмысленную атаку на него самолетов-торпедоносцев. Эскадра вице-адмирала Сомервила находилась слишком далеко от «Бисмарка» на заключительном этапе боя, чтобы принять в нем участие, но достаточно хорошо слышала артиллерийскую канонаду. В донесениях сообщалось,

что подчиненные ему силы действуют в соответствии с планом. Поэтому вице-адмирала сильно обеспокоили три радиогаммы, поступившие одна за другой: «„Бисмарк“ еще на плаву»; «Эскадра сэра Джона Тови не в состоянии потопить корабль артиллерийским огнем»; «Линкоры эскадры прерывают операцию из-за недостатка топлива».

В этих обстоятельствах сэр Джон Сомервил решил вновь задействовать самолеты авианосца «Арк Роял». Вскоре после их вылета «Дорсетшир» радировал: «„Бисмарк“ затонул».

Последовал приказ торпедоносцам – вернуться. Поскольку посадка на палубу авианосца самолетов с торпедами на борту при сильном волнении моря представлялась небезопасной, им пришлось сбросить боезапас в море. Только они сели на палубу «Арк Роял», как авианосец атаковал двухмоторный «Хейнкель», но неудачно.

Теперь отряд Н развернулся и взял курс на Гибралтар.

Морской штаб послал 11 эсминцев для встречи возвращавшихся британских линкоров. Но только через полторы суток эсминцы встретили британские корабли и объединились с ними в эскадру. Особую тревогу вызывал тот факт, что британские корабли из-за недостатка топлива были вынуждены следовать тихим ходом.

28 мая, через день после затопления «Бисмарка», наконец появилось значительное количество германских бомбардировщиков. Их атаке подверглись эсминцы «Машона» и «Тартар». Первый получил прямое попадание и затонул. Погибли офицер и 45 членов экипажа.

Так завершилась операция против «Бисмарка».

Ночью уцелевших людей с «Бисмарка», подобранных «Дорсетширом» и спавших крепким сном, разбудили. Британские моряки языком жестов попросили их подойти к больничным койкам. На одной из них лежал тяжело раненный старшина-механик Хаузер. Он благодаря огромной силе воли после утраты обеих ног доплыл до «Дорсетшира», был поднят на борт корабля и немедленно прооперирован. Хаузер сильно бредил, но военврач был уверен, что тот выздоровеет. Рядом с ним лежал механик машинного отделения Шафер, напоминавший живой труп, потому что проглотил столько топливного масла, что всю оставшуюся жизнь должен был находиться на искусственном питании. В нем еще теплилась жизнь.

Но люди были подняты среди ночи прежде всего из-за третьего пациента – ради механика машинного отделения Люттиха.

– Кто-нибудь говорит по-английски? – обратился к ним британский старшина-санитар. – Ваш товарищ умирает.

Англичане вышли из помещения, оставив немцев наедине с сослуживцем.

– Ну как ты? – поинтересовался старший матрос Ржонка.

Товарищи склонились над смертельно раненым Люттихом.

– Я долго не протяну, – ответил он тихо. Говорить ему было трудно.

– Не падай духом, худшее позади.

Вокруг него стоял десяток матросов, старавшихся скрыть свое волнение. Они отводили глаза и старались не смотреть друг на друга. Скрипели зубами. В бою каждый из них сотни раз сталкивался со смертью. Но тогда она, по крайней мере, была скорой.

– Рад, что вы здесь... Плохо... когда один.

– Мы не оставим тебя, – утешал товарища Флигер. – Через несколько дней ты поправишься. – Он старался казаться уверенным в том, что говорил, но дрожащий голос выдавал его.

– Вы... вернетесь... домой, – шептал умирающий, – расскажите... как это было. – Он попытался сесть, но не смог. В его голосе звучала мольба. – Послушайте, не жалейте их... расскажите им все... расскажите, как все было... расскажите матерям... вы должны рассказать... женам... и... детям.

Его губы продолжали беззвучно шевелиться. На фоне повязки вокруг головы его лицо казалось еще бледнее. Все видели, насколько трудно ему было говорить, как тяжело давалось беззвучное шевеление губами. Он мобилизовал все оставшиеся силы, чтобы высказать товарищам перед смертью все наболевшее.

Некоторые матросы не могли выдержать такое испытание. «Боже, – молились они про себя, – если этому суждено сбыться, то пусть сбудется скорее, избавь его от агонии».

Губы умирающего прошептали последние слова:

– Все... кончено. Будь... оно... проклято.

Механик забился в конвульсиях. Он стонал, закрыв глаза, сжал кулаки, затем замер, замолчал и перестал дышать.

– Он уснул, – сказал Флигер.

– Да, он спит, – согласился Ржонка. – Позовите врача, может, он сделает что-нибудь.

Подошедший военврач склонился над механиком, закрыл ему веки и резко выпрямился.

– Мертв, – произнес он лаконично. Пожимая руки немецким морякам, смотрел в сторону. В его глазах блеснули слезы.

После этого военврач быстро покинул помещение...

Каждый из моряков смотрел на мертвого товарища в последний раз, бормотал молитву и молча уходил.

В 10 утра следующего дня состоялись похороны. Британские моряки, свободные от вахты, выстроились квадратом на верхней палубе вокруг мертвого немецкого моряка. Его завернули в белую парусину, которую, в свою очередь, обернули немецким флагом. Флаг на мачте был приспущен.

Вперед вышел британский офицер и прочитал молитву на английском. Командир корабля произнес короткую речь. И хотя немногие немецкие моряки поняли то, что он говорил, все были растроганы. Затем офицер предложил одному из товарищей покойного сказать несколько слов.

Старшина неуверенно вышел вперед.

– Дорогой усопший друг, – сказал он. Слова застревали в горле. Он начал снова. Слезы мешали ему нормально говорить, он посмотрел на товарищей, потом на англичан, которые отдавали последние почести умершему неприятелю, а их печальные лица были красноречивее всяких слов. – Мы не забудем тебя, – произнес тихо старшина.

Командир подал знак. Покойного опустили в воду. Один из членов экипажа «Бисмарка» сыграл на губной гармошке, позаимствованной у британского моряка, песню «У меня был товарищ».

Затем они молча стояли – 82 моряка, выжившие в настоящем аду. Их мысли растворялись в слезах, тела сотрясались от всхлипываний. Они спрашивали себя: почему это все стало возможно, ради кого или чего?

Но ответа не находили.

В море, в нескольких метрах от британского крейсера, покойный, обернутый в саван из немецкого флага, опускался на дно – в могилу моряка.

Германское Верховное командование сразу же объявило о гибели «Бисмарка». Невозможно было скрыть катастрофу, произошедшую в ходе крупного

морского боя приблизительно в 400 морских милях к западу от Бреста.

Газетам, только что ликовавшим в связи с потоплением «Худа», пришлось описывать кончину «Бисмарка». Никаких подробностей не приводилось. Не было сказано ни слова о неподготовленности похода германской эскадры в Атлантику, о том, что с самого начала операция получила название «Победа или смерть».

Пресса быстро сменила тематику. Министерство пропаганды не хотело обсуждать трагедию «Бисмарка». Лишь тысячи родственников, матерей, жен и детей погибших моряков в десятый, сотый раз говорили об этом. Они не могли молчать.

Они навсегда потеряли своих отцов, мужей и сыновей, которые сгинули в водах Атлантики.

Уцелевшие моряки с «Бисмарка» медленно приходили в себя, постепенно выходя из шокового состояния. Они стали распознавать аромат сигарет, переставали искать одиночества, уставившись в одну точку. Стали больше общаться друг с другом. Им разрешалось, как правило, свободно передвигаться по кораблю по своему усмотрению. Они поднимались на палубу подышать свежим воздухом и всматривались в бескрайние морские просторы, в глубине которых закончились страдания их сослуживцев и друзей.

Затем война неожиданно снова вернулась к ним. На «Маори» объявили воздушную тревогу. В небе «Хейнкель-111». Англичане ведут зенитный огонь. Бомбы падают вблизи от корабля. Попадания. Взрывы. Крики. Раненые. Крен. Проклятия. Страх.

Неужели это никогда не кончится? Избежав гибели в бою, стоит ли теперь бояться своего самолета?

«Маори» вышел из боя, получив серьезные повреждения.

На «Дорсетшире» также объявлена тревога. Обнаружена германская подводная лодка. Корабль начал маневрировать, чтобы усложнить задачу противнику и обезопасить себя. Когда последует торпедная атака и раздастся команда «Покинуть корабль»?

Немецкие матросы находились в помещениях под палубами. Они вновь обменивались беспокойными взглядами. Одни молчали, других было просто не остановить. Но на этот раз им повезло. «Дорсетшир» вернулся на базу без потерь.

Немецкие офицеры собрали своих матросов.

– Теперь нас будут допрашивать, – предупредил капитан-лейтенант Юнак. – Положения Женевской конвенции вы знаете. Вы не обязаны ни в чем признаваться. Важно другое. Ни при каких обстоятельствах не следует говорить томми, что мы сами затопили «Бисмарк». Понятно?

– Так точно, герр капитан, – ответил старшина, – но почему мы должны делать вид, что это сделали англичане?

– Очень просто, – ответил офицер. – Им не следует знать, что наша броня выстояла перед их торпедами.

«Мы еще не скоро выйдем из войны», – подумал с горечью Ржонка. Но ничего не сказал. Только после войны офицеры британской разведки узнали, что германский флагман был затоплен экипажем.

Теперь они располагали временем для писем. Но не знали, когда снова увидят свои семьи. Хотя теперь, когда они избежали смерти, можно было надеяться на то, что встречи с родными однажды произойдут. После войны. В условиях мира. После того страшного времени, которое, к счастью, никогда не вернется...

Капитан-лейтенант Нобис Вернер быстро поправился. Англичане даже предоставили ему на «Дорсетшире» каюту. Первое время они офицера ни о

чем не спрашивали. Британцы, навещавшие его и оставлявшие на тумбочке сигареты и шоколад, удивлялись совершенному знанию английского языка и вспоминали часто о старых добрых временах, когда работали в торговом флоте.

Вскоре Нобис начал объективно относиться к тому, через что прошел. Он понял, кому служил и чем следует заняться сейчас. Он будет обличать войну, напишет правдивую историю о катастрофе с «Бисмарком».

Когда попал в Португалию и имел возможность избежать войны, он не воспользовался ею и добровольно вернулся в Германию. Несмотря на любовь к Дайне. Война пощадила его, он был одним из 116, избежавших гибели. И теперь, когда он уцелел в кровавой бойне и больше не считал себя сторонником войны, будущее представлялось ему простым и ясным. Однажды война кончится. Он получит свободу и сможет вернуться к Дайне. Однажды наступит мир...

Навсегда?

Англичане дали Нобису бумагу и ручку, без лишних расспросов позволили немецкому военнопленному написать письмо Дайне. В нем Нобис рассказал о пережитом. Ужас и тщетность всего.

«Каждое твое слово оказалось правдой. Я заплатил за это, поверь, я проклял безумие, которое увело меня от тебя. Больше никогда у меня не может быть иного долга, кроме как любовь к тебе. Если я еще что-то значу в твоей жизни. Если ты позволишь мне любить тебя».

Вернер Нобис не знал, дойдет ли его письмо до Дайны.

Внутри себя он признавал, насколько мало у него надежды, и в то же время надеялся. Он сошел на берег в Англии... И вот однажды услышал свое имя, когда раздавали очередную почту. Он взглянул на конверт, увидел португальскую почтовую марку и несколько

минут просто держал его в руках, не осмеливаясь распечатать.

Затем прочел его. Ответ Дайны был прост, ясен и по существу. Она написала именно то, на что он, вопреки всему, надеялся. Вот последняя строчка письма: «Однажды война кончится, и тогда...»

Капитан-лейтенант Юнак тоже писал письма своей невесте в Гамбург. После войны он вернулся туда и женился на ней. Ржонка женился по доверенности, пока был еще военнопленным. В 1943 году. Четыре года брак существовал только на бумаге. Затем он приехал домой. Вскоре родился его сын Фридрих, а в 1952 году Ржонка вышел в море в последний раз – эмигрировал в Америку...

Как перенесли плен другие уцелевшие моряки «Бисмарка»? Они попали в распоряжение противника, который вел себя благородно. Несколько месяцев моряки провели в Англии, затем их переправили в Канаду. Через два года, в 1943-м, матросы Браун и Флигер сыграли шутку со своими охранниками, о чем писали все газеты...

Несколько сот моряков находились в лагере для военнопленных близ Монтиса. Тогда казалось, что война никогда не кончится. Правда, почта приходила регулярно. На питание тоже грех жаловаться. Но вряд ли кому нравится жить за колючей проволокой. Несколько недель Браун и Флигер, спасенные «Дорсетширом» два года назад, разрабатывали план побега.

И вот время пришло. Они раздобыли ведро краски и пару спецовок для маляров. Браун вырос в Канаде и бегло говорил по-английски. Он научил основам языка своего приятеля Флигера. Они покрасили стойки забора из колючей проволоки внутри лагеря. Затем подошли к воротам. Неожиданно их свободно выпустили.

Охранники не обратили на них особого внимания. Кому придет в голову совершить побег в Канаде? Немцы покрасили еще одну-две стойки снаружи. Затем бросили стремянку и пустились в бега по стране.

Им удалось раздобыть немного денег. Браун купил два костюма. Они ни у кого не вызвали подозрения. Теперь немецкие моряки стали свободными людьми. Но свобода, как известно, любит деньги. Они устроились работать официантами. Документов у них никто не спрашивал. Все шло отлично. Несколько часов работы в день и оплата наличными, еще сохранявшими некоторую ценность. Они с удовольствием пили виски, а когда заканчивался трудовой день, встречались с канадскими девушками. Сняли уютную квартиру. Соседи приветствовали их, приподнимая шляпы.

Затем последовал первый удар. Нелепое совпадение, и они вновь оказались за колючей проволокой. Каждый раз, обслуживая клиентов, они проходили на кухню через небольшую переднюю. Там стоял поднос с сэндвичами для официантов. В большом ресторане их работало человек десять. Официантам приходилось поторапливаться. Поэтому у них выработалась привычка перекусывать, пока проходили через переднюю. Они откусывали от сэндвича кусок и оставшуюся часть куда-нибудь клали. Канада, даже в военное время, была страной изобилия. Такая расточительность удивляла беглых военнопленных. Их немецкая экономность взяла верх. Они стали собирать недоеденные сэндвичи с тем, чтобы потом доесть.

Коллеги обратили на это внимание. «Эти двое какие-то странные люди, – разговаривали официанты между собой. – Вряд ли они канадцы». Один из официантов сообщил в полицию – Браун и Флигер вновь стали военнопленными.

В начале 1947 года отпустили последних военнопленных – членов экипажа «Бисмарка».

Уцелевших моряков ошеломила радость встречи с родным домом. Большинство из них совершили свой последний морской поход, чтобы вернуться сюда.

«Бисмарк» принес германскому флоту выдающуюся победу и горечь поражения. Боевой корабль, чудо техники, выдержал все испытания и тем не менее лег на дно океана с тысячами отчаявшихся, перенесших страшные муки отважных моряков. Они отправились в морской поход с улыбкой на лицах, а уходили из жизни перекошенные агонией. Их смертельная борьба продолжалась несколько дней или часов, но затем они оказались брошенными на произвол судьбы без всякой надежды. Немецкие моряки видели гибель товарищей и понимали, что скоро наступит их черед. Они дрейфовали в море, держали в руках концы канатов, сброшенных англичанами... и все же умирали. Их принимало море.

Моряки «Бисмарка» погибали с девизом «Выполнить долг ценой жизни» – этим лозунгом пестрели газеты, его вдалбливали в голову новобранцев, когда они присягали Германии и фюреру. Он стоил жизни сотням тысяч, миллионам людей и стал их проклятием, последним утешением и освобождением от иллюзий.